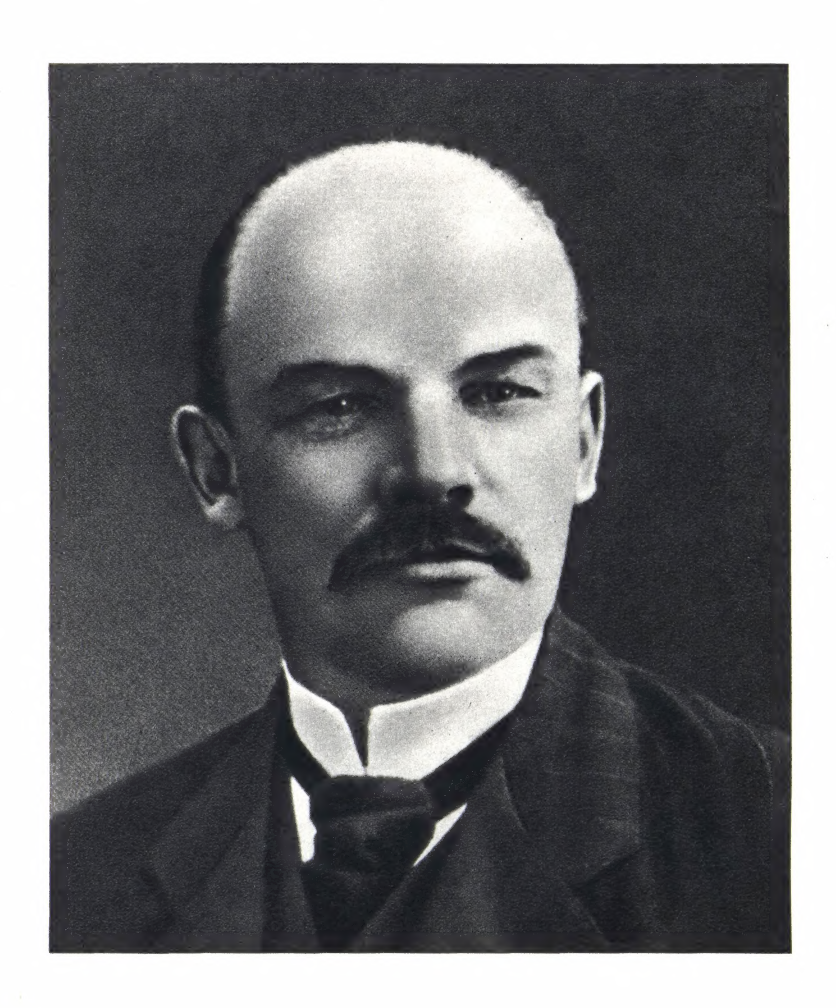
К. Н. ЛОМУНОВ

ЛЕНИН ЧИТАЕТ ТОЛСТОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Владимир Ильич Ленин.
1910 год.

К. Н. ЛОМУНОВ

ЛЕНИН читает ТОЛСТОГО

* *
*

Москва

„Детская литература"

1974

ЗК 2
Л 75

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Художественно-публицистический очерк

Оформление Е. Ганнушкина

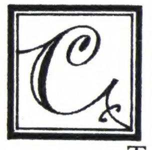
Л $\frac{0763-004}{101(03)74}$ 446—74

Ленин и Толстой

Введение

Ильич хорошо знал русскую литературу — она была для него орудием познания жизни.

Н. К. Крупская

С юных лет и до конца жизни Владимир Ильич был ревностным читателем и страстным почитателем произведений, созданных русскими писателями-классиками. Отлично зная и любя отечественную литературу, он особенно большой интерес питал к личности и творчеству Льва Толстого. Мы не ошибемся, если скажем, что Толстой принадлежал к числу наиболее ценимых Лениным писателей.

Никто другой из предшественников и современников Толстого в русской и мировой литературе не привлек к себе столь же большого и пристального внимания Ленина, как это сделал автор «Войны и мира» и других великих произведений.

Мы пока не знаем, когда Владимир Ильич впервые познакомился с сочинениями Толстого. Ни в литературе о Ленине, ни в литературе о Толстом об этом нет точных сведений: их еще надо постараться отыскать. Но уже теперь известно, что в годы учения в Симбирской гимназии Владимир Ульянов читал много больше того, что требовалось учебной программой, и знакомился с произведениями, не только не включенными в нее, но и запрещенными для гимназических библиотек.

Мария Ильинична Ульянова рассказывает о брате: «Еще совсем юным, в последних классах гимназии... он проводил все вечера за книгой». Из воспоминаний гимназистов—соучеников Володи Ульянова—можно заключить, что в круг его чтения входили тогда Пушкин, Гоголь, Крылов, Лермонтов, Тургенев, Некрасов, Гончаров, Островский и другие писатели-классики. Руководил его чтением не учитель гимназии, а отец, Илья Николаевич, заботившийся о том, чтобы приучить своих детей к систематическому изучению лучших произведений русской и зарубежной литературы.

В домашней библиотеке Ульяновых хранились книги писателей — революционных демократов. Не только их книги, но даже имена этих писателей не упоминались на уроках в гимназии. А «в семье Ульяновых, — пишет в своих воспоминаниях Н. К. Крупская,— эта литература была очень в ходу». Один из товарищей Владимира Ильича по гимназии вспоминает: «Чтение запрещенных книг преследовалось очень строго... Несмотря на все строгости, мы находили время для чтения и увлекались запрещенными произведениями Добролюбова, Писарева, Белинского, Герцена и Чернышевского. Читали мы также журналы «Дело», «Современник» и «Отечественные записки». Городская Карамзинская библиотека не удовлетворяла нас, и поэтому гимназисты старались доставать книги из частных библиотек своих родных».

Здесь названы передовые русские журналы: «Современник», основанный в 1836 году Пушкиным, в 40-е годы руководимый Белинским, в 60-е годы ставший трибуной революционных демократов во главе с Чернышевским, Некрасовым и Добролюбовым; «Отечественные записки», продолжавшие благодаря усилиям Некрасова и Щедрина славные традиции «Современника», запрещенного царским правительством в 1866 году. В том же году начал выходить журнал «Дело», заменивший закрытый правительством журнал «Русское слово», виднейшим сотрудником которого был талантливый критик, революционный демократ Д. И. Писарев.

В юношеские годы Владимир Ильич, по его словам, «зачитывался Писаревым». В воспоминаниях «Что нравилось Ильичу из художественной литературы» Н. К. Крупская говорит: «Писарева Владимир Ильич в свое время много читал и любил». Надежда Константиновна имеет в виду, главным образом, гимназические годы Ленина.

Товарищ Владимира Ильича по гимназии рассказывает, что из его рук он получил запрещенный царской цензурой роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». За это Володя Ульянов едва не поплатился исключением из гимназии.

Интересно отметить, что на выпускном экзамене в Симбирской гимназии Владимир Ульянов написал сочинение на тему «Царь Борис Годунов по произведению А. С. Пушкина» и что, выдержав блестяще все экзамены, он один из всего выпуска (27 гимназистов) был удостоен золотой медали.

Мы назвали много имен русских писателей-классиков, с произведениями которых Владимир Ильич познакомился в годы учения в гимназии. Об этом сообщили его сверстники. Однако среди названных ими писательских имен нет имени Льва Толстого... Может быть, его книги не попали в руки молодого Ленина? Подобное предположение нужно решительно отвергнуть. С произведениями Толстого Владимир Ильич познакомился также в гимназические годы. Но не на уроках в гимназии, а дома. Его сестра Анна Ильинична, вспоминая о жизни дружной семьи Ульяновых в Симбирске, пишет: «В с е х р у с с к и х к л а с с и к о в мы прочли в средних классах гимназии. Отец рано дал их нам в руки, и я считаю, что такое раннее чтение сильно расширило наш горизонт и воспитало наш литературный вкус...» А страницей выше Анна Ильинична написала: «В возрасте тринадцати и двенадцати лет мы с Сашей читали «Войну и мир» (подчеркнуто мной.— *К. Л.*).

Гимназист Володя Ульянов был не менее любознателен, чем его старший брат и сестра, и подчеркнутые слова характеризуют также и его круг чтения в юные годы («все русские классики»!). В августе 1887 года Владимир Ильич выдержал вступительные экзамены на юридический факультет Казанского университета, где четырьмя десятилетиями раньше учился Лев Толстой. Но студенческая жизнь Владимира Ильича продолжалась недолго: в декабре того же года Ульянов был исключен из университета за участие в революционном студенческом движении. Тогда же он был выслан из Казани в деревню Кокушкино и около года провел в своей первой ссылке.

Попытка Владимира Ильича вновь стать студентом Казанского университета не увенчалась успехом: министерство просвещения отказало ему в этом. Он просил разрешить ему выезд за границу, где намеревался завершить университетское образование. И в этом ему было отказано. Лишь в 1891 году Владимиру Ильичу разрешили сдать экстерном государственные экзамены при Петербургском университете.

В эти годы он живет в Казани, Самаре, Петербурге и не только готовится к экзаменам, но и все более активно участвует в революционной деятельности.

Из воспоминаний людей, близко знавших Владимира Ильича в казанский, самарский и петербургский периоды его жизни, можно многое узнать о том, какими путями формировался он как профессиональный революционер, как будущий вождь социалистической революции в России. И сравнительно мало говорят мемуаристы о том, какими в те годы были эстетические, художественные интересы и вкусы Ленина. Более того, среди его молодых соратников в ту пору сложилась о нем легенда, как о человеке, которого совершенно не интересуют искусство и художественная литература. Об этом с большим юмором рассказала Надежда Константиновна Крупская, впервые встретившаяся с Лениным в Петербурге в 1894 году.

Один из товарищей Ленина, перед тем как познакомить с ним Надежду Константиновну, сказал ей, что «Ильич — человек ученый, читает исключительно ученые книжки, не прочитал в жизни ни одного романа, никогда стихов не читал».

Надежда Константиновна была очень удивлена, услышав эти слова. «Подивилась я,— пишет она о рассказе товарища.— Сама я в молодости перечитала всех классиков, знала наизусть чуть ли не всего Лермонтова... Такие писатели, как Чернышевский, Л. Н. Толстой, Успенский, вошли в мою жизнь как что-то значащее. Чудно́ мне показалось, что вот человек, которому все это не интересно нисколько».

В первую пору знакомства обстоятельства их жизни в Петербурге складывались так, что Крупской не удалось поговорить с Владимиром Ильичем о его отношении к художественной литературе. И, только приехав к нему в сибирскую ссылку, где началась их совместная жизнь, Надежда Константиновна убедилась в том, что, как она пишет, «Ильич не меньше моего читал классиков...». И все дальнейшие годы общения с Владимиром Ильичем убедили ее в глубоком заблуждении тех, кто считал его человеком, равнодушным к искусству.

Пройдя рука об руку с Лениным долгий жизненный путь, став его женой, другом и помощником, Надежда Константиновна лучше, чем кто-либо другой, узнала Владимира Ильича. Со страниц ее воспоминаний, привлекающих внимание читателя не только своей простотой и ясностью языка и стиля, но и особой сердечностью тона, встает покоряющий образ Ленина.

«...Сейчас кончил читать Ваши воспоминания о Владимире Ильиче, — писал Надежде Константиновне Горький,— такая простая, милая и грустная книга. Захотелось отсюда, издали пожать Вам руку и — уж, право, не знаю,— сказать Вам спасибо, что ли, за эту книгу? Вообще — сказать что-то, поделиться волнением, которое вызвали Ваши воспоминания».

Мы не раз будем обращаться к этой книге Н. К. Крупской и к другим ее работам. Приведем здесь еще несколько высказываний Надежды Константиновны. «Владимир Ильич,—говорит она,—не только читал, но много раз перечитывал Тургенева, Л. Толстого, «Что делать?» Чернышевского, вообще прекрасно знал и любил классиков».

В письмах из эмиграции Н. К. Крупская сообщала о том, как часто Владимир Ильич обращался к произведениям Толстого: «Разрозненный томик «Анны Карениной» перечитывается в сотый раз»,— писала она М. А. Ульяновой.

Она же рассказала о том, как в 1914 году Владимир Ильич в Берне смотрел постановку драмы Толстого «Живой труп». «Приехала как-то в Берн русская труппа, игравшая на немецком языке, — вспоминала Н. К. Крупская,— ставили пьесу Л. Толстого «Живой труп». Мы тоже пошли. Играли очень хорошо. Ильича, который ненавидел до глубины души

2e année

ГОДЪ 2-й

Paris-France 10 c.

ПАРИЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ

MESSAGER RUSSE DE PARIS

№ 2 Samedi 14 janvier 1911.

Суббота 14 января 1911. № 2

W. Beloi

Parijsky Vestnik

est le seul journal

IL EST

dans toutes les Colonies

ВЪ СРЕДУ 18-го ЯНВАРЯ 1911 г.
въ Salle des Sociétés Savantes
(8, rue DANTON), состоится лекція
Н. ЛЕНИНА
на тему:
ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
Нач. въ 8 ч. Послѣ лекціи своб. дискуссія.

HERNIE

Продолжается подписка

„Парижскій Вѣстникъ"

Читателямъ „Парижскаго Вѣстника"

„Славянское Агентство"

Н. В. СОРОКИНЪ и К°

Agence Commerciale Russe

ВНИМАНІЕ!!!

Т. Макса

Книжный магазинъ и складъ

Общее Дѣло

Зубоврачебный массажъ

Кефиръ Карріонъ

Іогуртъ Карріонъ

Книгоиздательство „Польза"

Л. Н. Толстой

Pension de famille

Прогулка-Ривьера

ВЪ СРЕДУ 18-го ЯНВАРЯ 1911 г.
въ Salle des Sociétés Savantes
Н. ЛЕНИНА
ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Газета «Парижский вестник» от 14 января 1911 года. В ней объявлено о предстоящей лекции Ленина о Толстом. Текст объявления здесь укрупнен и вынесен в центр газетного листа.

всякое мещанство, условность, эта пьеса чрезвычайно разволновала. Потом он хотел еще раз пойти ее смотреть».

После Великой Октябрьской социалистической революции, безмерно занятый государственной и партийной работой, Ленин находил время для того, чтобы перечитать страницы любимых произведений Толстого, интересовался новыми книгами о его жизни и творчестве.

Описывая одну из своих встреч с В. И. Лениным в первые послеоктябрьские годы, А. М. Горький рассказывает:

«Как-то пришел к нему и — вижу: на столе лежит том «Войны и мира».

— Да, Толстой! Захотелось прочитать сцену охоты, да вот, вспомнил, что надо написать товарищу. А читать — совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу книжку о Толстом.

Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

— Какая глыба, а? Какой матерый человечище! Вот это, батенька, художник... И — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было».

Затем Владимир Ильич спросил:

« — Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

— Некого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный».

Горький очень интересовался кругом чтения Владимира Ильича. Его острый писательский глаз приметил, что «у Ленина на полке всегда томик Толстого». Надо добавить — на ближней полке, той, что была рядом с рабочим столом Владимира Ильича. А на других полках его библиотеки в Кремле и в подмосковных Горках (где прошли последние годы жизни Ленина) хранятся многие издания книг Толстого *[1], а также книги о жизни и творчестве писателя **.

Владимир Ильич был очень начитан — и в Толстом и в литературе о Толстом. Мы попытались составить перечень толстовских произведений, прочитанных Лениным, пользуясь при этом прямыми и косвенными свидетельствами. И, признаемся, были удивлены: в наш перечень вошли произведения, написанные Толстым в самые разные периоды его жизни — от ранних до последних. Один из старейших советских толстоведов — профессор Н. Н. Арденс замечает: «Не боясь ошибиться, следует сказать, что Ленин прочел и перечитывал всего Толстого (вплоть до «Севастопольской песни»)». (Исследователь имеет в виду сатирическую «Севастопольскую песню», написанную Толстым в 1854 году, когда он участвовал в обороне Севастополя. Она распространялась в списках как произведение неизвестного автора, и принадлежность ее Толстому была установлена

---

[1] Пояснения к словам, помеченным звездочкой, даны в конце книги на стр. 152—158.

Дом в Париже, где В. И. Ленин читал лекцию о Л. Н. Толстом.

У нас все здоровы. Жи-
вем по старому. Вчера
читал здесь реферат о Тол-
стом, — может-быть, по-
еду с этим рефератом по
Швейцарии в объезд.

Погода стоит здесь не-
дурная. Сухо, холодно (квар-
тира очень теплая у нас), гу-
лять недурно.

Крепко тебя обни-
маю, моя дорогая, и
желаю здоровья. Твой В. У.

Письмо Ленина матери от 19 января 1911 года с упоминанием о чтении им в Париже реферата о Толстом.

ЧИНОВНИКЪ
ОСОБЫХЪ ПОРУЧЕНІЙ
при
МИНИСТРѢ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

Совершенно секретно.

3219

10 ФЕВ. 1912

07

По полученнымъ Подполковникомъ Эргардтомъ отъ агентуры свѣдѣніямъ, 3I Января с. г. въ Лейпцигѣ Ленинъ прочелъ рефератъ на тему "Историческое значеніе Л.Н.Толстого".

Выручено было съ реферата: за продажу билетовъ 84 марки, продано литературы "Соціалъ-демократъ" и "Звѣзда" на I4 марокъ, и въ пользу политическихъ ссыльныхъ и каторжанъ собрано 2I марка.

Объ изложенномъ имѣю честь доложить Вашему Превосходительству.

Чиновникъ Особыхъ Порученій

№ I59.

Парижъ.

2|I5 Февраля I9I2 г.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Господину Директору Департамента Полиціи.

Донесение полицейского агента о чтении Лениным реферата о Толстом.

много позднее.— *К. Л.*) Чтобы быть вполне точным, лучше сказать: Ленин прочел почти всего Толстого, так как некоторые произведения писателя, рукописи которых хранились в его архиве, были опубликованы после кончины Владимира Ильича. Но действительно все толстовское, выходившее в свет при жизни Ленина, быстро попадало в поле его зрения.

Ленин отлично знал художественные произведения Толстого — его романы, повести, рассказы, пьесы, произведения малых жанров (очерки, сказки, притчи, легенды, редкие стихотворные опыты писателя, вроде уже упомянутой «Севастопольской песни»).

Ленину были известны все важнейшие разделы теоретического наследия Толстого, и прежде всего работы писателя в области социологии (социально-обличительные трактаты «Так что же нам делать?», «Рабство нашего времени», статьи о голоде, о земельном вопросе, о переписи населения и другие). Ленин хорошо знал публицистику «позднего» Толстого — его антивоенные статьи, обращения к царям, революционерам и народу, его «памятки» для солдат и офицеров, его антицерковные статьи («Исповедь», «Ответ Синоду»), его пламенные обличения самодержавного строя («Не могу молчать») и другие произведения.

Ленину были ведомы педагогические сочинения Толстого, его философские работы, статьи и трактаты на религиозно-моральные темы, наконец, работы по эстетике (трактат «Что такое искусство?») и литературно-критические работы (статьи о русских и зарубежных писателях).

Владимир Ильич не только читал и перечитывал художественные и теоретические произведения великого писателя, но и дал им глубокую характеристику и оценку.

Об исключительном внимании Ленина к жизни и творчеству Льва Толстого говорят семь статей о нем, которые Владимир Ильич написал в 1908—1911 годах *. Многочисленные высказывания о Толстом содержатся в других ленинских работах **. Известно, что, живя за границей, Ленин выступал с чтением рефератов и лекций о Толстом. В январе 1911 года Ленин прочитал в Париже реферат на тему «Толстой и русское общество», а через год выступил в Лейпциге с рефератом на тему «Историческое значение Толстого». К сожалению, тексты этих выступлений Ленина не сохранились. Об их содержании мы знаем по кратким газетным отчетам и письмам людей, слушавших чтение Владимиром Ильичем его рефератов.

В начале 900-х годов о Толстом не раз писала нелегальная газета «Искра», когда ее редактором был В. И. Ленин ***.

В статье, явившейся откликом на кончину писателя, Владимир Ильич с горечью говорил о том, что «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России». Только пролетарская социалистическая революция, указывал тогда Ленин, сможет открыть путь произведениям Толстого к народу: «Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*, нужна борьба и борьба против такого обществен-

ного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот» *.

И когда в нашей стране социалистическая революция совершилась, ее вождь и руководитель Владимир Ильич Ленин сделал очень многое для того, чтобы книги Толстого стали «действительно достоянием *всех*».

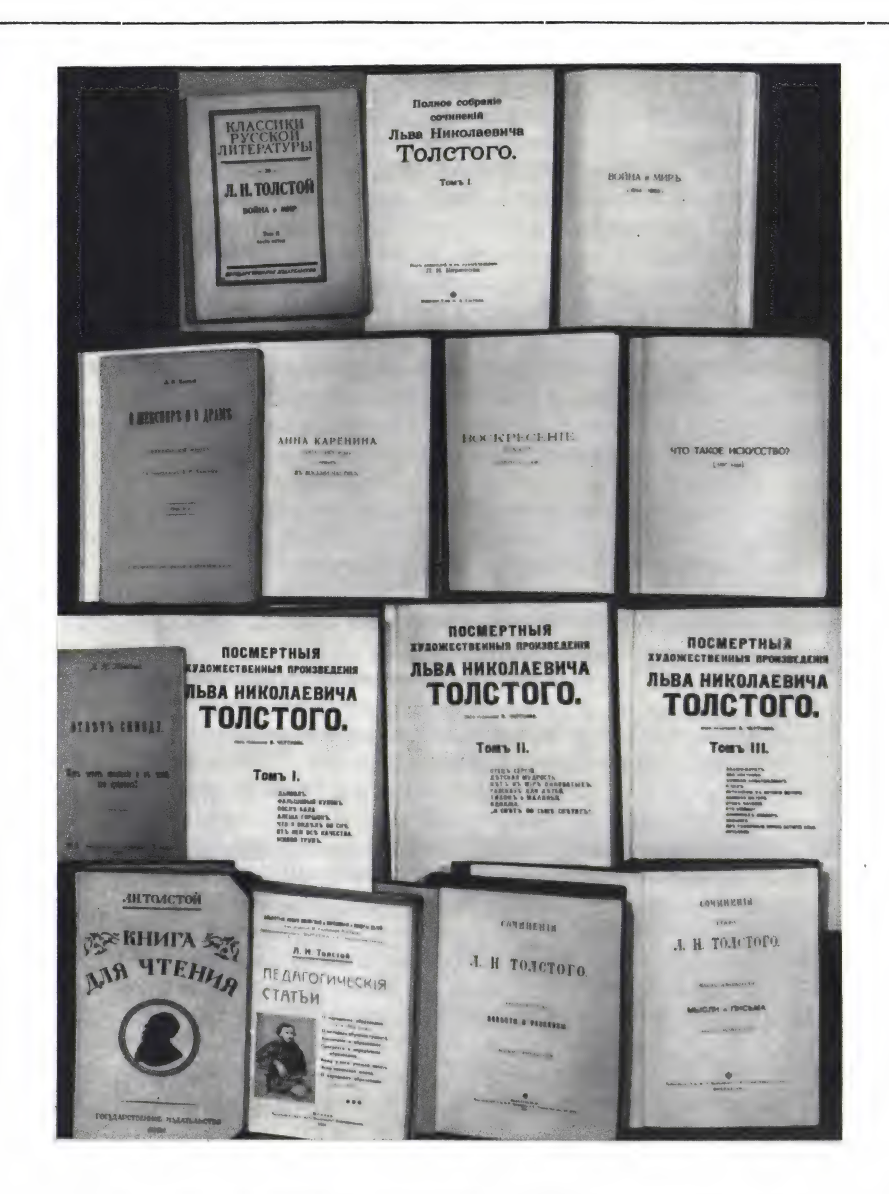
В воспоминаниях соратников Владимира Ильича приведены многочисленные примеры, показывающие заботу Ленина о наследии Толстого, говорящие о его постоянном интересе к личности и творчеству писателя. Так, например, В. Д. Бонч-Бруевич, лично знавший Владимира Ильича с 1894 года, пишет: «Вскоре после Великой пролетарской революции Ленин предложил А. В. Луначарскому (первому наркому просвещения в Советской России.— *К. Л.*) организовать при Народном Комиссариате просвещения издательский отдел и напечатать в большом количестве произведения классиков, Толстого в первую очередь». Владимир Ильич указал при этом, что «Толстого надо будет восстановить полностью, печатая все, что вычеркнула царская цензура».

По заданию Владимира Ильича было подготовлено и выпущено Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого, насчитывающее девяносто томов. Первый его том вышел в 1928 году, когда наша страна торжественно отмечала 100-летие со дня рождения писателя. В связи с этой датой издание стало именоваться юбилейным. А. В. Луначарский писал тогда, что вопрос о подготовке этого издания «в государственном порядке стал на очередь еще в 1918 году, причем возбужден он был по личной инициативе В. И. Ленина». Как сообщил позднее В. Д. Бонч-Бруевич, «Владимир Ильич... сам лично вырабатывал программу издания Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого». Не только по своему объему, но и по качеству подготовки оно выделяется среди всех изданий классиков у нас и за рубежом. Тексты многих произведений были выверены редакторами по сохранившимся рукописям. Исправлены ошибки прежних изданий, устранены искажения и восстановлены пропуски, сделанные царской цензурой.

Ленин заботился и о других изданиях произведений великого писателя, и прежде всего о так называемых массовых изданиях. Вот что писал В. Д. Бонч-Бруевич: «Не раз мне приходилось слышать от Владимира Ильича о том, что нам необходимо тщательно пересмотреть все сочинения Л. Н. Толстого и, помимо полного академического издания, выпустить множество его рассказов, статей, отрывков отдельными брошюрами и книжечками и распространить их в сотнях тысяч экземпляров повсюду, как среди крестьян, так и среди рабочих».

Жизнь скоро подтвердила дальновидность ленинских указаний: интерес к книгам Толстого рос с удивительной быстротой.

Владимир Ильич принял меры для того, чтобы в нашей стране были сохранены все памятные толстовские места — Ясная Поляна, где Толстой

Точно такие же издания произведений Л. Н. Толстого и книги о нем

и поныне хранятся в кремлевской библиотеке В. И. Ленина.

родился и провел большую часть своей жизни, дом в Москве, где он жил девятнадцать лет, и, наконец, скромный домик на станции Астапово (ныне станция «Лев Толстой»), где завершился долгий жизненный путь великого писателя.

30 марта 1918 года, то есть менее чем через полгода после Октябрьского революционного переворота, Владимир Ильич подписал постановление об охране имения Л. Н. Толстого Ясная Поляна. В нем было сказано: «Обратиться от имени Совета Народных Комиссаров к местному Совету с указанием на его государственные обязанности охранять имение «Ясная Поляна» со всеми историческими воспоминаниями, которые с ним связаны.

Постановление местных крестьян, что усадьба находится в пожизненном пользовании Софьи Андреевны, утвердить».

Этим же постановлением Советское правительство назначило пенсию С. А. Толстой.

Три года спустя, уже после кончины С. А. Толстой, ВЦИК принял постановление о национализации Ясной Поляны и превращении ее в музей-заповедник. Высший орган Советской власти принял это постановление по инициативе В. И. Ленина. В. Д. Бонч-Бруевич пишет, что Ленин «сам редактировал декрет о превращении Ясной Поляны в заповедник».

Весной 1920 года Ленин подписал декрет о национализации дома Льва Толстого в Москве и превращении его в музей. В. Д. Бонч-Бруевич рассказывает, что «по распоряжению Ленина были составлены особые планы дома, сада и надворных построек; на планах было отмечено, что и как было при Льве Николаевиче, чтобы все это сохранить и поддерживать в прежнем виде».

В. И. Ленин позаботился и о сохранении дома на станции Астапово, где Толстой скончался. Об этом мы узнали также из воспоминаний Бонч-Бруевича.

«Ленин всегда чтил память Толстого»,— говорит Бонч-Бруевич. И приводит интересный разговор с Владимиром Ильичем, который они вели во время одной из прогулок по Кремлю:

« — Толстого где предавали анафеме, когда отлучали от церкви? — спросил он меня.

— В Успенском соборе прежде всего,— отвечал я,— а потом, как полагается, во всех церквах...

— Вот тут бы и поставить памятник Толстого, обличающего церковь, громящего царей, бичующего богатство, собственность, роскошь.

И Владимир Ильич стал с увлечением говорить о Толстом».

Напомним, что в июле 1918 года В. И. Ленин подписал постановление Совета Народных Комиссаров об установлении памятников великим деятелям революции и культуры. К этому документу был приложен «Список лиц, коим предположено поставить монументы в г. Москве и других

Противъ бойкота.

(Изъ замѣтокъ с.-д. публициста).

Недавно состоявшійся учительскій съѣздъ, на которомъ большинство было подъ вліяніемъ соціалистовъ-революціонеровъ, принялъ при непосредственномъ участіи виднаго представителя партіи с.-р. резолюцію о бойкотѣ 3-ей Думы. Учителя с.-д. вмѣстѣ съ представителемъ Р. С.-Д. Р. П. воздержались отъ голосованія, считая необходимымъ рѣшать подобный вопросъ на партійномъ съѣздѣ или конференціи, а не въ безпартійномъ, профессіонально-политическомъ союзѣ.

Вопросъ о бойкотѣ 3-ей Думы выходитъ такимъ образомъ на сцену, какъ очередной вопросъ революціонной тактики. Партія с.-р., судя по выступленію ея представителя на указанномъ съѣздѣ, вопросъ этотъ уже рѣшила, хотя ни оффиціальныхъ постановленій этой партіи, ни литературныхъ документовъ изъ эсэровской среды мы еще не имѣемъ. Среди с.-д. вопросъ поставленъ и обсуждается.

Какими же доводами защищаютъ свое рѣшеніе с.-р.? Резолюція учительскаго съѣзда говоритъ, по существу дѣла, о полной негодности 3-ей Думы, о реакціонности и контръ-революціонности правительства, совершившаго государственный переворотъ 3-го іюня, о помѣщичьемъ характерѣ новаго избирательнаго закона и т. д. и т. п. *) Аргументація по-

*) Вотъ текстъ этой резолюціи: «Принимая во вниманіе» 1) что новый избирательный законъ, на основѣ котораго созывается 3-я Г. Дума, отнимаетъ у трудящихся массъ даже ту скромную долю избирательныхъ правъ, которою онѣ до сихъ поръ обладали, и пріобрѣтеніе которыхъ имъ такъ дорого стоило; 2) что законъ этотъ представляетъ собою явную и грубую фальсификацію народной воли въ пользу наиболѣе реакціонныхъ и привиллегированныхъ слоевъ населенія; 3) что Дума третьяго созыва по способу ея избранія и составу явится плодомъ реакціоннаго переворота; 4) что правительство воспользуется участіемъ народныхъ массъ въ думскихъ выборахъ, чтобы придать этому участію значеніе народной санкціи государственнаго переворота,—IV-й делегатскій съѣздъ всероссійскаго союза учителей и дѣятелей по народному образованію постановляетъ: 1) отказаться отъ какихъ бы то ни было сношеній съ Думой третьяго созыва и ея органами; 2) не принимать въ качествѣ организаціи ни прямо, ни косвенно участія въ выборахъ; 3) распространять въ качествѣ организаціи тотъ взглядъ на третью Г. Думу и выборы въ нее, который выраженъ въ настоящей резолюціи».

Первая страница статьи В. И. Ленина «Против бойкота», прочитанной Л. Н. Толстым.

городах РСФСР...». Раздел этого списка, озаглавленный «Писатели и поэты», открывается именем Толстого.

Владимир Ильич проявил чуткое отношение и к членам семьи Л. Н. Толстого. Осенью 1919 года тяжело заболела вдова писателя, Софья Андреевна; об этом известили ее старшего сына, Сергея Львовича, жившего в Москве. Сергей Львович вспоминал позднее: «Достать билет в то время из Москвы до Ясной Поляны было очень трудно и только через несколько дней, а мне надо было ехать немедленно». Сергей Львович отправился в Кремль к В. Д. Бонч-Бруевичу, и тот, поговорив с Владимиром Ильичем, выдал старшему сыну Толстого такой документ:

> «Удостоверение. Ввиду крайне тяжелой болезни Софии Андреевны Толстой, жены Льва Николаевича Толстого, разрешается ее сыну, Сергею Львовичу Толстому, экстренно выехать из Москвы до ст. Ясенки, Московско-Курской ж. д., а оттуда в Ясную Поляну. Всем железнодорожным и военным властям предписывается оказать всяческое содействие в посадке и в пути следования С. Л. Толстому, причем ему разрешается ехать в пассажирском, товарном и т. п. поездах или паровозе.
>
> Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин)*».

Это необычное удостоверение было отпечатано на бланке Совнаркома за № 3306 и датировано 26 октября 1919 г. «Билет мне выдали без затруднений по этому пропуску,— говорит С. Л. Толстой,— и я сел в штабной вагон». Скоро он был у матери, в Ясной Поляне.

Может быть, этот факт покажется и не очень значительным, но он по-своему очень характерен: Ленину было дорого все, что так или иначе касалось Толстого.

Ленин и Толстой не были знакомы лично, никогда не встречались и не переписывались. В 1960 году в московском еженедельнике «Неделя» был напечатан «увлекательный» рассказ о том, как В. И. Ленин получил от Толстого письмо с приглашением приехать в Ясную Поляну. Владимир Ильич якобы купил билет на поезд, но полицейские ищейки помешали ему отправиться в гости к Толстому. Этот рассказ от начала и до конца — досужий вымысел автора.

Из близких Ленину людей с Толстым переписывалась только Надежда Константиновна Крупская: в юные годы она увлеклась идеей издания популярных книг для народа. Эту идею осуществляло издательство «Посредник», созданное в начале 80-х годов по инициативе Толстого.

Из всех дореволюционных работ В. И. Ленина Толстой читал лишь одну — статью «Против бойкота (Из заметок с.-д. публициста)». На полях

брошюры с этой статьей Толстой сделал несколько своих пометок. Известно также, что Толстой читал пьесу немецкого драматурга «Ткачи» в переводе сестры Владимира Ильича — А. И. Ульяновой. Этот перевод был отредактирован Владимиром Ильичем. Вот, собственно, и все, что нам известно о знакомстве Толстого с произведениями и деятельностью Ленина.

Владимир Ильич принадлежал к тому поколению революционеров, с которым Толстой не успел познакомиться сколько-нибудь основательно, хотя бы так, как он знал их предшественников — декабристов, Герцена, Чернышевского и других шестидесятников, народников 70-х годов. Но именно это поколение революционеров — устами Ленина прежде всего — смогло дать исторически справедливую и всестороннюю оценку Толстого — его взглядов и творчества.

Вся громадная работа по собиранию, изучению и пропаганде наследия Толстого в нашей стране началась по инициативе Владимира Ильича Ленина и ведется по той программе, в составлении которой он принимал личное участие.

Толстой, как мы видим, рано вошел в круг духовных интересов Ленина. И до конца жизни Владимир Ильич не переставал интересоваться его жизнью и творчеством. Толстой всегда оставался в поле зрения Ленина, он, словно гигантским магнитом, приковал к себе внимание Ильича.

Написав в 1908—1911 годах целый цикл статей о Толстом, Ленин намеревался дополнить его новыми работами. Уже после Октября он говорил о том, что ему хотелось бы писать «еще и еще о Толстом». Но Владимиру Ильичу не удалось осуществить своего намерения. Однако и те работы о Толстом, которые он успел написать, представляют собой неоценимую сокровищницу идей. Они во многом определили пути развития всей нашей науки о литературе и искусстве.

Чем же, какими причинами был вызван большой и постоянный интерес Владимира Ильича к личности и творчеству Толстого?

Толстой — это целый мир

сенью 1910 года, когда газеты разнесли по всему миру весть о кончине Толстого, семилетний мальчик Илюша отправил Алексею Максимовичу Горькому письмо: «Дорогой Максим Горький, все писатели русские умерли, только ты остался. Напиши мне сказку и пришли мне. Твой Илюша».

Маленький читатель решил, что со смертью Толстого русская литература могла умереть, если бы не было в ней Горького. Как же откликнулся на письмо Илюши Алексей Максимович, потрясенный смертью Толстого до глубины души? Он послал мальчику свою сказку «Утро» и написал ему: «Дорогой мой Илюша! Да, Толстой — человек — умер, но великий писатель — жив, он — навсегда с нами. Через несколько лет, когда ты будешь постарше и сам начнешь читать прекрасные книги Толстого, ты, милый мальчик, с глубокой радостью почувствуешь, что Толстой — бессмертен, он — с тобой и вот — дарит тебе часы наслаждения искусством».

Признаемся, что вспомнили мы об этом письме не случайно. Ведь не напрасно же горьковеды говорят об Алексее Максимовиче: «Ни один писатель не значил для него так много, как Толстой».

Еще юношей Горький пытался встретиться и познакомиться с Толстым. В 1889 году он работал весовщиком на станции Крутая, Грязе-Царицын-

ской железной дороги. Вместе с молодыми сослуживцами будущий писатель задумал создать «земледельческую колонию» и отправился к Льву Толстому, чтобы попросить у него «кусок земли», книгу «Исповедь» и другие запрещенные царской цензурой его произведения.

Ни в Ясной Поляне, ни в Москве Толстого тогда не оказалось, и Горький впервые встретился с ним только через 12 лет, уже став известным писателем. В день их первого знакомства — 16 января 1900 года — Толстой записал в дневнике: «Был Горький. Очень хорошо говорили. И он мне понравился. Настоящий человек из народа» *.

И это мнение о Горьком Толстой не изменил до конца своих дней.

Встреча Толстого и Горького в первые дни двадцатого века имела значение историческое и символическое: встретились писатели, олицетворяющие два века русской литературы! С Толстым уходил в историю век девятнадцатый, когда в русской и мировой литературе главенствовал критический реализм. С Горьким наступил век двадцатый, в самом начале которого в искусстве родился реализм социалистический. Его признанным родоначальником и явился Горький. Великий пролетарский писатель, он не только принял эстафету от своих старших современников и предшественников — Толстого и Чехова, но и начал новый этап в развитии русской и мировой литературы.

Только осознав все значение личного и творческого общения Толстого и Горького, их встречи на рубеже двух веков, мы сможем по-настоящему оценить горьковские суждения об авторе «Войны и мира».

Все сказанное и написанное Горьким о Толстом хорошо знал Владимир Ильич Ленин. Ни один другой из современников не мог рассказать ему о Толстом столько интересного и важного, сколько рассказал Горький.

Так возникает новая тема «Толстой — Горький — Ленин», ждущая своего исследователя. Никто из литературоведов пока не проанализировал явные «переклички» в горьковских и ленинских суждениях о Толстом. Еще не установлено, как горьковские суждения о Толстом отразились в ленинских работах и как Ленин помог Горькому прийти к верному представлению об историческом значении Толстого.

Лично знавший и Толстого и Ленина, Горький сыграл роль своеобразного посредника между ними. В беседах и переписке Ленина и Горького имя Толстого, оценки его взглядов и творчества занимали большое место.

И несомненно, что, создавая свою концепцию Толстого **, Ленин с глубоким вниманием относился к тому, что говорил и писал о Толстом Горький.

Какие же из горьковских характеристик и оценок Толстого более всего соответствуют ленинскому пониманию и оценке его значения?

Это прежде всего оценка Горьким величия Толстого-художника как гениального мастера. «В искусстве слова первый — Толстой»,— не уставал повторять Горький.

Далее — горьковское определение национальной самобытности и народ-

ности творчества Толстого: «Толстой глубоко национален, он с изумительной полнотой воплощает в своей душе все особенности сложной русской психики...» Горький называл Толстого «душой нации, гением народа», «душой, объявшей собою всю Русь, все русское...». В творчестве Толстого Горький видел художественную летопись национальной, народной жизни России за целое столетие.

Затем нужно указать на поразительно меткое горьковское определение противоречивости взглядов и творчества Толстого: «В конце, он все-таки— целый оркестр, но в нем не все трубы играют согласно». Так Горький писал о Толстом Чехову, выразив свое убеждение в том, что в творце новой религии, каким явился «поздний» Толстой, живет «атеист и глубокий». Это, по мысли Горького, делало противоречивость толстовских взглядов особенно острой и неразрешимой.

Пристальное внимание Ленина должна была привлечь и попытка Горького определить значение Толстого как художника и мыслителя, вклад, внесенный им в развитие отечественной и всемирной литературы и общественной мысли.

«Толстой это целый мир»,— утверждал Горький, очертив этой крылатой фразой необъятность духовного богатства, созданного писателем.

Измеряя содеянное Толстым — художником и мыслителем,— Горький писал: «...Эта работа имеет цену неоспоримую, она — колоссальна, она есть нечто, чем мы имеем право гордиться...

Историческое значение работы Толстого уже теперь понимается как итог всего пережитого русским обществом за весь XIX век».

Видя в Толстом «великого писателя русской земли» (так назвал Толстого Тургенев в своем последнем письме к нему), Горький указывал: «Он рассказал нам о русской жизни почти столько же, как вся остальная наша литература». Этими словами Горький завершает главу о Толстом в своей «Истории русской литературы», написанной в 1907—1909 годах.

Охарактеризовав роль Толстого в истории русской литературы и русской общественной мысли, Горький с гордостью писал о всемирной славе и мировом значении Толстого. Близко общаясь с ним в начале 900-х годов, Горький видел быстрое расширение международной известности писателя, рост и укрепление его авторитета: «Весь мир, вся земля смотрит на него; из Китая, Индии, Америки — отовсюду к нему протянуты живые, трепетные нити...» Горький знал, что мировую славу и авторитет принесли Толстому не только его гениальные художественные произведения, но и страстные выступления в защиту угнетенных народов, бесстрашное обличение социальных, расовых, национальных, религиозных и иных форм порабощения и угнетения человека.

Острее многих современников замечая противоречия и слабые стороны взглядов великого писателя, Горький сказал о нем: «Лев Толстой был самым сложным человеком среди всех крупнейших людей XIX столетия».

Л. Н Толстой и А М. Горький в Ясной Поляне.
1900 год. Фотография С. А. Толстой.

Эти слова можно было бы поставить эпиграфом к изумительному портрету Толстого, нарисованному Горьким в его очерке «Лев Толстой». Мало сказать, что в портрете этом с необыкновенной рельефностью запечатлен внешний облик «позднего» Толстого. Тут еще переданы многогранность, глубина, богатство и противоречивость внутреннего мира гениального художника и мыслителя, который щедро «разбрасывает вокруг себя живые зерна неукротимой мысли».

Горький настолько сумел приблизить к нам его фигуру, что у нас создается впечатление реальной встречи с самим Толстым, как если бы мы провели много часов в его обществе, увидели писателя своими глазами, услышали его голос.

«...Безгранично разнообразен этот сказочный человек»,— говорит о нем Горький, признаваясь, что многое в Толстом, в его словах и действиях, оставалось для него загадочным, необъяснимым, полным какой-то захватывающей таинственности.

«Не хуже других известно мне, что нет человека более достойного имени гения, более сложного, противоречивого и во всем прекрасного, да, да, во всем. Прекрасного в каком-то особом смысле, широком, неуловимом словами; в нем есть нечто, всегда возбуждавшее во мне желание кричать всем и каждому: смотрите, какой удивительный человек живет на земле!»

Не трудно услышать в этих словах не только восторженные, но и полемические интонации. Чем они вызваны?

Вокруг имени Толстого с первых его шагов на писательском пути возникла острая идейная борьба, с каждым годом принимавшая все более ожесточенный характер. В последние десятилетия прошлого века и в начале нынешнего каждое выступление Толстого в печати приковывало к себе внимание всего мира и, разумеется, оценивалось людьми разных взглядов по-разному. Еще при жизни писателя многие из современников называли его былинным богатырем, титаном-громовержцем, вызывавшим бури и грозы. А другие создавали «благостные» легенды, изображая его святым затворником из Ясной Поляны, уподобляя последнюю тихому монастырю.

Горький бурно протестовал против всякой канонизации великого писателя: «Я не хочу видеть Толстого святым; да пребудет грешником, близким сердцу насквозь грешного мира, навсегда близким сердцу каждого из нас. Пушкин и он — нет ничего величественнее и дороже нам...»

Владимир Ильич Ленин восхищался литературным портретом Толстого, созданным Горьким. Он говорил: «Толстой у Горького как живой получился. Пожалуй, так честно и смело о Толстом никто и не писал».

Страстность горьковского протеста объяснялась тем, что последователи религиозного учения Толстого настойчиво создавали миф о его «святости». Интересно, что с этим мифом яростно боролись и церковники. Мстя Толстому за критику официальной церкви, они объявили писателя «исчадием адовым», сыном антихриста.

28 ЯНВ 1903

М. В

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КОМИТЕТЪ
ИНОСТРАННОЙ ЦЕНЗУРЫ

С. ПЕТЕРБУРГЪ
27 Января 1903 года
№ 477

Господину Начальнику Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

Предложеніемъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати отъ 18/го сего Мая за № 4206 открытыя письма съ изображеніемъ Графа Льва Толстаго, стоящаго рядомъ съ писателемъ Максимомъ Горькимъ, запрещены къ обращенію въ Россіи.

Въ настоящее время присланы изъ за границы открытыя письма съ изображеніемъ М.Горькаго со Скитальцемъ.

Центральный Комитетъ Иностранной Цензуры имѣетъ честь предотавить таковой бланкъ на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства.

Предсѣдатель

11 февр № 1497

Завѣдывающій Канцеляріею
Старшій Цензоръ

Документ о запрещении цензурой открытки с изображением Толстого и Горького. 1903 год.

Мельгунова здесь, Леонида Андреева в
альманахе и т.д. И слог сладкий, на-
дутый, и содержание отчасти эсеров-
ско-кадетское. Нехорошо.

Насчет Толстого вполне разделяю
Ваше мнение, что лицемеры и жулики
из него святого будут делать. Плеханова то-
же взбесило вранье и холопство пе-
ред Толстым, и тут мы сходимся. Он
ругает «Нашу Зарю» в Ц.О. (следую-
щий номер) за это, а я в «Мысли» (сегодня полу-
чили №1. Поздравьте — наш журналь-
чик в Москве, марксистский. Ну и
радость сегодня у нас была). В «Звезде»
№1 (вышла в СПБ 16.XII) есть тоже хоро-
ший фельетон Плеханова с пошленьким
примечанием, что Бонч его уже «поправил»
радикально. На друга Богданова, впередовца,
с Богочеловеком соединила! Но где же «Совре-

Письмо Ленина Горькому от 3 января 1911 года. В нем Ленин

"монашку" борьбы против "вехизма" (о Ш.) и религии ли". Что — Водовозов и Амфитеатров? Шкурничество изволите.

Что студентов начали бить, это, по моему, утешительно, а Толстому ни "пассивизма", ни анархизма, ни народничества, ни религии спускать нельзя.

Насчет дипломатии в нашей партийной политике с.-д., сдается мне, Вы не правы. Иначе это революционеры давно утвердили, что де колониальная политика прогрессивна, насаждает капитализм, и потому обличать его в "жадности" и "жестокости" нечего, ибо "без этих свойств" капитал как "без рук".

Дипломатией и "воздержанностью" было бы, если бы с.д. советовали рабочим, что могут быть под-

осуждает попытки «лицемеров и жуликов» превратить Толстого в «святого».

В 1901 году синод отлучил Толстого от православной церкви. На этом «святые отцы» не успокоились. Известный в ту пору священник-фанатик Иоанн Кронштадтский сочинил молитву, в которой просил бога поскорее ниспослать Толстому смерть. А когда мир готовился отметить 80-летие со дня рождения писателя, саратовский епископ Гермоген направил верующим послание, в котором призывал их «не торжествовать юбилейный день анафемствованного безбожника и анархиста, революционера Льва Толстого».

Представим себе, какой град самых разноречивых суждений о Толстом обрушивала на своих читателей пресса того времени! В истории нашей отечественной литературы, кроме Толстого, столь же противоречивое отношение вызывал к себе, пожалуй, один Гоголь; к его личности и творчеству, по словам Белинского, «никто не был равнодушен: его или любили восторженно, или ненавидели».

Ко времени появления в печати первой статьи В. И. Ленина о Толстом представители буквально всех общественных направлений, течений, политических партий и групп уже выступили со своими оценками мировоззрения и творчества великого писателя. При всей пестроте и разнохарактерности этих оценок Владимир Ильич зорко увидел стремление органов казенной, буржуазно-либеральной, народнической, меньшевистской и другой печати «примазаться» к имени великого писателя и нажить себе на Толстом «политический капиталец».

Из переписки Ленина и Горького можно увидеть, как пристально следил Владимир Ильич за идейной борьбой вокруг Толстого, вспыхнувшей с особенной силой после его кончины. В начале января 1911 года Ленин писал Горькому: «Насчет Толстого вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать».

Когда «наследниками» Толстого пытались утвердить себя недавние враги писателя, когда фальшью и лицемерием были переполнены статьи о нем, печатавшиеся в казенной и либеральной прессе, В. И. Ленин не мог не выступить со своей характеристикой и оценкой взглядов и творчества Толстого. Он почувствовал себя обязанным выразить свое отношение к Толстому и к идейной борьбе, кипевшей вокруг него,— отношение революционной партии рабочего класса. Он должен был сказать, кому в действительности принадлежит наследие великого писателя, что́ оно собой представляет и в чем состоит его ценность.

Владимир Ильич с увлечением взялся за эту задачу и на протяжении четырех лет написал одну за другой семь статей о Толстом.

Работая над ними, Владимир Ильич побуждал и Горького писать о Толстом. Так, например, в 1908 году он заказал Алексею Максимовичу статью о Толстом для нелегальной большевистской газеты «Пролетарий», выходившей за рубежом. Горький написал статью о Толстом, отправил рукопись в Петербург, но она попала в руки полицейских и бесследно исчезла.

Борясь против фальсификации взглядов и творчества Толстого, Ленин и Горький выступили как единомышленники и союзники.

Из сказанного выше вовсе не следует, что все ленинские и горьковские оценки Толстого, его взглядов и творчества, его значения совпадают целиком и полностью. Но, как мы уже говорили, они во многом близки, и это дает нам основание при анализе ленинской концепции Толстого обращаться к суждениям о нем Горького, как и к тому, что написали о Толстом другие соратники Ленина.

«...В вопросах художественного творчества,— писал Владимир Ильич Горькому,— Вам все книги в руки...» Ленин с большим вниманием относился к тому, как Горький оценивал эстетическую сторону произведений Толстого. Однако Толстой был не только гениальным художником, но и великим мыслителем. Его глубоко интересовали важнейшие, коренные вопросы философии, социологии, истории, этики, педагогики, пра́ва и других областей знания.

Великий художник, он был и страстным публицистом, живо откликавшимся на все события, волновавшие его современников. Перу Толстого принадлежат не только романы, повести, рассказы, очерки, драмы, комедии, сказки, притчи и другие художественные произведения, но и многочисленные статьи, трактаты, памфлеты, письма-обращения, памятки, доклады и другие произведения публицистических жанров.

Писатель оставил и громадное теоретическое наследие. Вот почему Ленин говорит одновременно и о Толстом-художнике и о Толстом-мыслителе. Исполинская фигура Толстого, все сложное и противоречивое многообразие его идей, его творчества взяты и объяснены Лениным в их совокупности, в диалектическом единстве, в их социально-исторических, национальных и классовых истоках, в развитии.

Все, что сказано Лениным о Толстом — о связях его с эпохой, о национальном и всемирном значении его наследия, о сильных и слабых сторонах его взглядов и творчества, о его отношении к освободительному движению, о его народности,— все это сказано так, что перед нами выступает весь Толстой — и художник, и мыслитель, и публицист, и философ. Уже в первой из своих статей о Толстом — «Лев Толстой, как зеркало русской революции» — Ленин предлагает судить о своеобразии великого писателя, оценивая «совокупность его взглядов, взятых как целое».

Этот же принцип применялся Лениным при оценке других писателей и общественных деятелей. Так, например, он писал в статье «Об А. Богданове»: «Политическая точка зрения на сотрудничество того или другого литератора в рабочей прессе состоит в том, чтобы судить об этом не с точки зрения стиля, остроумия, популяризаторского таланта данного писателя, а с точки зрения его направления в целом, с точки зрения того, что́ несет он своим учением в рабочие массы».

Итак, чтобы составить верное представление о писателе, о его роли

и значении в развитии литературы и общественной мысли, исследователь должен прежде всего оценить «совокупность его взглядов, взятых как целое», его «направление в целом», а уже затем говорить о тех или иных отдельных сторонах мировоззрения и творчества писателя.

Нельзя, учит Ленин, правильно решать частные вопросы, не решив вопросов общих, основных и главных: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы. А натыкаться слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою попытку на худшие шатания и беспринципность».

Эти ленинские суждения о решении общих и частных вопросов науки имеют принципиальное значение. Здесь речь идет не только о способах и путях, а и о принципах исследования и решения больших вопросов науки. Эти принципы, как мы увидим, легли в основу ленинских статей о Толстом, определили главные особенности самого подхода В. И. Ленина к анализу и оценке мировоззрения и творчества писателя.

В. И. Ленин не отделяет Толстого-художника от Толстого-мыслителя, не противопоставляет одного другому, как это делал, например, Г. В. Плеханов. Ленин видит в Толстом писателя, «который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего мира». Ленин видит в Толстом мыслителя, «который с громадной силой, уверенностью, искренностью *поставил* целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства».

Для ленинского подхода к анализу наследия Толстого характерна четкость исходных идейных позиций. Ленин анализировал взгляды и творчество Толстого «с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее». Он оценивал наследие писателя «с точки зрения социал-демократического пролетариата».

Классовый и партийный подход Ленина к анализу наследия Толстого обусловил цельность и определенность оценки. Прямым результатом такого анализа явилась ленинская формула: «Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат».

Эпоха Толстого

и одному из великих русских писателей судьба не подарила такой долгой жизни, как Льву Николаевичу Толстому. Он родился 28 августа (9 сентября) 1828 года — через три года после знаменитого восстания декабристов, когда в России еще было крепостное право. Умер он 20 ноября 1910 года — за семь лет до Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало новой истории человечества.

В детские годы Толстой был современником Пушкина. Ему шел девятый год, когда трагически оборвалась жизнь великого поэта. Вступив в восьмое десятилетие жизни, Толстой встретился с молодым Горьким. От Пушкина, родоначальника всей новой русской литературы, до Горького, зачинателя и основоположника литературы социалистического реализма,— таковы вехи жизненного пути, пройденного «Львом русской литературы», как назвал Толстого один из его старших современников — автор романа «Обломов» И. А. Гончаров.

Толстой был наследником не только пушкинских, но и лермонтовских и гоголевских традиций. Его первое произведение — повесть «Детство» — появилось в печати в том году, когда наша литература потеряла Гоголя. Восторженно встретив произведения молодого Толстого, Тургенев назвал его «наследником Гоголя».

Толстой — студент.
40-е годы. Рисунок неизвестного художника.

Толстой — участник обороны Севастополя.
Фотография 50-х годов.

Вместе с Тургеневым приход Толстого в литературу горячо приветствовали Некрасов и Чернышевский, Герцен и Щедрин, Григорович и Островский, С. Аксаков и Писемский, а также другие выдающиеся русские писатели середины прошлого века. С каждым из них Толстой познакомился лично. Позже он знакомится с поэтами Тютчевым и Фетом, писателями Лесковым и Гаршиным, Короленко и Чеховым, Куприным и Буниным, Л. Андреевым и Вересаевым... До конца дней Толстой пристально следил за всем новым, что появлялось в русской литературе, и спешил познакомиться с каждым талантливым писателем.

Толстой был свидетелем и участником многих больших и важных событий, нашедших отражение в его творчестве. В детские и отроческие годы он с волнением слушал рассказы отца о 1812 годе. Отец писателя участвовал в Отечественной войне и много рассказывал о борьбе с Наполеоном и заграничных походах русской армии. От отца же Толстой впервые услышал о декабристах. «Он со многими из них был знаком»,— говорил Толстой впоследствии, вспоминая рассказы отца о деятелях Декабрьского восстания 1825 года. Некоторые из декабристов были дальними родственниками семьи Толстых.

Важнейшие события русской истории начала века, события «эпохи Пушкина» стали для юного Толстого настолько близкими, что позднее, будучи писателем, он сумел передать их «звук, цвет и запах» с такой реальностью, как если бы сам их видел.

Принадлежа по рождению к высшей дворянской знати, Толстой получил аристократическое воспитание, о котором он с горькой иронией поведал в автобиографической трилогии «Детство», «Отрочество» и «Юность». Рано почувствовав в себе недюжинные способности, Толстой не захотел тратить время и силы на получение «казенного» образования, ушел из университета со второго курса и, по его словам, отдался «течению жизни». С этой поры и до конца дней сама действительность стала его университетом, в котором он учился непрерывно и настойчиво.

В молодости Толстой принимает участие в трех войнах — кавказской, дунайской и Крымской. Побудительной причиной, заставившей молодого Толстого поступить в действующую армию на Кавказе, явилось его стремление своими глазами увидеть войну и испытать свою храбрость. В Дунайскую армию он перевелся потому, что захотел увидеть чужие страны. В пору Крымской кампании он был захвачен чувством глубокого патриотизма, заставившего его поехать в осажденный Севастополь.

Находясь на Кавказе и в Крыму, Толстой понял, что, кроме войн на окраинах страны, в самой России уже давно идет большая внутренняя война между народом и его угнетателями. Отныне и до конца дней эта война явится главным событием, к которому будет неотступно приковано внимание Толстого. Она определит направление его исканий. Она заставит его сделать выбор и найти свое место в лагере защитников народа.

В редакции «Современника». Сидят слева направо: И. А Гончаров, И. С. Тургенев, А. В. Дружинин и А. Н. Островский. Стоят: Л. Н. Толстой и Д. В. Григорович. Фотография 1856 года.

Флигель в Ясной Поляне. Здесь находилась школа для крестьянских детей, открытая Л. Н. Толстым в 1859 году.
Фотография 1907 года.

Л. Н. Толстой среди крестьянских детей.
Фотография 1909 года.

В 1857 году писатель впервые поехал за границу, мечтая насладиться чувством «социальной свободы». Но то, что он там увидел, навсегда оттолкнуло его от буржуазной цивилизации. Вторая заграничная поездка, которую Толстой проделал в 1860—1861 гг., лишь укрепила в нем чувство неприязни к «мнимо-свободному», по его выражению, буржуазному строю жизни.

В 1861 году было отменено крепостное право в России. Как и все передовые и честные русские люди, Толстой с нетерпением ждал этого дня. Но, прочитав царский манифест об «освобождении» крестьян, писатель увидел, что он горько обманут в своих ожиданиях. Толстой тогда же написал Герцену: «Как вам понравился манифест? Я его читал нынче по-русски и не понимаю, для кого он написан. Мужики ни слова не поймут, а мы ни слову не поверим».

Толстой увидел, что реформа 1861 года проведена крепостниками и защищает их интересы. С этой поры, собственно, и начинается «эпоха Толстого», определившая направление его творчества. Толстой с головой окунулся в пореформенную русскую жизнь со всеми ее конфликтами и бедами. Он пришел к выводу, что реформа не только не разрешила главного противоречия русской жизни — противоречия между крестьянами и помещиками, а еще более усугубила и обострила его.

Пореформенная русская жизнь развивалась таким образом, что положение народа катастрофически ухудшалось с каждым годом. Летом 1873 года Толстой поехал в свое имение в Самарскую губернию. Стояла страшная засуха. Писатель побывал в деревнях и убедился в том, что «положение народа ужасно». Он обратился через газету «Московские ведомости» с призывом оказать помощь пострадавшим от неурожая крестьянам.

Впечатления от самарского голода оказали серьезное влияние на Толстого. Начатый весной 1873 года роман «Анна Каренина» был задуман как произведение на семейную тему, в отличие от романа «Война и мир», в котором Толстой, по его признанию, любил «мысль народную». Постепенно замысел произведения усложняется, и оно вырастает в огромное художественное полотно, запечатлевшее многие из существенных сторон пореформенной русской жизни. Семейная тема приобрела в романе острейшее социальное звучание. Распад семейных устоев в дворянском обществе показан как следствие крушения всех старых порядков.

«Анна Каренина» создавалась в преддверии идейного перелома, пережитого Толстым в конце 70-х и завершившегося в начале 80-х годов. Писатель порвал с дворянским классом, к которому он принадлежал по рождению и воспитанию, и перешел на сторону трудового земледельческого народа — патриархального русского крестьянства. Страстной защите его интересов Толстой отныне посвятил всю свою жизнь — художника, общественного деятеля, публициста.

Л. Н. Толстой в деревне Бегичевке, Рязанской губернии, составляет списки голодающих крестьян.
Фотография 1892 года.

В 80-е годы Толстой пишет драму «Власть тьмы»; в ней с потрясающей силой он изображает гибель старой патриархальной деревни. Царская цензура десять лет держала эту драму под запретом, а затем разрешила ее только для императорских и частных театров с большими цензурными изъятиями. Для народного зрителя она была запрещена вплоть до революции.

Вслед за «Властью тьмы» Толстой написал комедию «Плоды просвещения». Ее главная тема — вековая тяжба крестьян с помещиками из-за земли.

Глазами мужиков из голодной курской деревни автор комедии посмотрел на бессмысленную господскую жизнь, на глупые барские развлечения, показал идиотизм отупевших от безделья Звездинцевых, Сахатовых, Клингенов и прочих «просвещенных» господ. И не случайно царь Александр III, после просмотра «Плодов просвещения» в любительской постановке в Царском Селе, нашел ее «неудобной» для театра.

В повести «Смерть Ивана Ильича» Толстой нарисовал человека, которому лишь во время смертельной болезни вдруг стала очевидной страшная пустота, бессердечие, беспредельный эгоизм людей его круга, его класса, его общества.

О распаде нравственных устоев в собственническом мире идет речь и в повестях Толстого «Крейцерова соната», «Дьявол», «Фальшивый купон», «Отец Сергий».

Крупнейшим произведением «позднего» Толстого явился роман «Воскресение»; над ним писатель работал с перерывами десять лет. Этот роман воспринимается как художественная панорама, запечатлевшая пореформенную предреволюционную Россию в сложнейшем переплете классовых противоречий и острой борьбы. В резко контрастном освещении выступает здесь праздная, паразитическая жизнь господ и нищая, бесправная жизнь доведенного до отчаяния народа.

Эпиграфом к «Воскресению» можно было бы взять слова Толстого из его социально-обличительного трактата «Так что же нам делать?». Обрисовав состояние, до которого был доведен народ в буржуазно-помещичьей России, Толстой с болью и гневом восклицает: «Нельзя так жить! Нельзя».

Эти слова — крик души великого писателя — главный вывод из созданной им правдивой летописи русской пореформенной дореволюционной жизни.

С первых пореформенных лет и вплоть до первой русской революции 1905 года Толстой, по его признанию, жил в ожидании «развязки» и был глубоко убежден, что «существующий строй жизни подлежит разрушению».

Знаменательно, что и в ленинских работах, где дана характеристика русской жизни, какой она была в «эпоху Толстого», мы встречаем слово

Л. Н. Толстой беседует с крестьянами.
Фотография 1909 года.

«развязка», заключающее в себе глубокий смысл. Так, например, в статье «Крестьянская реформа» Владимир Ильич пишет: «Реформа 61-го года отсрочила развязку, открыв известный клапан, дав некоторый прирост капитализму, но она не устранила неизбежной развязки, которая к 1905 году разыгралась на поприще несравненно более широком, в натиске масс на самодержавие царя и крепостников-помещиков».

От «первой «великой» буржуазной реформы», как в той же ленинской работе названа реформа 1861 года, и до первой народной революции 1905 года — такова «эпоха Толстого», четко обозначенная Лениным.

В статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции», написанной в 1908 году, Владимир Ильич связывает творчество писателя с определенной исторической действительностью. Он говорит: «Противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века».

Последнюю треть минувшего века составили конец 60-х, 70-е, 80-е и 90-е годы, то есть три с лишним десятилетия русской пореформенной жизни. Тогда, как пишет Ленин, «патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску *. Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой».

Так, уже в первой статье о Толстом Владимир Ильич отчетливо указал, какая пора русской жизни отразилась в творчестве писателя и в чем состояла ее главная особенность. Но здесь ее границы еще не обозначены с той точностью, как это будет сделано Лениным в последующих его работах, посвященных Толстому.

Вторую статью о Толстом — «Л. Н. Толстой», написанную в ноябре 1910 года, Владимир Ильич начинает с указания на время, когда Толстой вступил в литературу. Он пишет: «Л. Н. Толстой выступил, как великий художник, еще при крепостном праве». Отметив далее, что литературная деятельность писателя продолжалась более полувека, Ленин определяет границы той «полосы в исторической жизни России», которая получила отражение в произведениях Толстого: «после 1861 года» и до первой русской революции. Здесь же эта «полоса» охарактеризована как «эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками...».

Основным содержанием эпохи Толстого здесь названа быстрая и беспощадная ломка старого, патриархального уклада русской жизни, и сказано, что это была эпоха подготовки революции в России. Именно острая ломка тягостного, но привычного уклада жизни, принесшая народу новые, еще более ужасные тяготы, и привела к революционной буре.

Об эпохе, сформировавшей Толстого и нашедшей отражение в его творчестве, Владимир Ильич говорит и в четвертой статье цикла своих работ

Л. Н. Толстой на открытии народной библиотеки в деревне Ясная Поляна. Фотография 1910 года.

о великом писателе — «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», опубликованной в ноябре 1910 года.

Напомнив здесь, что Л. Толстой начал свою литературную деятельность еще при крепостном праве, Ленин добавляет: «но уже в такое время, когда оно явно доживало последние дни». Добавление это понадобилось для того, чтобы резче подчеркнуть вывод: «Главная деятельность Толстого падает на тот период русской истории, который лежит между двумя поворотными пунктами ее, между 1861 и 1905 годами» (подчеркнуто мной.— *К. Л.*).

Знаменательные даты исторического календаря, уже приводившиеся Лениным в его предшествующих статьях о Толстом, здесь охарактеризованы как «поворотные пункты» русской истории. Более подробно, чем прежде, Ленин характеризует здесь процесс ломки старого, патриархально-крестьянского уклада, происходившей в стране после 1861 года, и заключает: «Вот эта быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых «устоев» старой России и отразилась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя».

Все, сказанное Лениным об эпохе Толстого в первой, второй и четвертой статьях, подытожено в седьмой статье, завершающей весь цикл ленинских работ о великом писателе. Называется она «Л. Н. Толстой и его эпоха». Статья эта появилась в печати в январе 1911 года.

«Эпоха, к которой принадлежит Л. Толстой и которая замечательно рельефно отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении,— пишет Ленин,— есть эпоха после 1861 и до 1905 года. Правда, литературная деятельность Толстого началась раньше и окончилась позже, чем начался и окончился этот период, но Л. Толстой вполне сложился, как художник и как мыслитель, именно в этот период, переходный характер которого породил *все* отличительные черты и произведений Толстого и «толстовщины».

В романе «Анна Каренина» В. И. Ленин нашел выразительную характеристику этой эпохи. Толстой здесь «чрезвычайно ярко выразил, в чем состоял перевал русской истории за эти полвека». Герой романа Константин Левин, имея в виду ломку и гибель старого уклада жизни и возникновение новых условий, говорит о своем времени: «У нас теперь все это переворотилось и только укладывается».

Жизнь пореформенной, дореволюционной России действительно проходила в тяжкой и острой ломке всех старых, патриархальных устоев, в стремительном наступлении капитализма. «...Невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис — все бедствия «эпохи первоначального накопления», обостренные во сто крат перенесением на русскую почву самоновейших приемов грабежа, выработанных господином Купоном» *,— вот что принес капитализм трудовому народу.

Итак, двумя главными процессами, составлявшими основное содержа-

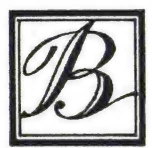
ние всей «эпохи Толстого», были бурная ломка старого, патриархального уклада и подготовка в России первой народной революции.

Хронологически «эпоха Толстого» почти целиком «вписывается» в границы второго периода русского освободительного движения, который, как это отмечено Лениным, продолжался «приблизительно с 1861 по 1895 год». Это был «разночинский или буржуазно-демократический» период, пришедший на смену «дворянскому» (его границы 1825—1861 гг.) и предшествовавший «пролетарскому» периоду «освободительного движения в России».

Самыми видными представителями «разночинского» периода русского освободительного движения были революционные демократы 60-х годов и революционные народники 70-х годов. В литературу они выдвинули Чернышевского и Добролюбова, Некрасова и Щедрина, Писарева и Слепцова и целую плеяду писателей-демократов, выступивших на страницах «Современника», «Отечественных записок», «Дела» — лучших демократических журналов того времени.

В курсах по истории русской литературы обычно указывается, что писателям, составлявшим в 60-е и последующие годы революционно-демократический лагерь, противостояли Тургенев, Гончаров, Толстой и Достоевский. Верно, что ни один из названных писателей, в том числе и Толстой, не принадлежал к лагерю революционных демократов. Но не менее верно, что их творчество неразрывно связано со вторым периодом русского освободительного движения, как творчество Пушкина — с первым (дворянским), а творчество Горького — с третьим (пролетарским) периодами. В отличие от Горького, ни Пушкин, ни Толстой не были организационно связаны ни с руководителями освободительного движения, ни с его активными участниками. И тем не менее каждый из них был голосом своей эпохи. Как это могло происходить и происходило в действительности, и раскрыто Лениным в его статьях о Толстом.

Гениальный художник

В статьях и высказываниях Ленина о Толстом мы находим не только социологическую, политическую, историческую и философскую оценки наследия великого писателя, но и его эстетическую оценку. Эта сторона ленинских работ о Толстом все еще недостаточно изучена исследователями, а она имеет громадное значение для верного и полного понимания ленинской характеристики Толстого. Остановимся на ней подробнее.

Эстетика призвана изучать художественную литературу как один из главных видов искусства. В круг коренных вопросов, интересующих эстетическую науку, входят вопросы о связях искусства с действительностью, о взаимоотношениях художника с его эпохой, об идейной направленности его творчества, о мировоззрении художника и его творческом методе, об отношении к культурному наследию. В ленинских работах о Толстом дано глубокое теоретическое решение этих вопросов, причем не отвлеченно-теоретическое, а основанное на конкретном анализе взглядов и творчества писателя.

Значение важнейших вопросов эстетики, освещаемых Лениным в статьях о Толстом, выходит за пределы оценки одного писателя. Работы Ленина о Толстом помогают нашим теоретикам решать краеугольные вопросы эстетики.

В статьях и высказываниях о Толстом Ленин дает характеристику художественного метода писателя, определяет своеобразие его реализма, указывает на особенности его художественного мастерства, говорит не только о познавательном значении творчества Толстого, а и о громадном эмоциональном его воздействии на читателей.

Владимир Ильич не был ни историком искусства, ни художественным или литературным критиком. Но он обладал безупречно-верным художественным вкусом и безошибочно определял действительную эстетическую ценность самых различных произведений искусства и литературы.

Ленин считал, что подлинное искусство могут создавать только одаренные талантом люди, только люди, рожденные художниками. Люди, наделенные художественным талантом, редки, но еще реже — гениальные художники, обладающие наивысшей степенью подлинной художественной одаренности.

В Толстом Ленин увидел «великого художника». Толстой, по его словам, это «гениальный художник», создавший «гениальные художественные произведения», вошедшие в золотой фонд отечественной литературы.

Ленин не только дал высокую оценку Толстого, как художника, а и нашел нужным ее обосновать, выдвинув при этом целый ряд аргументов.

В ленинском истолковании Толстой предстает перед нами как «гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы». «Благодаря гениальному освещению Толстого», утверждает Ленин, эпоха подготовки революции в России выступила «как шаг вперед в художественном развитии всего человечества». «Только гениальный художник», подчеркивает Ленин, мог «с такой силой» выразить «ломку взглядов» широчайших народных масс, как это сделал Толстой.

Эпоха, народ, человечество — таковы масштабы и мера, которыми измеряет Ленин то, что Ромен Роллан в книге «Жизнь Толстого» называл «мощью толстовской живописи». Эта необыкновенная, говоря словами В. Г. Короленко, «ширина творческого захвата, огромность художественного горизонта Толстого» вызывали изумление у его современников. «...Толстому,— писал Короленко,— по силам то, под чем упал бы всякий другой».

Обращаясь к крупнейшему из эпических творений Толстого, роману «Война и мир», Короленко говорит, что «его герой — целая страна, борющаяся с нашествием врага», что в картине Толстого — сотни лиц и ни одно из них не хочет уйти из нашей памяти. «И все это вместе растекается вширь, как наводнение, грозя выхлестнуть из рамы со стихийной силой самостоятельного, непокорного ничьему велению явления жизни... Своим истинно орлиным взглядом он все время обозревает огромное поле своего действия, не теряя из виду ни одного лица в отдельности и не позволяя им закрывать перед собою целое».

Так Короленко определил самое главное в творческом методе Толстого: гениальное умение соединить общее и частное, целое и отдельное, большое и малое, умение собрать и выразить все это в единстве и в движении, в развитии, во взаимоотношении и взаимодействии.

Толстой, как никто до него, дал образцы художественного изображения движущихся, развивающихся событий и «текущих», сложных, противоречивых, живых человеческих характеров.

Однажды, беседуя с гостями о горячо любимом им писателе А. П. Чехове, Толстой сказал: «Чехов — несравненный художник. Да, да, именно: несравненный... художник жизни». Эти прекрасные слова служат характеристикой и самого Толстого.

В. Г. Короленко писал о его творчестве:

«Мир Толстого — это мир, залитый солнечным светом, простым и ярким, мир, в котором все отражения по размерам, пропорциям и светотени соответствуют явлениям действительности, а творческие сочетания совершаются в соответствии с органическими законами природы... Над его пейзажем светит солнце, несутся облачные пятна, есть людская радость и печаль, есть грехи, преступления и добродетели... И все эти образы, трепещущие жизнью, движением, кипящие человеческими страстями, человеческой мыслью, стремлениями ввысь и глубокими падениями, созданы в полном соответствии с творчеством жизни, их размеры, их окраска, пропорции их взаимного распределения отражают точно и ясно, как экран под прямым зеркалом, взаимоотношения и светотени действительности. И все это отмечено печатью духа, светится внутренним светом необыкновенного воображения и никогда не устающей бодрой мысли».

В той же статье Короленко говорит о безудержной силе творческого воображения Толстого: «Средний художник поднимает в воображении двух, трех, наконец десяток-другой лиц. И чем больше расширит он свой захват, тем тусклее становятся образы. Воображение Толстого поднимает сотни и несет их с изумительной легкостью, как могучая река свои караваны и флотилии...»

Восхищаясь «эпическим духом» произведения Толстого, Ромен Роллан писал о «Войне и мире»: «Народы — истинные герои этого романа».

Толстой — великий психолог. Еще Пушкин и Лермонтов дали в своих произведениях блестящие образцы проникновения во внутренний мир своих героев, в их психологию. Толстой не только воспринял их опыт, но и сделал громадный шаг вперед. Если его предшественники интересовались главным образом конечным результатом душевных переживаний, то Толстого увлекало изображение самого процесса душевной жизни его героев, показ «диалектики души», как назвал эту особенность Н. Г. Чернышевский. «Главная цель искусства,— писал Толстой,—...проявить, высказать правду о душе человека, высказать такие тайны, которые нельзя высказать простым словом... Искусство есть микроскоп...» Толстой владел

Л. Н. Толстой за работой в доме в Хамовниках.
1884 год. Рисунок Н. Н. Ге.

искусством тончайшего психологического анализа, умением снимать покровы с самых потаенных движений человеческого сердца.

Представление о Толстом-художнике будет не полным, если мы не остановимся еще на одной стороне его творческого метода, которую Горький называл изумительной пластичностью (или скульптурностью) созданных Толстым образов.

«У Толстого,— писал Горький,— можно научиться тому, что я считаю одним из крупнейших достоинств художественного творчества,— это пластике, изумительной рельефности изображения.

Когда его читаешь, то получается — я не преувеличиваю, говорю о личном впечатлении — получается ощущение как бы физического бытия его героев, до такой степени ловко у него выточен образ; он как будто стоит перед вами, вот так и хочется пальцем тронуть.

Вот это мастерство. У него, например, одна страница из повести «Хаджи Мурат» — страница изумительная. Очень трудно передать движение в пространстве словами. Хаджи Мурат со своими нукерами — адъютантами — едет по ущелью. Над ущельем — небо, как река. В небе звезды. Звезды перемещаются в голубой реке по отношению к изгибу ущелья. И этим самым он передал, что люди действительно едут».

Горький советовал молодым писателям внимательно читать произведения Толстого для того, чтобы постичь «разницу между «рассказать» и «изобразить словами».

Короленко, Роллан, Горький — большие художники. Оценивая своеобразие творческого метода Толстого, они опирались на свой писательский опыт, на личное знание «тайн» и «секретов» художественного творчества. У Ленина подобного опыта не было. И тем удивительнее меткость и точность его характеристик толстовского изображения людей и событий, его определений своеобразия реализма великого писателя.

Толстому, как художнику, говорит Ленин, присущи «замечательная рельефность», «поразительная рельефность» и «великая наглядность» изображения. Ленин нашел свои краткие, но очень верные слова для характеристики тех важнейших сторон художественного творчества Толстого, о которых много говорили и писатели и литературные критики, восторгавшиеся необыкновенной жизненностью созданных Толстым образов.

За Толстым давно упрочилась слава писателя-реалиста. Ленин внес свое исключительно важное уточнение в трактовку реализма Толстого, определив его как «самый трезвый реализм» и указав, что его характернейшим признаком служит «срывание всех и всяческих масок».

Каждый, кто читал роман «Воскресение», наверняка помнит сцену суда и сцену богослужения в тюремной церкви. В них ярчайшие образцы толстовского «срывания масок»: писатель изображает, какими *кажутся* слуги «закона» и слуги церкви, и тут же говорит о том, *каковы они в действительности*.

Л. Н. Толстой в «кабинете под сводами» Ясная Поляна.
1891 год Рисунок И. Е. Репина.

К методу «срывания масок» Толстой прибегал не только в «поздний» период творчества, например в романе «Воскресение», а и в повестях, написанных до «Войны и мира», затем в «Войне и мире» (по словам М. Е. Салтыкова-Щедрина, Толстой в этом романе «лихо прохватил» высшее общество), в «Анне Карениной» и других произведениях.

Конечно, после перелома в мировоззрении Толстого критическая направленность его творчества усилилась и «срывание масок» стало в его произведениях «срыванием в с е х и в с я ч е с к и х масок» (подчеркнуто мной.— *К. Л.*). Это и отметил Ленин, сказав, что писатель в своих последних произведениях обрушился с страстной критикой на в с е современные порядки — государственные, церковные, общественные, экономические и другие.

Толстой был крупнейшим представителем критического реализма в искусстве и литературе. Когда некоторые из исследователей литературы называли этот реализм «буржуазно-дворянским», Горький выражал несогласие с таким определением и указывал: «Буржуазно-дворянский реализм» был критическим реализмом у Стендаля, Бальзака, Толстого. Именно за это — за критицизм, выраженный в образной форме,— Ленин одобрял Толстого, Энгельс — Маркс одобряли Бальзака».

Своим непревзойденным искусством «человековедения» Толстой, по его признанию, пользовался с одной только целью: сказать людям правду о жизни и о них самих.

И в жизни и в искусстве Толстой более всего ненавидел ложь и не жалел сил для борьбы с нею. «Как ни пошло это говорить,— писал он одному из друзей,— но во всем в жизни, и в особенности в искусстве, нужно только одно отрицательное качество — не лгать».

Ленин придавал исключительное значение правдивости художественных произведений. Он говорил: «В художественном произведении важно то, что читатель не может сомневаться в правде изображенного. Читатель каждым нервом чувствует, что все именно так происходило, так было прочувствовано, пережито, сказано».

Правда и реализм в искусстве неразделимы. Реализм, который утверждает Толстой своим творчеством, не знает страха. Для него нет ни запретных, ни недоступных областей жизни. «Писать надо все и обо всем»,— говорил Толстой в одной из бесед с Горьким. Лишь тому художнику удается правдивое воспроизведение жизни, кто умеет глубоко проникнуть в ее противоречия и конфликты, понять их источник. Толстой без малейшего страха и без устали исследовал противоречия современной ему действительности, стремился до конца выяснить причины, разделившие людей на богатых и бедных, на угнетателей и угнетенных.

Показывая действительность такой, какова она есть, Толстой подвергает суровой критике ее темные стороны, беспощадно осуждает «злые начала», уродующие красоту жизни.

Л. Н. Толстой и А. П. Чехов в Гаспре (Крым).
1901 год. Фотография С. А. Толстой.

Характеризуя силу и своеобразие «критики Толстого», Владимир Ильич указывал на то, что она отличается необыкновенной «силой чувства... страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс...».

Все эти определения носят эстетический характер — в них выражена и подчеркнута чувственно-эмоциональная сторона определяемого явления.

Эстетический характер носят у Ленина и такие определения, как «пылкое возмущение», «стихийное чувство протеста и негодования», «мечтательные, расплывчатые, бессильные воздыхания», «наивная патриархальщина» — все те эмоциональные качества, которые заключало в себе «великое народное море, взволновавшееся до самых глубин», все слабости и все сильные стороны которого с такой зеркальной полнотой отразились во взглядах и творчестве великого художника.

Как и его любимые герои, Толстой был неутомимым и убежденным правдоискателем. С величайшей страстностью отдавался он поискам истины. А по словам Ленина, «без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины».

Ленин ценил в произведениях Толстого не только «несравненные картины русской жизни», но и отдельные художественные образы, яркие сравнения, метафоры, выразительные детали. Н. К. Крупская рассказывает: «У Льва Толстого есть одно замечательное описание весны в лесу, в «Анне Карениной»: пробиваются самые первые ростки травы, и вот стоит Левин, отправившийся с ружьем на охоту, и видит, как шевельнулся иссохший лист — толкнул его пробившийся сквозь зелень молодой росток травы. Как-то говорили мы с Ильичем об этом листке у Л. Толстого, потом Ильич не раз употреблял выражение «ростки новой жизни».

Ценность таких определений, как «ростки новой жизни», Ленин видел в их меткости, краткости, образной силе и глубоком смысле. Он писал: «Бывают такие крылатые слова, которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений».

В произведениях Толстого Владимир Ильич находил немало метких слов и выражений и приводил их в своих статьях и выступлениях. Напомним здесь слова Константина Левина — одного из главных героев романа «Анна Каренина»: «У нас теперь, когда все это переворотилось и только укладывается». Приведя их в статье «Л. Н. Толстой и его эпоха», Ленин писал: «Трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов», то есть той эпохи русской жизни, когда на смену крепостному строю пришел капиталистический строй.

Внимание Владимира Ильича привлекли слова третьего мужика из комедии Толстого «Плоды просвещения»: «Земля наша малая, не то что скотину — курицу, скажем, и ту выпустить некуда». Семь раз повторяет третий мужик эти слова, пронося через всю пьесу мужицкий вопль о земле,

отнятой у крестьян помещиками при проведении «освободительных» реформ.

В первый раз Ленин привел жалобу толстовского мужика в работе «К деревенской бедноте», написанной в 1903 году. Напоминая здесь о том, как проводилась реформа, «освобождавшая» крестьян от крепостной зависимости, Ленин напоминает о том, что помещики «нарочно обрезывали мужицкие наделы, вгоняли помещичью землю клином, чтобы мужику было некуда курицу выпустить...».

Второй раз Ленин привел жалобу мужика из «Плодов просвещения» в «Проекте речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе» (1907), где подвергнута резкой критике политика обезземеливания крестьян, проводившаяся царскими властями. «Помещики,— писал Ленин,— отняли себе столько земли, что крестьянам не то, что хозяйство нельзя вести, но и «курицу выпустить некуда».

И, наконец, в третий раз Ленин привел эти слова в своей работе 1908 года «Аграрный вопрос в России к концу XIX века»: «Куренка некуда выпустить» — эта горькая крестьянская правда, этот «юмор висельника» лучше всяких длинных цитат повествует о той особенности крестьянского землевладения, которая не поддается статистическому выражению».

Жалобами крестьян на безземелье, их мольбой продать им землю за любую цену наполнена пьеса Толстого, которую Горький, наряду с комедией «Горе от ума» Грибоедова и «Ревизором» Гоголя, относил к лучшим образцам мировой комедиографии.

«Постарайся, соколик. Жить нам нельзя,— просит третий мужик камердинера уговорить барина продать им землю.— Ты бы постарался. А то как нам жить?» — «Нам без этой земли надо жизни решиться»,— говорит второй мужик.

Их правдивые слова подтверждают то, что писал Ленин о крестьянской реформе 1861 года: «Это было освобождение крестьян *от* земли, потому что от тех наделов, которыми в течение веков владели крестьяне, были сделаны громадные отрезки, а сотни тысяч крестьян были совсем обезземелены — посажены на четвертной или нищенский надел».

Зная впечатляющую силу художественного образа, Ленин трижды приводит в своих работах по крестьянскому вопросу фразу третьего мужика из комедии Толстого. Действительно, она «лучше всяких длинных цитат» и лучше статистических данных раскрывает истинное положение вещей в пореформенной деревне.

В «Плодах просвещения» Толстой обличил и высмеял праздную жизнь господ, одни из которых увлечены спиритизмом и медиумизмом, а другие устраивают «общество поощрения разведения старинных русских густопсовых собак», а также «общество устройства ситцевых и коленкоровых балов». Таковы были «плоды» их мнимого «просвещения».

Используя сатирический смысл заглавия комедии, Владимир Ильич обратил его против своих политических противников: «Пожалуйста, объяснитесь поподробнее, господа, не скрывайте от «черни» плодов вашего «просвещения»!»

По своей мнимой образованности господа «просвещенные» конституционалисты-демократы, обличаемые Лениным, не далеко ушли от господ Звездинцевых и Сахатовых, обличавшихся Толстым в его комедии.

Ленин знал и цитировал не только комедию «Плоды просвещения», а и драму Толстого «Власть тьмы».

Один из ее главных персонажей, крестьянин-бедняк Аким, незлобивый, богобоязненный старик, осуждая грабительские способы, при помощи которых богатые «околузывают» (то есть разоряют) крестьянина-труженика, восклицает: «Это, тае, не по закону».

Владимир Ильич, вспомнив это словечко толстовского Акима, привел его в статье «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906). Объясняя смысл понятия «диктатура революционного народа», он высмеивает врагов революции, выражающих протест против права народа на защиту его завоеваний словами «не по «закону» это».

Эта цитата из «Власти тьмы» свидетельствует о том, что Владимир Ильич знал и помнил пьесу Толстого, написанную в 1886 году для народных театров.

Ленин хорошо знал публицистику Толстого и нередко обращался к ней в своих работах.

В статье «Признаки банкротства» (1902), выясняя причины хронических голодовок, терзавших русскую деревню, Ленин резко обличал хищническую политику помещичье-буржуазного государства. Высмеивая лицемерные попытки царского правительства «парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца им же обобранного народа», Владимир Ильич, как и Толстой, с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается». Приведя эти слова из статьи Толстого «О голоде» (1892), Ленин заключил: «Это была, действительно, нелепая идея».

Внимание Владимира Ильича привлекали не только те из «крылатых слов» Толстого, в которых запечатлены сильные стороны мировоззрения писателя, но также и те из них, в которых отразились противоречивые и слабые стороны его взглядов.

В одной из ленинских статей 1911 года мы читаем: «Лев Толстой сказал незадолго до своей смерти, и сказал с характерным для худших сторон «толстовщины» сожалением, что русский народ необыкновенно быстро «научился делать революцию». Слова эти Владимир Ильич встретил в предисловии Толстого к альбому художника Н. В. Орлова «Русские мужики», изданному в 1908 году. Приведя их, Ленин заметил: «Мы жалеем только о том, что русский народ не доучился этой науке, без которой он

Л. Н. Толстой и И. Е. Репин в Ясной Поляне.
1908 год. Фотография С. А. Толстой.

целые века может остаться рабом у Пуришкевичей *. Но правда то, что русский пролетариат, в своем стремлении к полному социалистическому преобразованию общества, дал русскому народу вообще и русским крестьянам в особенности незаменимые *уроки* в этой науке <...>. Урок дан. Урок усваивается. Урок будет повторен».

«Урок», о котором пишет Ленин, был повторен в 1917 году, когда рабочий класс поднял весь трудовой народ на социалистическую революцию и, руководимый Лениным и созданной им партией, добился полной победы.

Приводя крылатые слова из художественных и публицистических произведений Толстого, Владимир Ильич открыто и ясно выражал к ним свое отношение.

В статье «Толстой и пролетарская борьба» (1910), обращенной к самому широкому читателю, Ленин дал ответ на вопрос о том, каким должно быть отношение народа к наследию великого писателя. Он писал: «Изучая художественные произведения Льва Толстого, русский рабочий класс узнает лучше своих врагов, а разбираясь в *учении* Толстого, весь русский народ должен будет понять, в чем заключалась его собственная слабость, не позволившая ему довести до конца дело своего освобождения. Это нужно понять, чтобы идти вперед».

Здесь Лениным подчеркнуто социально-познавательное значение произведений Толстого-художника. Как мы уже говорили, важнейшей задачей искусства и литературы Владимир Ильич считал художественное познание действительности. По свидетельству Н. К. Крупской, он видел в искусстве «орудие познания жизни».

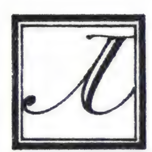
Однако Владимир Ильич высоко ценил и другие функции искусства. В беседе с Кларой Цеткин он говорил о том, что произведения настоящего, большого искусства приносят людям радость, доставляют им эстетическое наслаждение.

На ленинском столе Горький увидел том «Войны и мира» и услышал от Владимира Ильича восторженные слова об авторе этой книги: «...вот это, батенька, художник...»

Беседуя с В. Д. Бонч-Бруевичем об искусстве в первые послеоктябрьские годы, Ленин спросил: «Помните определение настоящего искусства у Толстого? То — настоящее искусство, которое выражено так ясно, что всем понятно. Оно имеет своей темой нечто значительное и важное для трудящейся массы народа, а не для праздного меньшинства».

Ленин находил, что творчество Толстого вполне отвечает этим требованиям. Оно должно стать и непременно станет «достоянием *всех*».

Горячий протестант, страстный обличитель, великий критик

енин сурово осуждал буржуазно-либеральную, народническую и меньшевистскую журналистику за то, что она на все лады прославляла Толстого-вероучителя и отодвигала в тень и замалчивала Толстого — бунтаря, обличителя и критика самодержавия и капитализма.

«Либералы,— писал Ленин,— выдвигают на первый план, что Толстой — «великая совесть». Разве это не пустая фраза, которую повторяют на тысячи ладов и «Новое Время» * и все ему подобные? Разве это не обход тех *конкретных* вопросов демократии и социализма, которые Толстым *поставлены*? Разве это не выдвигает на первый план того, что выражает предрассудок Толстого, а не его разум, что принадлежит в нем прошлому, а не будущему, его отрицанию политики и его проповеди нравственного самоусовершенствования, а не его бурному протесту против всякого классового господства?»

Выдвигая на первый план все сильное, все подлинно демократическое и прогрессивное в наследии писателя, Владимир Ильич указывал, что Толстой всегда будет дорог трудящимся как «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик».

В бурном протесте против несправедливого общественного строя, в его обличении и критике Ленин видел сильнейшие стороны творчества великого писателя. Характеризуя протест Толстого против самодержавно-полицейского государства и казенной церкви, Ленин указывал, что это был «горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест». А протест Толстого «против общественной лжи и фальши» Ленин оценивает как «замечательно сильный, непосредственный и искренний протест».

Сила толстовского протеста определялась — по Ленину — тем, что в нем нашел выражение «протест миллионов крестьян» и потому о его мощи и значении следовало судить не отвлеченно, не в отрыве от русской действительности, а «с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеливания масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней».

Толстой — протестант и бунтарь неотделим от Толстого-обличителя. К замечательным сторонам произведений Толстого Ленин относил «срывание всех и всяческих масок» и прежде всего «разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс». Ленина восхищало в произведениях великого писателя «его непрестанное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения, обличение капитализма...». Ленин высоко ценил Толстого за то, что он «с великой наглядностью разоблачал внутреннюю ложь» буржуазного строя.

Толстой — «горячий протестант» и «страстный обличитель» — выступал в неразрывном союзе с Толстым — «великим критиком». В работах Ленина толстовская критика получила целый ряд ярких определений. Ту критику, с которой Толстой обрушился «на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки», Ленин назвал «страстной критикой». А толстовскую критику капиталистической эксплуатации Ленин оценил как «беспощадную критику».

Ленину был по душе ее воинствующий, бескомпромиссный, наступательный характер. «Каждое положение в критике Толстого,— указывал Владимир Ильич,— есть пощечина буржуазному либерализму; — потому, что одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая *постановка* Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени *бьет в лицо* шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой, «цивилизованной» лжи нашей либеральной (и либерально-народнической) публицистики».

Не только буржуазные публицисты, но и буржуазные ученые, говорил Ленин, «*не могут* высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную поземельную собственность, на капитализм». Они давно стали слугами царя и капитала, и поэтому «так бичевал Толстой — и справедливо бичевал — буржуазную науку».

Серія неизданныхъ въ Россіи сочиненій.

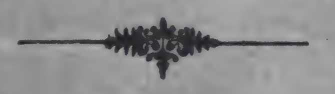
Графа Льва Николаевича

ТОЛСТОГО.

№ 1.

ИСПОВѢДЬ.

Изданіе второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе редакціи журнала „Всемірный Вѣстникъ".

1906.

Л. Н. Толстой. «Исповедь».
Одно из первых отдельных изданий в России.

Ленин показал в работах о Толстом (и, в частности, в статье «Герои «оговорочки»), сколько усилий употребляли буржуазные публицисты и ученые, а также «бывшие марксисты» для того, чтобы ослабить силу ударов, которые наносил Толстой по буржуазному строю, как они старались выпятить и раздуть «противореволюционную сторону учения Толстого».

Ленин подчеркивал, как важно было в обстановке острой идейной борьбы вокруг наследия Толстого разъяснить «массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности», а также разъяснить им «толстовскую критику капитализма». Сделать это, по мысли Ленина, должен был российский пролетариат, готовившийся к решительному штурму самодержавия.

Проходят десятилетия, стремительно меняется политическая и социальная карта мира, а ленинская оценка Толстого как «горячего протестанта, страстного обличителя и великого критика» сохраняет все свое значение. В этом легко убедиться, обратившись к творчеству писателя.

Мотивы протеста, обличения и критики звучат весьма сильно уже в ранних произведениях Толстого. В дальнейшем, с ростом и обострением общественно-политических противоречий в стране, эти мотивы становятся у Толстого все более резкими.

Мы не ошибемся, сказав, что «поздний» Толстой видит в обличении существующего строя главное дело своей жизни. Если прежде в произведениях Толстого подвергались критике отдельные стороны буржуазно-дворянского общества, то теперь писатель отвергает и отрицает его, что называется, в корне.

«Жить остается накоротке, а сказать страшно хочется так много»,— записывает Толстой в дневнике и тут же намечает программу своей обличительной деятельности. Он хочет писать про «жестокость обмана», имея в виду «обман экономический, политический, религиозный...». Он хочет писать про «одурение» людей вином и табаком, про брак, семью и воспитание детей. И про «ужасы самодержавия». И добавляет: «Все назрело и хочется сказать».

«Поздний» Толстой сознательно взял на себя роль обличителя злодеяний, совершавшихся правящими классами над народом. «...Я обличаю за их злодейства»,— говорил он о власть имущих людях, вся «деятельность» которых была связана, по его словам, со «всякими самыми отвратительными преступлениями — убийствами, грабежами, всякого рода обманами, мошенничествами, подлостями...».

Все внимание Толстого в эти годы занимает, как он говорил, «строй жизни нашей рабский». Крупнейшее его творение этой поры — социально-обличительный роман «Воскресение», создававшийся на протяжении десятилетия (1888—1899). В нем Толстой сурово обличает самодержавное государство и все буржуазно-дворянское общество, обнажая непримиримые противоречия между «хозяевами жизни» и народом.

Рисуя бессердечие и жестокость власть имущих, по чьей злой воле тысячи людей томились в тюрьмах и острогах, на пересыльных этапах и в сибирской ссылке, Толстой убедительно доказывает в своем романе, что настоящие преступники — не беспаспортные крестьяне, не нищий подросток, укравший половики, стоившие 3 рубля 67 копеек, а те, кто безнаказанно грабит и угнетает народ. Устами героя романа князя Нехлюдова Толстой называет истинные причины «роста преступности» в полицейском государстве: «Ему говорят: не воруй, а он видит и знает, что фабриканты крадут его труд, удерживая его плату, что правительство со всеми своими чиновниками, в виде податей, обкрадывает его, не переставая <...>. Знает, что мы, землевладельцы, обокрали его уже давно, отняв у него землю, которая должна быть общим достоянием, а потом, когда он с этой краденой земли соберет сучья на топку своей печи, мы его сажаем в тюрьму и хотим уверить его, что он вор. Ведь он знает, что вор не он, а тот, который украл у него землю».

И писатель бестрепетной рукой срывает маски с тех, кто сидит на спине трудового народа и живет за его счет. Перед читателями романа «Воскресение» проходят один за другим типические представители «верхних этажей» буржуазно-помещичьего государства: сановники из самых высших сфер царской бюрократии — сенаторы, министры, губернаторы, руководители государственных и церковных учреждений, вплоть до главы святейшего синода. Они командуют жадной сворой всякого рода чиновников, изобличаемых писателем в казнокрадстве, лихоимстве, подлогах, лицемерии и подлости. С судейскими и иными чиновниками соседствуют чины тюремной администрации — начальники тюрем, смотрители, надзиратели, полицейские разных рангов — цепные псы, охранявшие интересы правящих классов.

О руководителях этой своры Толстой с гневом писал: «Всем им, кроме удовлетворенного тщеславия, честолюбия, прежде всего, нужны те огромные деньги, получаемые ими от государства, все же то, что пишется и говорится о необходимости, полезности государства, о благе народа, о патриотизме и т. п., пишется и говорится только для того, чтобы скрыть от обманутых... мотивы своей деятельности».

Созданный и охраняемый этими людьми строй писатель называет «людоедским». «Нехлюдов видел,— пишет Толстой,— что людоедство начинается не в тайге, а в министерствах, комитетах и департаментах и заключается только в тайге». Людей из высших классов общества писатель называет «непромокаемыми» к добру, глухими к проповеди любви и сострадания к угнетенным. Истинных друзей и защитников народа он видит в политических заключенных-революционерах, хотя и не разделяет их взглядов на способы и пути общественного переустройства. Познакомившись с ними в ссылке, героиня романа Катюша Маслова переживает подлинное воскресение, возрождение к новой жизни. Катюша называет

№ 349 — 1897

928.
91а.

т 2 ДѢЛО

№ 954

ДЕПАРТАМЕНТА

ПОЛИЦІИ.

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО.

О писателѣ Графѣ Львѣ Николаевичѣ Толстомъ.

Записки объ его ученіи

Начато 20 Янв. года. 1897

Кончено 20 Января 1897 года.

На 61 листѣ

Дело департамента полиции «О писателе графе Льве Николаевиче Толстом».
1897 год.

По

№ 28 по настольному реестру. 2433

№ 2433 по архиву.

СВЯТѢЙШАГО

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СѴНОДА.

По 2 Столу Третьяго Отдѣленія.

ДѢЛО

о графѣ Львѣ Толстомъ

2305

с 1908 № 146 – VI. 1с

1910 № 331 VI. 3с

Началось 20 Февраля 1901 года.

Кончено 26 сентября 1931 года.

28/1901

Дело святейшего синода «О графе Льве Толстом».
1901 год.

революционеров чудесными людьми. «Она,— пишет Толстой,— поняла, что люди эти шли за народ против господ».

Горький был совершенно прав, утверждая, что Толстому «пришлось признать и почти оправдать в «Воскресении» активную борьбу».

Когда «Воскресение» было напечатано, в «высших кругах» царской России, как и в пору появления «Исповеди» (1882) и статей Толстого о голоде (1891—1892), снова обсуждался вопрос о том, как поступить с яснополянским «бунтовщиком». Родственница писателя, А. А. Толстая, сообщала, что «ему предсказывали Сибирь, крепость, изгнание из России, чуть ли даже не виселицу». А некоторые из разгневанных сановников предлагали объявить народу, что Толстой сошел с ума и что его надо упрятать в далекий Суздальский монастырь.

Одним из самых свирепых врагов великого писателя был в ту пору обер-прокурор святейшего синода К. П. Победоносцев, занимавший этот пост в течение 25 лет. Толстой называл его «образцовым злодеем», человеком «отвратительным, бессердечным, бессовестным». Вся читающая Россия без труда узнала Победоносцева в жуткой фигуре обер-прокурора синода Топорова, показанного Толстым в романе «Воскресение».

Уже давно Победоносцев ждал удобного случая, чтобы покарать Толстого. Выход в свет «Воскресения», где беспощадно обличается не только самодержавие, но и казенная религия, он использовал для того, чтобы добиться у синода решения об «отпадении» (отлучении) Толстого от православной церкви. Царь одобрил это решение. Вся реакционная печать накинулась на «отлученного» писателя с дикой бранью.

Передовая Россия, все честные люди мира с возмущением заговорили о решении синода. Рабочие Мальцевского завода писали Толстому: «Вы разделили участь многих великих людей, идущих впереди своего века, глубокочтимый Лев Николаевич! И раньше их жгли на кострах, гноили в тюрьмах и ссылке. Пусть отлучают Вас как хотят и от чего хотят фарисеи «первосвященники». Русские люди всегда будут гордиться, считая Вас своим, великим, дорогим, любимым».

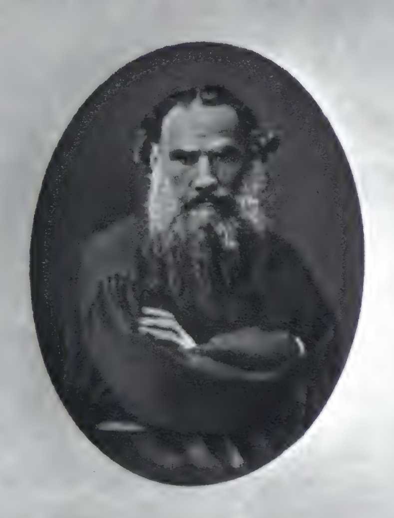
В статье «Л. Н. Толстой» В. И. Ленин с гневом напомнил об иезуитском решении святейшего синода и заявил, что, когда наступит «час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе», народ воздаст им и за этот «подвиг» *.

Сочувствие и любовь народа помогали Толстому сохранять мужество и спокойствие, когда над его головой все больше сгущались тучи. Ни клеветой, ни угрозами, ни проклятиями — ничем нельзя было заставить Толстого замолчать. «Шестьдесят лет звучал суровый и правдивый голос, обличавший всех и все»,— с гордостью писал о Толстом Горький.

В начале 90-х годов были напечатаны статьи Толстого о голоде, и реакционные «Московские ведомости» обвинили писателя в «политическом заговоре... направленном к ниспровержению существующего порядка».

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Такъ что же намъ дѣлать?

Изданіе книгоиздательства „ПОСРЕДНИКЪ“.

Выпускъ первый.

Л. Н. Толстой. «Так что же нам делать?»
Первое отдельное издание.

А. А. Толстая в это время сообщила из Петербурга в Ясную Поляну, что в придворных кругах ждут от него оправданий. Толстой писал по этому поводу жене: «Вижу, что у них тон тот, что я в чем-то провинился и мне надо перед кем-то оправдываться. Этот тон надо не допускать. Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам, уже 12 лет, и пишу не нечаянно, а сознательно, и не только оправдываться в этом не намерен, но надеюсь, что те, которые желают, чтобы я оправдывался, постараются хоть не оправдаться, а очиститься от того, в чем не я, а вся жизнь их обвиняет».

Сознанием глубокой правоты, неколебимой уверенностью проникнут «Ответ синоду», посланный Толстым после отлучения его от церкви.

А сколько мужества и силы духа в том заявлении, которое сделал Толстой в письме к одному из близких родственников царя в сентябре 1905 года: «Я человек, отрицающий и осуждающий весь существующий порядок и власть и прямо заявляющий об этом».

У царского правительства не оставалось никаких надежд на то, что Толстой «одумается» и перестанет обличать «существующий порядок». Оно хотело расправиться с ним, но страшилось вызвать гнев народа. Рассказывают, что когда одному из жандармских начальников сообщили, что Толстой удивляется, почему его не посадят в тюрьму, этот не лишенный остроумия начальник приказал так ответить писателю: «Граф, ваша слава так велика, что ее не в состоянии вместить все тюрьмы Российской империи».

О страхе, который испытывали перед Толстым царские власти, рассказывает в своем дневнике издатель газеты «Новое Время» А. С. Суворин: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии. Его проклинают, синод имеет против него свое определение. Толстой отвечает, ответ расходится в рукописях и в заграничных газетах. Попробуй кто тронуть Толстого. Весь мир закричит, и наша администрация поджимает хвост».

Великим актом гражданского и писательского мужества явилось выступление Толстого со статьей «Не могу молчать!», в которой он потребовал у царских опричников прекратить преследования и казни участников революции 1905—1907 годов.

Толстой отвергал всякие попытки защитников буржуазно-помещичьего строя оправдать его существование, замазать или смягчить его противоречия, доказать, что он основан на «законе», на «правде». В письме студенту (1909) Толстой так определил сущность буржуазного гражданского права: «Право гражданское есть право одних людей на собственность земли, на тысячи, десятки тысяч десятин и на владение орудиями труда, и право тех, у кого нет земли и нет орудий труда, продавать свои труды и свои жизни, умирая от нужды и голода, тем, которые владеют землей и капиталами».

Л. Н. Толстой

Рабство нашего времени

Berlin
Heinrich Caspari
Verlagsbuchhandlung

Л. Н. Толстой. «Рабство нашего времени».
Первое отдельное издание.

В трактате «Рабство нашего времени» (1900) и в других статьях Толстой резко обрушился на идеологов буржуазии, утверждающих неизменность, «вечность» капиталистического общественного строя. «Существующий порядок вещей,— заявил Толстой,— не есть нечто неизбежное, стихийное, неизменное». Капиталистическое рабство, говорит Толстой, есть «рабство нашего времени», оно «очень ясно и определенно произведено не каким-либо железным стихийным законом, а человеческими узаконениями: о земле, о податях и о собственности <...>. В условиях этих нет ничего неизменного».

И самые формы порабощения народа не остаются неизменными. Толстой различал три формы рабства: крепостническое, земельное и капиталистическое, которое он называл «рабством нашего времени». Идеолог патриархальной деревни, главным злом он считал земельное рабство. И даже капиталистическое рабство он считал производным от земельного. Он говорил: «Капитализм — это последствие накопления земельной собственности».

Поземельную частную собственность Толстой называл «великим грехом» и требовал ее отмены. «Надо исправить стародавнюю несправедливость владения землею» — эта мысль отчетливо проходит через все, что писал и говорил Толстой о положении народа в пореформенные годы.

Вместе с тем Толстой хорошо знал, что народ хочет освободить не только землю, но и добиться освобождения труда. «Труд должен быть не рабским, а свободным, и в этом все»,— убежденно заявлял писатель.

Толстой знал, что народ страдает не только оттого, что он лишен земли, не только от эксплуатации на фабриках и заводах, но и от всего строя произвола и насилия, с его судами, тюрьмами, войнами, колониальным грабежом и всем тем, что несет с собою капитализм.

Писатель неутомимо разоблачал самый «механизм», при помощи которого производится «затемнение» и ограбление народа. «В России,— заявил он,— отбирается от народа треть всего дохода, а на самую главную нужду, на народное образование употребляется $^{1}/_{50}$ часть всего дохода, и то на такое образование, которое больше вредит народу, одуряя его, чем приносит ему пользу. Остальные же $^{49}/_{50}$ употребляются на ненужные и вредные для народа дела». И Толстой называет такие «дела», как безудержные вооружения, крепости и тюрьмы, содержание духовенства, царского двора и жалованье для огромной своры чиновников всякого рода, «которые поддерживают возможность отбирать эти деньги у народа».

Ограбление народа, говорит Толстой, происходит не только в деспотических, монархических государствах, а и в любой буржуазно-демократической республике. Во всех государствах капиталистического мира, утверждает Толстой, «деньги отбираются у большинства народа не столько, сколько нужно, а столько — сколько можно, и совершенно независимо от согласия или несогласия облагаемых (все знают, как составляются парламенты и как мало они представляют волю народа) и употребляются не для общей

Отпечатано в Туле в тайной типографии в 1908 г.

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ!

(О СМЕРТНЫХЪ КАЗНЯХЪ.)

Л. Н. Толстого.

I

«Семь смертныхъ приговоровъ: два въ Петербургѣ, одинъ въ Москвѣ, два въ Пензѣ, два въ Ригѣ. Четыре казни: двѣ въ Херсонѣ, одна въ Вильнѣ, одна въ Одессѣ».

И это въ каждой газетѣ. И это продолжается ни недѣли, ни мѣсяцы, ни годъ, а годы. И происходитъ это въ Россiи, въ той Россiи, въ которой народъ считаетъ всякаго преступника несчастнымъ и въ которой до самаго послѣдняго времени по закону не было смертной казни.

Помню, какъ гордился я этимъ когда-то передъ европейцами, и вотъ второй, третiй годъ неперестающiя казни.

Беру нынѣшнюю газету.

Нынче, 9 мая, что-то ужасное. Въ газетѣ стоятъ короткiя слова: «Сегодня, въ Херсонѣ, на Стрѣлбицкомъ полѣ казнены черезъ повѣшенiе двадцать крестьянъ за разбойное нападенiе на усадьбу землевладѣльца въ Елисаветградскомъ уѣздѣ.

Въ газетахъ появились потомъ опроверженiя извѣстiя о казни двадцати крестьянъ Могу только радоваться этой ошибкѣ: какъ тому, что задавлено на восемь человѣкъ меньше, чѣмъ было въ первомъ извѣстiи, такъ и тому, что эта ужасная цифра заставила меня выразить въ этихъ страницахъ то чувство, которое давно уже мучаетъ меня, и потому только, замѣняя слово двадцать словомъ двѣнадцать, оставляю безъ перемѣны все то, что сказано здѣсь, такъ какъ сказанное относится не къ однимъ двѣнадцати казненнымъ, а ко всѣмъ тысячамъ въ послѣднее время убитымъ и задавленнымъ людямъ.

Двѣнадцать человѣкъ изъ тѣхъ самыхъ людей, трудами которыхъ мы живемъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ мы всѣми силами развращали и развращаемъ, начиная отъ яда водки и до той ужасной лжи вѣры, въ которую мы не вѣримъ, но которую стараемся всѣми силами внушить имъ,—двѣнадцать такихъ людей задушены веревками тѣми самыми людьми, которыхъ они кормятъ и одѣваютъ и обстраиваютъ и которые развращали и развращаютъ ихъ. Двѣнадцать мужей, отцовъ, сыновей, тѣхъ людей, на добротѣ, трудолюбiи, простотѣ которыхъ только и держится русская жизнь, схватили, посадили въ тюрьмы, заковали въ ножные кандалы. Потомъ связали имъ за спиной руки, чтобы они не могли хвататься за веревку, на которой ихъ будутъ вѣшать и привели подъ висѣлицы. Нѣсколько такихъ же крестьянъ, какъ и тѣ, которыхъ будутъ вѣшать, только вооруженные и одѣтые въ хорошiе сапоги и чистые солдатскiе мундиры, съ ружьями въ рукахъ, сопровождаютъ приговоренныхъ. Рядомъ съ приговоренными въ парчевой ризѣ и въ эпитрахили, съ крестомъ въ рукѣ, идетъ человѣкъ съ длинными волосами. Шествiе останавливается. Руководитель всего дѣла говоритъ что-то, секретарь читаетъ бумагу и когда бумага прочтена, человѣкъ съ длинными волосами, обращаясь къ тѣмъ людямъ, которыхъ другiе люди собираются удушить веревками, говоритъ что-то о Богѣ и Христѣ. Тотчасъ же послѣ этихъ словъ палачи,—ихъ нѣсколько, одинъ не можетъ управиться съ такимъ

Л. Н. Толстой. «Не могу молчать!»
Одно из нелегальных изданий 900-е годы.

пользы, а на то, что для себя считают нужным правящие классы: на войну в Кубе и в Филиппинах, на отнятие и удержание богатств Трансвааля и тому подобное» *.

Толстой резко критиковал кичливую английскую и американскую демократию, называя ее «мнимо-свободной». Он говорил, что английская и американская конституции имеют целью такой же обман народа, как и японская и турецкая конституции, ибо «все знают, что не только в деспотических, но и в самых мнимо-свободных государствах: Англии, Америке, Франции и других, узаконения устанавливаются не по воле всех, а только по воле тех, которые имеют власть», и выгодны эти узаконения только тем, «кто имеет власть». А власть в этих странах в руках тех, кто владеет землей, фабриками, финансами.

Толстому были одинаково ненавистны и буржуазный строй «старой» Европы и хваленая буржуазная демократия «молодой» Америки. «В Америке,— говорил Толстой,— можно достать все, что покупается за деньги. Но нельзя достать того, что не поддается оценке за доллары и пенсы».

С чувством глубокого негодования он осуждал преследования негров в Соединенных Штатах Америки.

В 1909 году в Ясную Поляну пришло из Америки письмо, составленное по просьбе трех тысяч негров, живших в Нью-Ольбени (штат Индиана). К письму была приложена статья «Что сказал бы Толстой о расе негров?», напечатанная в одном американском журнале. И письмо и статья содержали жалобы и мольбу о помощи людей, измученных расистами.

В ответном письме Толстой осудил «преступность и грубой толпы, совершающей эти ужасы, и еще большую бессовестность правительства, допускающего и потворствующего этим преступлениям...».

Подобные заявления великого писателя приобрели широкую известность. Их боялись властители любой буржуазной страны. Недаром тогдашний президент Соединенных Штатов Америки Теодор Рузвельт выступал со статьями, направленными против Толстого. Президент обвинял писателя не более и не менее как во вмешательстве во внутренние дела Америки!

Великого писателя возмущала захватническая политика американских империалистов, «соревновавшихся» с империалистами европейскими в порабощении и грабеже малых народов. В трактате «Так что же нам делать?» Толстой рассказал о горестной судьбе маленького, беззащитного народа Фиджи, жившего на островах Полинезии. Американцы оккупировали эти острова и наложили на туземцев большую контрибуцию. «Американцы,— пишет Толстой,— прислали эскадру, которая захватила внезапно несколько лучших островов, как залог, и угрожала даже бомбардированием и разрушением колоний, если контрибуция не будет в известный срок вручена представителям Америки».

Толстой далее подробно рассказывает о том, как народ Фиджи, стремясь спастись от американских захватчиков, попросил помощи у англичан.

И англичане сначала подчинили страну экономически, а потом стали полными ее хозяевами.

В 900-е годы одно американское телеграфное агентство обратилось к Толстому с просьбой помочь бурам, защищавшим свою страну от английского вторжения, «заручиться добрыми услугами Америки». Толстой ответил на эту просьбу: «Добрые услуги Америки состоят лишь в угрозах войны, а потому сожалею, что не могу исполнить вашего желания».

Годом ранее Толстой дал не менее резкую оценку лицемерия устроителей Гаагской международной конференции по вопросам мира. Конференция в Гааге созывалась в обстановке подготовки к мировой войне, проводившейся в Германии, в пору обострения раздора из-за колоний между Англией и Францией, в пору американо-испанской войны.

«Гаагская мирная конференция,— писал Толстой,— есть только отвратительное проявление христианского лицемерия». Он решает изобличить и это лицемерие и летом 1909 года готовится принять участие в работе Восемнадцатого мирного конгресса в Стокгольме. «Надо сказать всю правду»,— записал Толстой в программе своего доклада.

Но сказать правду в лицо устроителям конгресса Толстому не пришлось. Они были страшно встревожены согласием писателя приехать в Стокгольм и под разными благовидными предлогами отложили конгресс. Сам Толстой говорил по этому поводу следующее: «Я думаю,— это нескромно с моей стороны,— что в том, что конгресс отложен, сыграли роль не одни забастовки рабочих в Швеции, а и мое письмо и статья газеты. «Как нам быть с ним? — Прогнать нельзя», и отложили конгресс».

И в докладе «Стокгольмскому съезду мира», и в статьях, и в многочисленных письмах Толстой неоднократно разоблачал трескучие фразы о мире всяческих «миротворцев», на деле только мешавших народным массам понять истинные причины возникновения империалистических войн.

Так, например, в резком ответном письме секретарю «Первого всеобщего конгресса рас» Джону Истаму Толстой указывал, что он не может не считать лицемерными «заботы о мире англичан с их Индией и всеми колониями».

Толстой выражал живейшее сочувствие индийскому народу и надеялся, что Индия добьется освобождения от английского владычества. Он горячо сочувствовал также народу Китая, боровшемуся за национальное освобождение.

С большой тревогой писал Толстой о росте милитаризма в Европе и Америке, о гонке вооружений, о том, что уже в 90-х годах прошлого века в Европе под ружьем находилось 28 миллионов людей и угроза мировой бойни становилась все более реальной и опасной.

«Главы правительств утверждают, что они все хотят мира, и между ними происходит соревнование в том, кто из них сделает самые торжественные, миролюбивые заявления. Но в тот же день, или на другой, они пред-

ставляют в законодательном собрании предложение об увеличении вооружений и говорят, что принимают такие предосторожности именно для того, чтобы обеспечить мир».

Толстой не верил буржуазным «миротворцам» и разоблачал их лживые разглагольствования о мире. Но он осуждал и тех людей, которые выражали неверие в силы народа. Такое неверие высказывал, например, французский писатель Мопассан, который резко выступал против войны, но считал ее неизбежным злом.

«Автор видит весь ужас войны,— писал Толстой о Мопассане,— видит, что причина ее в том, что правительства, обманывая людей, заставляют их идти убивать и умирать без всякой для них нужды; видит и то, что люди, которые составляют войска, могли бы обратить оружие против правительств и потребовать у них отчета. Но автор думает, что этого никогда не случится и что поэтому выхода из этого положения нет. Он думает, что дело войны ужасно, но что оно неизбежно».

Толстой никак не мог согласиться с пессимистическим выводом Мопассана. Он не считал войну неизбежным делом, ибо видел, что войны подготавливают и развязывают правительства обманутых народов, и призывал разоблачать этот обман.

Толстой осуждал всякие попытки оправдать империалистические войны. Французский академик Вогюэ в одной из своих статей заявил, что «пока остается на земле двое людей, хлеб, деньги и между ними женщина — война неизбежна». О таких людях, которые «признают войну не только неизбежной, но и полезной и потому желательной», Толстой говорил: «Эти люди страшны, ужасны своей нравственной извращенностью». К их числу он относил таких философов, как Ницше, таких ученых, как Мальтус и Вейсман *. Своими теориями о «высшей расе», о необходимости человекоистребления, о наследственном отборе и прочем вздоре они старались оправдать империалистическую агрессию.

Всем философам, ученым, писателям, утверждавшим придуманный ими закон неизбежности и даже необходимости войн, всем лживым «миротворцам», состоящим на службе у империалистических правительств, Толстой противопоставлял добрую волю миллионов простых людей, своим трудом, кровью и самой жизнью расплачивающихся за губительную политику буржуазных правительств. Народы при помощи агрессии и насилия можно истребить, говорил Толстой, но покорить их, превратить в рабов — нельзя.

Толстой обращался к простым людям всех стран с призывом заявить поджигателям войн: «Да идите вы, безжалостные и безбожные цари, микады, министры, митрополиты, аббаты, генералы, редакторы, аферисты, и как там вас называют, идите вы под ядра и пули, а мы не хотим и не пойдем».

Толстой говорил правителям от имени простых людей: «Оставьте нас в покое пахать, сеять, строить, кормить вас же, дармоедов».

Толстой писал эти слова в разгар русско-японской войны, накануне первой русской революции. Он полагал, что насильники и дармоеды испугаются и оставят трудящихся в покое. Толстой полагал, что насильники и дармоеды устыдятся, что их удастся усовестить. Это он и пытался сделать в своих обращениях к царю и его помощникам, к правящим классам, к «хозяевам жизни».

Однако Толстой вынужден был признать, что все его обращения и призывы к власть имущим остаются безответными. Так, в годы реакции писатель говорил по поводу того, что царь, а также председатель совета министров П. А. Столыпин не ответили на его письма: «Я рад, что писал царю, а потом Столыпину. По крайней мере я все сделал, чтобы узнать, что к ним обращаться бесполезно».

Не уговоры агрессоров, не пассивное непротивление такому злу, как угроза новой мировой бойни, а самое активное, самое горячее, действительное участие миллионов людей в борьбе за мир может спасти человечество от уничтожения.

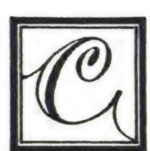
Мы привели сравнительно немного суждений Толстого о самых больных, «проклятых» вопросах его времени. Но, как нам кажется, их вполне достаточно, чтобы убедиться в глубочайшей справедливости ленинской характеристики и оценки особенностей толстовского протеста, обличения и критики.

Толстовская критика, говорит Ленин, проникнута «силой чувства... страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью», бесстрашно стремится «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс...». Откуда же она приобрела столь замечательные качества? «...Эта критика,— отвечает Ленин,— действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских «хитровцев» и т. д.» *.

Однако та же самая патриархальная крестьянская идеология, обусловившая сильные стороны толстовского протеста, обличения и критики, явилась источником и их слабых, отрицательных сторон. К этим последним Ленин относит противоречивость и непоследовательность взглядов писателя, «непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию», «отрицание политики», проповедь учения о непротивлении злу насилием и новой «очищенной религии».

Как видим, в мировоззрении и деятельности писателя совмещались, казалось бы, несовместимые, полярно противоположные стороны. Каким образом и на какой основе происходило их совмещение и соединение, чем оно было вызвано и к каким приводило последствиям — на все эти труднейшие вопросы ответил Ленин.

Зеркало русской революции

татья «Лев Толстой, как зеркало русской революции», открывающая цикл ленинских работ о великом писателе, была опубликована в 1908 году, когда печать всего мира отмечала 80-летие со дня его рождения. Но она совсем не похожа на такие «юбилейные» статьи, в которых за пышным славословием и чинопочитанием скрывается подлинное отношение их авторов к юбиляру.

Восьмидесятилетие со дня рождения писателя, поставившее его имя в центре всеобщего внимания и вызвавшее множество новых книг и статей о нем, явилось одним из поводов, которые заставили Владимира Ильича откликнуться на юбилей Толстого. Но были и другие поводы для этого.

Первая статья о Толстом создавалась Владимиром Ильичем в то время, когда он был занят изучением итогов и уроков первой русской революции, анализом событий «периода трехлетней революционной бури» (1905—1907).

В статье «К оценке русской революции», опубликованной за четыре месяца до написания первой статьи о Толстом, Ленин указывал: «Чтобы оценить революцию действительно по-марксистски, с точки зрения диалектического материализма, надо оценить ее, как борьбу живых общественных сил,

поставленных в такие-то объективные условия, действующих так-то и применяющих с бо́льшим или меньшим успехом такие-то формы борьбы». При этом Владимир Ильич подчеркивал: «Вопрос об оценке нашей революции имеет отнюдь не теоретическое только, а и самое непосредственное, практически-злободневное значение».

Владимир Ильич призывал деятелей революционного движения строить всю их работу в народе, исходя из «уроков великих 3-х лет». Придавая этим урокам исключительное значение, он более пятидесяти своих работ посвятил анализу и оценке опыта русской революции 1905—1907 гг. В них всесторонне и глубоко проанализированы причины, вызвавшие революцию, ее особенности, цели и задачи, охарактеризованы главные участники революции, явившиеся ее «движущими силами».

В этих работах и, в частности, в «Докладе о революции 1905 года», прочитанном для швейцарской молодежи, В. И. Ленин раскрыл ее мировое значение.

Статью «Лев Толстой, как зеркало русской революции» невозможно оценить в полной мере, если не связать ее со всем циклом работ Владимира Ильича о революции 1905—1907 гг. В их ярком свете ленинская статья о Толстом воспринимается как часть громадной работы, проведенной вождем рабочего класса по осмыслению итогов и уроков первой русской революции и подготовке трудового народа России к новым и решающим боям за свободу.

Ленин открыто связывает свою характеристику и оценку взглядов и творчества Толстого с изучением итогов и уроков революции. Начиная первую статью о Толстом, он осуждает легальную русскую прессу за то, что она «всего меньше интересуется анализом его (Толстого. — *К. Л.*) произведений с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее».

Одно из основных положений, легших в основу всего цикла ленинских статей о великом писателе, состоит в том, что и величие, и оригинальность Толстого, и противоречивая сложность, и «совокупность его взглядов, взятых как целое»,— все это красноречиво выражает «особенности нашей революции».

«Лев Толстой, как зеркало русской революции», «Значение Л. Н. Толстого в истории русской революции и русского социализма» (так сначала называлась вторая статья цикла «Л. Н. Толстой», явившаяся откликом на кончину писателя), «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», «Толстой и пролетарская борьба» — достаточно привести эти заглавия, чтобы стала очевидной направленность ленинской мысли при характеристике и оценке взглядов великого писателя и его творчества.

Без малейшего преувеличения можно утверждать, что тема «Толстой и русская революция» есть главная, определяющая тема всего цикла ленинских статей о Толстом.

Выдвигая эту тему на первый план, Владимир Ильич имел в виду, что сама необычность и новизна сопоставления имени великого писателя и революции, в которой, как все знали, он не принял участия, требовали разъяснений. Ими и начинается статья «Лев Толстой, как зеркало русской революции».

Известно, говорит Ленин, что Толстой явно не понял революции и явно от нее отстранился. Можно ли в таком случае называть его творчество зеркалом революции? «Не называть же зеркалом того, что́ очевидно не отражает явления правильно?»

Прежде чем ответить на этот вопрос, Ленин напоминает, что «наша революция — явление чрезвычайно сложное», что среди массы ее непосредственных участников было много таких, кто не понимал всего значения происходивших событий и тоже явно отстранялся от решения тех исторических задач, которые выдвигались временем. Но не этот аргумент выдвигается Лениным как главный.

Главный аргумент содержится в следующих ленинских словах: «И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях».

Должен был отразить, если он великий художник! Таков объективный закон художественного творчества, основной закон реалистического искусства, главная задача которого — правдивое изображение жизни. Ленин применил здесь к оценке Толстого принципы своей теории отражения, изложенной им в философском труде «Материализм и эмпириокритицизм». Труд этот, как и первая статья о Толстом, был создан в 1908 году.

Искусство, как и наука, учит Ленин, служит средством познания окружающего нас мира, помогает все более глубокому пониманию и преобразованию его.

При этом образы, созданные искусством, и понятия, созданные наукой, не простые слепки с явлений действительности, не зеркально-мертвые отражения их. Искусство, как и наука, по самой природе своей активно. Художественное познание, как и научное,— действенно и целенаправленно. Художник, если он не хочет уподобиться фотоаппарату, фиксирующему всё, что попадает в его объектив, производит отбор и оценку явлений действительности, выражает к ним свое отношение.

В. И. Ленин говорит, что настоящий художник-реалист, обращаясь к революции, не может не отразить в своих произведениях хотя бы некоторые из ее *существенных* сторон.

Какие же стороны первой русской революции нашли отражение в мировоззрении и творчестве Льва Толстого?

Заметим, что, называя Толстого зеркалом русской революции, Ленин имел в виду не только бурное трехлетие (1905—1907), а всю «эпоху подготовки революции», то есть 1861—1904 гг. Основоположники марксизма

1

Левъ Толстой, как зеркало русской революціи.

Сопоставленіе имени великого художника съ революціей, которой онъ явно не понялъ, отъ которой онъ явно отстранился, можетъ показаться на первый взглядъ страннымъ и искусственнымъ. Не называть же зеркаломъ того, что очевидно не отражаетъ явленія правильно? Но наша революція — явленіе чрезвычайно сложное; среди массы ея непосредственныхъ совершителей и участниковъ есть много соціальныхъ элементовъ, которые тоже явно не понимали происходящаго, тоже отстранялись отъ настоящихъ историческихъ задачъ, поставленныхъ передъ ними ходомъ событій. И если передъ нами действительно

В. И. Ленин. «Лев Толстой, как зеркало русской революции». 1908 год. Фотокопия первой страницы рукописи.

не раз указывали на неразрывную связь между этими историческими датами.

Так Ф. Энгельс, говоря о реформе 1861 года, отменившей в России крепостное право, писал, что она создала «не что иное, как лишь твердое основание и абсолютную необходимость будущей революции». Ленин развил эту мысль: «Реформа, проведенная крепостниками в эпоху полной неразвитости угнетенных масс, породила революцию к тому времени, когда созрели революционные элементы в этих массах».

В той же работе В. И. Ленин писал: «19-ое февраля 1861 года знаменует собой начало новой, буржуазной, России, выраставшей из крепостнической эпохи. <...> 1861 год породил 1905».

Зеркалом всей этой долгой, переходной эпохи и явилось творчество Толстого. Это и была, по крылатому ленинскому выражению, «эпоха Толстого».

Из всего сказанного Лениным об «эпохе Толстого» можно заключить, что ее главным содержанием он считал процесс «ломки взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России». Это и определило характер первой русской революции, ее цели и задачи, социальный состав ее участников.

В. И. Ленин в работах о революции 1905—1907 гг. доказал, что по своему характеру и задачам она была крестьянской, буржуазно-демократической. В статье «Л. Н. Толстой» Ленин так определяет ее важнейшую особенность: «Одна из главных отличительных черт нашей революции состоит в том, что это была *крестьянская* буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России».

Ближайшими целями первой русской революции были свержение царизма, ликвидация остатков крепостничества и, в частности, уничтожение помещичьего землевладения, создание демократической республики. В ее задачи еще не входило свержение государства буржуазии. «...Это была крестьянская буржуазная революция,— разъясняет Ленин,— ибо объективные условия выдвинули на первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о ломке старого средневекового землевладения, о «расчистке земли» для капитализма, объективные условия выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы».

Так русское крестьянство впервые в истории стало одной из движущих сил революции. Другой ее движущей, а также руководящей силой явился русский рабочий класс. Он сумел добиться того, что крестьянство стало его союзником.

Пролетарские стачки в городах, крестьянские волнения в деревнях в свою очередь вызвали солдатские восстания в армии и военном флоте (вспомним о легендарном броненосце «Потемкин»!). «Таким образом,—

говорил Ленин в докладе о 1905 годе,— колоссальная страна со 130 миллионами жителей вступила в революцию, таким образом дремлющая Россия превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа».

С какой же из движущих сил первой революции в России был связан Толстой как мыслитель и художник?

Ответ на этот вопрос дан в ленинской оценке мировоззрения писателя: «Совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской* буржуазной революции. Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения,— действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции».

Здесь необходимо еще раз напомнить слова Ленина о Толстом, сказанные Горькому: «И — знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было». В одной из первых редакций горьковского очерка о Ленине эта фраза была передана так: «Знаете, что еще изумительно в нем? Его мужицкий голос, мужицкая мысль, настоящий мужик в нем».

До Ленина только Чернышевский — вождь русской революционной демократии — смог увидеть и высоко оценить изумительную способность Толстого «переселяться в душу поселянина», его умение правдиво изображать крестьянский быт и, что особенно важно, умение писателя точно и верно передавать «мужицкий» «взгляд на вещи». Эти замечательные черты таланта Толстого были раскрыты Чернышевским в статье о рассказе «Утро помещика», в котором молодой писатель запечатлел главный конфликт дореформенной России — конфликт между барином и крепостными крестьянами.

Почти полвека спустя, сравнивая образы крестьян в рассказе «Утро помещика» и романе «Воскресение», Горький заметил, что мужик у Толстого «растет». А в «Истории русской литературы» Горький сделал такое заключение: «Мысль Толстого направлялась всегда по линии интересов крестьянской массы».

Справедливость этих слов подтверждается многими признаниями самого Толстого. Подобно Константину Левину из романа «Анна Каренина», писатель мог сказать о себе, что он «с молоком бабы-кормилицы впитал любовь к мужику». В конце жизни Толстой говорил о простом русском крестьянине-земледельце: «Это моя самая юная любовь».

Как и герой его незаконченного романа «Декабристы» Петр Лабазов, писатель в один узел связывал вопрос о судьбах России с вопросом о судьбах народа: «Я,— говорит Лабазов,— должен сказать, что народ более всего меня занимает и занимал. Я того мнения, что сила России не в нас, а в народе».

В педагогических статьях 60-х годов, ратуя за предоставление народу

права на образование, Толстой заявил, что в народной массе он нашел «больше сознания правды и добра», нежели в господствующих классах, и потому «должен склониться на сторону народа». Уже в те годы Толстой призывал деятелей культуры внимательно прислушиваться к «могучему голосу народа».

Позднее Толстой порвал с дворянским классом и перешел на сторону народа. Это — главный, решающий, переломный момент и в биографии и в творчестве писателя. Толстой понял, что только народ сможет спасти мир от гибели, покончив с подлой и преступной политикой командующих классов.

Вера в народ, любовь к нему, страстная защита его интересов — вот что определило идейные и творческие искания Толстого.

Завершение перелома в мировоззрении писателя совпало по времени с его переездом из Ясной Поляны в Москву. Он хорошо знал деревенскую нищету, теперь перед его глазами раскрылись картины устрашающей городской бедности. В 1882 году Толстой принял участие в переписи московского населения. Он направился в Проточный переулок, находившийся близ Смоленской площади, и посетил ночлежный «Ржанов дом», позднее побывал в Ляпинском ночлежном доме.

О впечатлении, которое произвела на него жизнь «голодных и униженных жителей» этих домов, Толстой рассказал в статье «О переписи в Москве» (1882) и в трактате «Так что же нам делать?» (1882—1886). В них писатель нарисовал поразительные социальные контрасты большого города и высказал свои новые взгляды на жизнь.

С этого времени и до конца дней Толстой выступал как страстный защитник обездоленных и закабаленных людей труда, судил о всех событиях и явлениях действительности, смотря на них, по его выражению, «снизу, от ста миллионов».

Свою позицию народного заступника Толстой прекрасно выразил и в художественных и в публицистических произведениях — романе «Воскресение», комедии «Плоды просвещения», статьях о голоде, трактате «Рабство нашего времени» и многих других.

Народ, о переходе на сторону которого он так решительно заявил в своей «Исповеди», был «стомиллионный земледельческий народ», русское патриархальное крестьянство, жизнь и быт которого писатель знал с самого детства.

Толстой был уверен в том, что крестьяне-земледельцы — «большинство людей, стоящих в основе всякого общественного устройства». Беседуя в 1905 году о событиях в России, писатель вновь подчеркивал значение крестьянства. «Земледельческие классы,— говорил он,— это — ноги, на которых стоит все туловище народа».

Голосом этой могучей громады, этого, по образному выражению Ленина, «великого народного моря, взволновавшегося до самых глубин», и стал

В этих газетах впервые были опубликованы статьи и высказывания В. И. Ленина о Л. Н. Толстом. (Из материалов Музея Л. Н. Толстого.)

Лев Толстой, выразивший и силу и слабость крестьянских масс, искавших и не находивших путей к свободной и справедливой жизни.

Толстой был убежден в том, что в земледельческой России, в отличие от промышленных стран Западной Европы и Америки, революция может быть только крестьянской. Он писал: «Участники прежних революций — это преимущественно люди высших, освобожденных от физического труда профессий и руководимые этими людьми городские рабочие; участники же предстоящего переворота должны быть и будут преимущественно народные земледельческие массы. Места, в которых начинались и происходили прежние революции, были города; местом теперешней революции должна быть преимущественно деревня. Количество участников прежних революций — 10, 20 процентов всего народа; количество участников теперешней совершающейся в России революции должно быть 80, 90 процентов».

Исходя из своего убеждения в том, что в России должна произойти крестьянская революция, Толстой называл ее «революцией освобождения земли». Еще в годы создания «Войны и мира» — за 40 лет до первой русской революции! — Толстой утверждал то же самое. Он писал в 1865 году: «Всемирно-народная задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности <...>. Эта идея имеет будущность. Русская революция только на ней может быть основана».

Частную земельную собственность Толстой называл «великим грехом». Освобождение земли от власти дворян-помещиков и передачу ее тем, кто на ней трудится и кормит весь мир, писатель считал главной задачей русской революции.

Утверждая это, он выражал действительные надежды и чаяния миллионов и миллионов русских крестьян. И писатель хорошо знал, чьи мысли и чувства выражает он, приветствуя приход революции.

В октябре 1905 года Толстой радостно писал своему другу В. В. Стасову: «Я во всей этой революции состою в звании, добро и самовольно принятом на себя, адвоката 100-миллионного земледельческого народа. Всему, что содействует или может содействовать его благу, я сорадуюсь, всему тому, что не имеет этой главной цели и отвлекает от нее, я не сочувствую».

Интересно отметить, что и Стасов видел в Толстом идеолога первой русской революции, восторженно называл ее «толстовской» революцией.

И хотя оба они — и Толстой и Стасов — в ходе бурного развития революционных событий убедились, что первая народная революция в России по тому, как она осуществляла свои задачи, совсем не была «толстовской», и тот и другой, в отличие от большинства «толстовцев», никогда не отрицали ее громадного исторического значения. «Современное движение в России,— говорил Толстой летом 1905 года,— движение мировое, важность которого еще мало понимают. Это движение, которое, как французская революция когда-то, может быть, даст своими идеями толчок на сотни лет.

переведетъ въ тотъ берегъ"
И я поблагодарю васъ
за это напоминаніе.
Я во всей этой революціи
состою въ званіи добро-
вольно принятомъ на
себя, адвоката 100 миллион-
наго земледѣльческаго
народа. Всему, что со-
дѣйствуетъ или можетъ содѣй-
ствовать его благу я
сорадуюсь, всему тому,
что не имѣетъ этой
главной цѣли и от-
влекаетъ отъ нея, я
не сочувствую. На всякія
же насилія и убійства

Отрывок из письма Л. Н. Толстого В. В. Стасову от 18 октября 1905 года.

Русский народ обладает в высшей степени способностью к организации и самоуправлению».

Эти слова выражают главное в оценке Толстым русской революции. В других высказываниях писателя о ней мы встречаем и «осуждающие слова» в адрес революционеров. Верный своей теории «непротивления злу насилием», Толстой хотел, чтобы революция развивалась только мирным путем, и осуждал революционных вожаков за то, что они звали народ на путь открытой, вооруженной борьбы за свободу.

Однако он не переставал внимательно следить за событиями. В декабре 1905 года Толстой говорил: «Хотя мне это на том свете ни на что не пригодится, а все-таки я рад, что дожил до революции. Очень интересно это все!»

Толстой признавал, что замена старого строя новым не может совершиться без борьбы и потрясений. «Революция,— говорил он,— состоит в замене худшего порядка лучшим. И замена эта не может совершиться без внутреннего потрясения, но потрясения временного. Замена же дурного порядка лучшим есть неизбежный и благотворный шаг вперед человечества».

Когда Толстой слышал от окружающих выражение недовольства происходящими событиями, он протестовал против этого и учил видеть в революции прежде всего ее положительное, созидательное, творческое начало. «События,— писал он Стасову,— совершаются с необыкновенной быстротой и правильностью. Быть недовольным тем, что творится, все равно что быть недовольным осенью и зимой, не думая о весне, к которой они нас приближают».

В каждой великой революции, учил Толстой, дорого то, что она несет с собой обновление жизни. И этот процесс ее революционного преобразования писатель считал непреоборимым. «Переход людей от прежнего, отжитого общественного мнения к новому неизбежно должен совершиться,— говорил Толстой.— Переход этот так же неизбежен, как отпадение весной последних сухих листьев и развертывание молодых из надувшихся почек».

Начиная с «Исповеди», появившейся в печати в самом начале 80-х годов, Толстой настойчиво высказывает убеждение в необходимости отмены отжившего общественного строя и его коренной перестройки.

«Нельзя так жить!» — этот вывод, заявленный Толстым в трактате «Так что же нам делать?», написанном вслед за «Исповедью», можно было бы взять эпиграфом ко многим другим его произведениям, появившимся в последующие годы.

В них писатель, по словам Ленина, «обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь».

Беспощадно критикуя эти порядки, Толстой приходил к выводу о том,

что, как писал он в середине 90-х годов, «существующий строй жизни отжил свое время и неизбежно должен быть перестроен на новых началах».

Дальнейшее развитие классовой борьбы в России все более убеждало Толстого в справедливости этого вывода. В декабре 1904 года он записал в дневнике: «Существующий строй до такой степени в основах своих противоречит сознанию общества, что он не может быть исправлен, если оставить его основы, так же как нельзя исправить стены дома, в котором садится фундамент. Нужно весь, с самого низа, перестроить».

В разгар революционной борьбы, в самые грозные дни 1905 года, он обратился к защитникам старого строя с такими словами: «Вам не устоять против революции с вашим знаменем самодержавия, хотя бы и с конституционными поправками, и извращенного христианства, называемого православием, хотя бы и с патриархатом и всякого рода мистическими толкованиями. Все это отжило и не может быть восстановлено».

Толстого глубоко потрясло известие о расстреле рабочей демонстрации в Петербурге на Дворцовой площади 9 января 1905 года. Назвав его «петербургским злодеянием», Толстой с еще большим отвращением стал относиться к Николаю II, о котором еще раньше отзывался как о кровавом убийце.

Домашний врач писателя Д. П. Маковицкий писал в своем дневнике, что Толстого «ранили в сердце» сообщения об избиениях и расстрелах участников рабочих демонстраций в Москве, Туле и других городах.

В ту же пору Толстой сказал: «Революция не остановится на том, что добились конституции». Манифест царя о даровании народу «свобод» он расценил как пустую бумажку, цель которой — обман трудящихся. «Я прочел манифест, в нем ничего нет для народа», — говорил он с горечью.

Когда революция потерпела поражение и царские опричники стали преследовать и казнить ее участников, на весь мир раздался протестующий голос великого писателя. В знаменитой статье «Не могу молчать!», напечатанной в 1908 году, он пригвоздил палачей к позорному столбу, потребовав прекратить преследования и казни революционеров.

Толстой был уверен, что революция неминуемо придет снова. В октябре 1908 года один из его сыновей сказал, что в России скоро начнется революция. Толстой ответил: «Да она и не прекращалась! Ненависть с обеих сторон все растет».

Патриархальная деревня в годы, последовавшие за поражением революции, стала быстро излечиваться от своих многовековых иллюзий. Крестьянские массы все смелее и активнее вступали на путь революционной борьбы. Проповедник непротивления злу насилием, Толстой относился к этому с осуждением. А Толстой — адвокат стомиллионного земледельческого народа, как он называл себя, одобрял активные действия крестьян, отбиравших у помещиков землю, зерно, сельскохозяйственный инвентарь.

«Мужик берется прямо за то, что для него всего важнее»,— говорил он по этому поводу.

Встретившись с Толстым весной 1902 года, когда он находился в Крыму на лечении, В. Г. Короленко был поражен переменами в его настроениях. «Был у Толстого,— писал он в мае 1902 года.— Поездкой чрезвычайно доволен... Очень интересно провели часа три... Удивительный старик. Тело умирает, а ум горит пламенем. Теперешний Толстой и Толстой, которого я видел 13 лет назад, два разных человека. И между прочим, от «непротивления» едва ли остались и следы».

Но вот пришел 1905 год. «Начинается восстание. Сила против силы. Кипит уличный бой, воздвигаются баррикады, трещат залпы и грохочут пушки. Льются ручьи крови, разгорается гражданская война за свободу... Лозунгом рабочих стало: смерть или свобода!» — с гордостью писал Ленин в статье «Революция в России», напечатанной в газете «Вперед».

А Толстой, как мы уже говорили, не принял участия в революционных событиях и позднее выразил сожаление о том, что его любимый «смиренный, трудовой, христианский, кроткий, терпеливый народ» «так скоро научился делать и машины, и железные дороги, и революцию, и парламенты...».

Что значили колебания Толстого в оценке революционных действий народных масс и чем они были вызваны — разговор об этом пойдет в следующих главах.

Кричащие противоречия

ще в годы студенчества Толстой снискал славу «неуживчивого» человека с очень «трудным» характером. Страстность и порывистость его натуры, постоянная устремленность к новому, бесстрашное искание истины пугали и отталкивали от него тех, кто любил компромиссы, страшился неизведанного.

Четыре года спустя после знакомства с молодым Толстым критик-эстет В. П. Боткин писал друзьям: «Я довольно часто вижусь с ним, но так же мало понимаю его, как и прежде. Страстная, причудливая и капризная натура. И при том самая неудобная для жизни с другими людьми. И весь он полон разными сочинениями, теориями и схемами, почти ежедневно изменяющимися. Большая внутренняя работа, но работа, похожая на иксионовскую». (Предание говорит, что «нечестивый» царь Иксион был навечно прикован к огненному колесу в преисподней.)

Действительно, путь, которым шел Толстой, был трудным. И нередко духовные кризисы, которые он переживал, страдая и мучаясь, вызывали у окружавших его людей недоумение и даже страх.

С юных лет озабоченный тем, чтобы сформировать свой характер, Толстой, еще будучи студентом Казанского университета, составил «Правила», важнейшие из которых навсегда вошли в его моральный кодекс:

«Всегда говорить правду».

«Имей цель для всей жизни, цель для известной эпохи твоей жизни, цель для известного времени, цель для года, для месяца, для недели, для дня и для часу и для минуты, жертвуя низшие цели высшим».

«Будь полезен, сколько ты можешь, отечеству».

«Будь верен своему слову».

Юный Толстой был озабочен тем, чтобы развить в себе способность самостоятельного критического суждения о людях, книгах, явлениях действительности. Эта работа также нашла отражение в его «Правилах»:

«Все отвлеченные мысли оправдывай (то есть проверяй.— *К. Л.*) примерами».

«Всякое философское сочинение читай с критическими замечаниями».

Став писателем, Толстой не только не отказался от этой работы по самовоспитанию, но вел ее с еще более суровой строгостью. В его дневниках 50-х годов часто встречается выражение «обдумываю самого себя». То и дело молодой писатель напоминает себе: «Надо прежде понять хорошенько себя и свои недостатки и стараться исправлять их».

Моральные порывы, беспощадный самоанализ, частые «чистки души» — всем этим переполнены дневники и записные книжки молодого Толстого.

До какой остроты доходил этот процесс самоосуждения, можно судить по дневниковым записям: «Ежели пройдет три дня, во время которых я ничего не сделаю для пользы людей, я убью себя. Помоги мне, Господи». «Упрекаю себя за лень и в последний раз. Ежели завтра я ничего не сделаю, я застрелюсь».

«Важнее всего для меня в жизни — исправление от трех пороков — раздражительности, бесхарактерности и лени».

Толстой истреблял в себе не только недостатки, которые могут быть присущи любому человеку, но особенно настойчиво те, что Некрасов определил в его характере как «следы барского и офицерского влияния». Толстому приходилось преодолевать и те трудности роста, о которых писал ему Некрасов, видевший в них своего рода дань времени и возрасту.

«На мои глаза,— писал Н. А. Некрасов,— в Вас происходит та душевная ломка, которую в свою очередь пережил всякий сильный человек, и Вы отличаетесь только — к выгоде или невыгоде — отсутствием скрытности и пугливости. Признаюсь, я лично люблю такие характеры».

Это письмо Некрасова служит важным свидетельством того, что не один Толстой пережил в ту пору душевную ломку. Она была вызвана высоким напряжением общественно-политической борьбы в стране, порожденным тяжким поражением николаевской армии в Крымской войне 1853—1855 гг.

Участвуя в героической обороне Севастополя, Толстой своими глазами увидел беспримерное мужество русских солдат и матросов, богатырскую силу народа и тупую жестокость и бездарность его управителей. И он пришел

тогда к выводу: «Россия или должна пасть или совершенно преобразоваться».

Молодой писатель увидел, что самым неотложным, главным вопросом эпохи стал вопрос об отмене крепостного права и о дальнейших путях развития России. Этот вопрос явился пробным камнем для определения позиций разных общественных классов, групп и течений.

Идея крестьянской революции, выдвинутая революционными демократами-шестидесятниками, во главе которых стоял Н. Г. Чернышевский, была отвергнута Толстым и навсегда оставалась для него чуждой. Однако он не примкнул — ни тогда, ни позднее — ни к либералам с их «реформизмом» и преклонением перед буржуазной Европой, ни к славянофилам с их проповедью национальной ограниченности и защитой дореформенной «старины». Он искал свой путь.

Тургенев, Григорович, подобно Боткину и некоторым другим из тогдашних друзей Толстого, относили его неуступчивость, постоянную готовность спорить и противоречить к «дурным» свойствам характера, а его неудовлетворенность настоящим и поиски для себя места и дела именовали «чудачеством». Так по поводу его увлечения школьным делом Тургенев писал Фету: «А Лев Толстой продолжает чудить. Видно, так уже написано ему на роду. Когда он перекувыркнется в последний раз и станет на ноги?»

Лишь немногие из современников догадывались, что за всем тем, что Тургенев называл «чудачеством» Толстого, скрывалась глубокая внутренняя работа, смысл которой для них долго оставался нераскрытым.

Четверть века спустя, когда духовные искания Толстого приобрели исключительно напряженный характер, В. Г. Короленко подметил у Толстого удивительную способность быстро и сильно «заражаться народными настроениями». Именно эта способность, по верному заключению Короленко, и «определяла крупнейшие повороты во взглядах самого Толстого».

Значение этой догадки Короленко трудно переоценить. Ведь подавляющее большинство его предшественников, писавших о Толстом, видело в непоследовательности, противоречивости, изменчивости взглядов писателя некую специфическую особенность его личной мысли.

Однако и Короленко не смог обосновать и развить свою догадку. Если внимательно прочесть короленковские статьи о Толстом, то приходится признать, что в них противоречия великого писателя оцениваются как только его — Толстого — противоречия.

Такой подход к оценке мировоззрения и творчества Толстого мы встречаем и в работах видного марксиста Г. В. Плеханова. Его статьи о Толстом заключают в себе немало верного. В частности, в них мы находим содержательную критику религиозного учения Толстого. Но и Плеханов не смог «справиться» с противоречивостью и сложностью взглядов писателя. Больше того, он решил от нее просто-напросто «отмахнуться». В статье «Сме-

шение представлений (Учение Толстого)» Плеханов писал: «Я не хочу спорить с Толстым. Да и нет мне «расчета» с ним спорить: у него так много противоречий, что все равно за всеми не угоняешься».

«Сердясь» на непоследовательность, нелогичность многих суждений писателя, Плеханов утверждал, что у Толстого «ум ушел в талант» и что в роли мыслителя Толстой везде обнаруживает ребяческую беспомощность.

Резко противопоставив Толстого-художника Толстому-мыслителю, Плеханов заявил, что с первым ему «радостно», а со вторым — «страшно». Одна из плехановских статей о Толстом «Заметки публициста» имеет подзаголовок «Отсюда и досюда». В ней Плеханов заявил, что он присоединяется к тем, кто говорит, что не может «просто любить Толстого», а любит его «отсюда и досюда».

Какой смысл вкладывался Плехановым в эту «формулу», видно из следующих его слов: «Я тоже люблю его только «отсюда и досюда». Я считаю его гениальным художником и крайне слабым мыслителем».

Вот куда привело Плеханова нежелание заниматься изучением противоречий Толстого, его отказ от выяснения причин, породивших эти противоречия, от анализа социальной и исторической почвы, на которой они возникли. «Отмахнувшись» от всего этого, Плеханов расчленил Толстого на две «половины»: художника и мыслителя, укрепив своим авторитетом легенду о «двух Толстых», возникшую в русской и зарубежной критике в 80-е годы прошлого века и дожившую до наших дней.

Как видим, о противоречивости взглядов Толстого говорили и писали многие из его современников. Но ни одному из них не удалось поставить противоречивость его взглядов, его творчества и учения в связь с противоречиями эпохи, сформировавшей Толстого как художника и мыслителя.

Эту задачу выполнил В. И. Ленин. Только он поставил «кричащие противоречия» Толстого в неразрывную связь с противоречиями самой действительности, обусловленными историческими и социально-экономическими условиями жизни русского общества в пореформенные, предреволюционные годы.

Всем, кто читал первую ленинскую статью о Толстом, несомненно надолго запомнилась классическая характеристика противоречивости великого писателя. Ленин пишет: «Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого — действительно кричащие». После этого энергичного вступления идут фразы, начинающиеся словами «с одной стороны» и «с другой стороны». Первые из них содержат характеристику сильных, а вторые — слабых сторон мировоззрения и творчества писателя. Их сопоставление завершается изумительным по силе художественным образом: «Поистине

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка Русь!»

Л. Н. Толстой в Ясной Поляне.
Фотография 1908 года.

Этот образ патриархально-крестьянской России, созданный Некрасовым в его великой поэме «Кому на Руси жить хорошо», как нельзя более рельефно подчеркнул ленинскую мысль о сочетании в Толстом полярно противоположных начал. В самом деле, перед нами гениальный художник, создавший произведения мирового значения, и «помещик, юродствующий во Христе»; великий протестант против любой общественной лжи и фальши и безвольный «толстовец», предлагавший в качестве панацеи от всех зол личное самоусовершенствование; беспощадный критик капитализма, а также буржуазно-помещичьего государства со всем его аппаратом насилия и угнетения и проповедник теории непротивления злу насилием; самый трезвый реалист, срывающий все и всяческие маски, и создатель новой, утонченной и потому особенно опасной религии.

Кричащие противоречия Толстого этим не исчерпываются. Сюда надо включить и противоречия, возникавшие между страстными обличениями общественного зла и выводами, которые делал писатель из этих обличений.

Толстой с гневом и страстью выступал против крепостнического и полицейского государства, против монархии. А когда народ выступил с оружием в руках против самодержавия, он отстранился от революционной борьбы, проповедовал отречение от политики и непротивление злу насилием. Он надеялся и пытался уговорить царя добровольно отказаться от трона и передать власть народу.

Толстой с такой силой обличал официальную религию, что святейший синод отлучил писателя от церкви. В то же время Толстой вел страстную проповедь «очищенной» от церковных догматов религии.

Безоговорочное отрицание помещичьего землевладения и всей частной поземельной собственности совмещалось у Толстого с бесплодными попытками уговорить помещиков отдать землю крестьянам.

Страстное и могучее обличение капитализма у Толстого совмещалось с непониманием целей и значения освободительной борьбы, которую вел революционный пролетариат.

В отличие от многих исследователей и критиков Толстого, Ленин подчеркивал, что все эти противоречия не были противоречиями личной мысли писателя, а явились отражением тех сложных условий, исторических традиций, социальных влияний, которые определяли психологию разных классов и слоев русского общества в пореформенное, но дореволюционное время, то есть в то самое время, когда Толстой окончательно сложился как писатель и мыслитель.

Ленин выяснил, откуда, из каких источников рождались толстовские противоречия, чьи настроения, надежды и чаяния они выражали. «Его устами,— пишет он о Толстом,— говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая *уже* ненавидит хозяев современной жизни, но которая *еще* не дошла до сознательной последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними».

Л. Н Толстой и его эпоха *).

Эпоха, къ которой принадлежитъ Л. Толстой, и которая замѣчательно рельефно отразилась, какъ въ его геніальныхъ художественныхъ произведеніяхъ, такъ и въ его ученіи, есть эпоха послѣ 1861-го и до 1905-го г.г. Правда, литературная дѣятельность Толстого началась раньше и окончилась позже, чѣмъ начался и окончился этотъ періодъ, но Л. Толстой вполнѣ сложился, какъ художникъ и какъ мыслитель, именно въ этотъ періодъ, переходный характеръ котораго породилъ *всѣ* отличительныя черты и произведеній Толстого и толстовщины».

Устами К. Левина въ «Аннѣ Карениной» Л. Толстой чрезвычайно ярко выразилъ, въ чемъ состоялъ переваль русской исторіи за эти полвѣка.

...«Разговоры объ урожаѣ, наймѣ рабочихъ и т. п., которые, Левинъ зналъ, принято считать чѣмъ-то очень низкимъ, ...теперь для Левина казались одни важными. «Это, можетъ быть, не важно было при крѣпостномъ правѣ, или не важно въ Англіи. Въ обоихъ случаяхъ самыя условія опредѣлены; но у насъ теперь, когда все это переворотилось и только укладывается, вопросъ о томъ, какъ уложатся эти условія, есть единственный важный вопросъ въ Россіи»,—думалъ Левинъ (Соч., т. X. стр. 137).

«У насъ теперь все это переворотилось и только укладывается»,—трудно себѣ представить болѣе мѣткую характеристику періода 1861—1905 годовъ. То, что «переворотилось», хорошо извѣстно, или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ знакомо всякому русскому. Это —крѣпостное право и весь «старый порядокъ», ему соотвѣтствующій. То, что «только укладывается», совершенно незнакомо чуждо, непонятно самой широкой массѣ населенія. Для Толстого этотъ, «только укладывающійся» буржуазный строй рисуется смутно въ видѣ пугала—Англіи. Именно: пугала, ибо всякую попытку выяснить себѣ основныя черты общественнаго строя въ этой «Англіи», связь этого строя съ господствомъ капитала, съ ролью денегъ, съ появленіемъ и развитіемъ обмѣна, Толстой отвергаетъ, такъ сказать, принципіально. Подобно народникамъ, онъ не хочетъ видѣть, онъ закрываетъ глаза, отвертывается отъ мысли о томъ, что «укладывается» въ Россіи никакой иной, какъ буржуазный строй.

Справедливо, что если не «единственно важнымъ», то важнѣйшимъ съ точки зрѣнія ближайшихъ задачъ всей общественно-политической дѣятельности въ Россіи для періода 1861-1905 годовъ (да и для нашего времени) былъ вопросъ, «какъ уложится» этотъ строй, буржуазный строй, принимающій весьма разнообразныя формы въ «Англіи», Германіи, Америкѣ, Франціи и т. д. Но для Толстого такая опредѣленная, конкретно-историческая постановка вопроса есть нѣчто совершенно чуждое. Онъ разсуждаетъ отвлеченно, онъ допускаетъ только точку зрѣнія «вѣчныхъ» началъ нравственности, вѣчныхъ истинъ религіи, не сознавая того, что эта точка зрѣнія есть лишь идеологическое отраженіе стараго («переворотившагося») строя, строя крѣпостного, строя жизни восточныхъ народовъ.

Въ «Люцернѣ» (писано въ 1857 году Л. Толстой объявляетъ, что признаніе «цивилизаціи» благомъ есть «воображаемое знаніе которое «уничтожаетъ» инстинктивныя, блаженнѣйшія первобытныя потребности добра въ человѣческой натурѣ». «Одинъ, только одинъ, есть у насъ непогрѣшимый руководитель, — восклицаетъ Толстой. — Всемірный Духъ, проникающій насъ (Соч. II. 125).

Въ «Рабствѣ нашего времени» (писано въ 1902 году) Толстой, повторяя еще усерднѣе эти аппелляціи къ Всемірному Духу, объявляетъ «мнимой наукой» политическую экономію за то, что она беретъ за «образецъ «маленькую, находящуюся въ самомъ исключительномъ положеніи Англію»,—вмѣсто того, чтобы брать за образецъ «положеніе людей всего міра за все историческое время». Каковъ этотъ «весь міръ», это намъ открываетъ статья «Прогрессъ и опредѣленіе образованія». (1862 г.). Взглядъ «историковъ» будто прогрессъ есть общій законъ для человѣчества». Толстой побиваетъ ссылкой на «весь такъ называемый Востокъ». (IV. 162) «Общаго закона» движенія впередъ человѣчества нѣтъ»,—заявляетъ Толстой,—какъ то намъ доказываютъ неподвижные восточные народы».

Вотъ именно идеологіей восточнаго строя, азіатскаго строя и является толстовщина въ ея реальномъ историческомъ содержаніи. Отсюда и аскетизмъ, и непротивленіе злу наси-

*) Редакція, какъ указывалось уже въ № 1, помѣститъ нѣсколько статей, освѣщающихъ съ разныхъ сторонъ сложную личность Л. Н. Толстого. Несмотря на нѣкоторыя разногласія въ оттѣнкахъ мнѣній различныхъ авторовъ, редакція, въ дальнѣйшемъ, будетъ помѣщать статьи безъ оговорокъ, такъ какъ надѣется, что при единствѣ основного отношенія сотрудниковъ къ ученію Толстого, читатели самостоятельно разберутся въ значеніи частичныхъ разногласій.

Первая публикация статьи В. И. Ленина «Л. Н. Толстой и его эпоха».
1911 год.

С громадной силой писатель выразил ее протест и боль, гнев и ненависть к старым порядкам, ее ужас перед новым, непонятным ей и беспощадным врагом — капитализмом. «Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик,— говорит о Толстом Ленин,— обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю».

Самое сжатое объяснение природы этих противоречий патриархально-крестьянской идеологии В. И. Ленин дал в следующих словах: «Крестьяне хотели, чтобы жизнь была *по-справедливости, по-божески*, не зная *как* это сделать». Вот это и выразил Толстой в своем учении и в своем творчестве, выразил, как говорит Ленин, «с замечательной силой», «с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам».

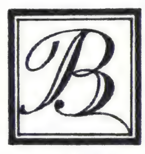
Произошло редчайшее явление в истории мировой литературы: взгляды и настроения закабаленного и наивного землевладельческого народа были выражены гениально одаренным и европейски-образованным писателем! Но не только это обстоятельство привлекло к ним внимание. Ленин подчеркивал, что великий писатель выражал мысли и настроения «миллионов крестьян», что в его произведениях выразились «и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения».

В свете этих ленинских оценок «кричащие противоречия» взглядов и творчества писателя приобретают значение исторического явления, вызванного особыми условиями русской действительности «эпохи Толстого».

Основными слагаемыми «кричащих противоречий» Толстого явились, говоря ленинскими словами, «глубокие корни революционности крестьянства, как массы», питавшие ее «бурный протест», а с другой стороны, ее «отчаяние», породившее «исторический грех толстовщины».

Таким образом, «толстовщина» — в ленинском истолковании — есть явление конкретно-историческое, возникшее в бурную эпоху смены одного общественного строя другим.

Исторический грех толстовщины

1857 году Толстой совершил первое заграничное путешествие. Он побывал тогда во Франции, Италии, Швейцарии и Германии. Молодой писатель проявил живейший интерес к жизни западноевропейских стран, стремился ближе познакомиться с их социальным строем и культурой. Многое из того, что он здесь увидел, поразило и огорчило его, вызвало в нем чувство протеста.

В чудесный летний день он приехал в курортный городок Люцерн, расположенный на берегу голубого озера в Швейцарии. Его взволновала красота гор, неба, воды, зеленых берегов. Но вечером он стал свидетелем события, о котором, по его словам, историки должны были бы написать «огненными неизгладимыми буквами». Он увидел, как около сотни богатых туристов с удовольствием слушали странствующего нищего певца, который под балконами отеля пел песни и играл на гитаре. Потом певец три раза просил слушателей дать ему что-нибудь. Но «ни один человек не дал ему ничего, и многие смеялись над ним».

Толстой был потрясен бессердечием богатых людей, обидевших и оскорбивших нищего певца. В конце рассказа он выразил негодование не только по поводу этого события, но и по поводу порядков и законов, на которых основана была вся жизнь буржуазной республики.

Казалось бы, чувства гнева, негодования, протеста, с такой силой вылившиеся на страницы рассказа «Люцерн», вызовут страстные призывы к борьбе против бесчеловечного строя. Но, вопреки логике, Толстой завершает рассказ призывом к читателям обратить свои помыслы к «Всемирному Духу» и в нем одном видеть «непогрешимого руководителя».

В статье «Л. Н. Толстой и его эпоха» Ленин указал на эту непоследовательность писателя, отметив, что рассказ «Люцерн» написан в 1857 году и что во многих последующих произведениях Толстой повторяет «еще усерднее эти апелляции к «Всемирному Духу».

Подобную непоследовательность и противоречивость мысли Владимир Ильич увидел и в художественных и в теоретических произведениях писателя, написанных в самые разные периоды его жизни. Кроме рассказа «Люцерн», Ленин указал на повесть «Крейцерова соната», «Сказку об Иване-дураке...» *, на статью 60-х годов «Прогресс и определение образования», на трактат «Рабство нашего времени», написанный в 1900 году, и другие произведения.

Содержание «Сказки об Иване-дураке...» вызвало восторг у меньшевика В. Базарова, увидевшего в ней блестящее доказательство жизненности толстовского учения о непротивлении злу насилием. В статье «Герои «оговорочки» Ленин сурово критикует эти базаровские рассуждения, не оставляя на них камня на камне **.

В своей «Сказке...», написанной в 1885 году, Толстой создает выразительный образ мужицкого царя Ивана, который победил своих злых братьев Семена-воина и Тараса-брюхана, а также тараканского царя и его войско. Он победил их тем, что не оказывал ни малейшего сопротивления, когда они отнимали у его народа землю, хлеб, когда посылали войско, чтобы покорить его царство.

Вот как это описывается в сказке Толстого.

«Перешел тараканский царь с войском границу, послал передовых разыскивать Иваново войско. Искали, искали—нет войска. Ждать-пождать— не окажется ли где? И слуха нет про войско, не с кем воевать. Послал тараканский царь захватить деревни. Пришли солдаты в одну деревню — выскочили дураки, дуры, смотрят на солдат, дивятся. Стали солдаты отбирать у дураков хлеб, скотину; дураки отдают, и никто не обороняется. Пошли солдаты в другую деревню — все то же. Походили солдаты день, походили другой — везде все то же; — все отдают — никто не обороняется и зовут к себе жить».

Солдатам стало скучно, и они сказали своему царю: «Не можем больше тут воевать». Царь рассердился и под страхом лютой казни велел солдатам разорить Иваново царство, деревни и хлеб сжечь, скотину перебить. И солдаты стали выполнять его приказ. «Все не обороняются дураки, только плачут. Плачут старики, плачут старухи, плачут малые ребята.

— За что,— говорят,— вы нас обижаете? Зачем,— говорят,— вы добро дурно губите? Коли вам нужно, вы лучше себе берите.

Гнусно стало солдатам. Не пошли дальше, и все войско разбежалось».

Когда читаешь «Сказку об Иване-дураке...», то невольно думаешь: можно ли верить, что ее написал автор «Севастопольских рассказов», «Войны и мира»? Ведь если бы наш народ вел себя так, как советует Толстой в своей «Сказке...», то что было бы с нашей Родиной в страшные годы нашествия Наполеона или в еще более страшные годы нашествия гитлеровских армий? Да, глубоко был прав Ленин, сурово осуждавший толстовское учение о непротивлении злу насилием.

Критике слабых и ошибочных сторон взглядов и творчества Толстого Владимир Ильич уделил много внимания. В них нашли выражение серьезные явления русской действительности, и эти явления Ленин определил как «наш исторический грех толстовщины».

Чтобы понять содержание, представить масштабы и значение этого «греха», нужно еще и еще раз подумать над словами Владимира Ильича о том, что «противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли», что они представляют собой зеркально-верное «отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную и дореволюционную эпоху».

В мировоззрении и творчестве великого писателя нашли отражение противоречия целой исторической эпохи русской жизни, «когда весь старый строй «переворотился» и укладывался новый общественный строй. Именно эпоха бурной ломки старого жизненного уклада, как пишет Ленин, «могла и должна была породить учение Толстого — не как индивидуальное нечто, не как каприз или оригинальничанье, а как идеологию условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени».

Ленин видел в полном противоречий учении Толстого такое явление, в котором отразилась «идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй «переворотился...».

Вдумаемся в эти ленинские слова: неизбежно появляющаяся идеология. Значит, «грех толстовщины» потому и приобрел масштабы «исторического греха», что он был закономерным порождением истории. И от него нельзя «отделаться» простым его неприятием или отрицанием. Его нужно изучать, чтобы понять и правильно оценить.

Определяя место великого писателя в истории нашей общественной мысли и в истории нашего освободительного движения, В. И. Ленин говорит, что Толстой выступил как выразитель мыслей, чувств и настроений «миллионов русского крестьянства» и как «идеолог старой России».

Говоря о старой России, Ленин имел в виду Россию патриархальную,

дореволюционную, в которой крестьянство составляло подавляющее большинство населения.

В течение веков складывались и держались в патриархальной русской деревне свои, казавшиеся нерушимыми, устои хозяйства, жизни и быта. И вдруг на них обрушился враг — яростный, беспощадный, непонятный, появившийся то ли из города, то ли из чужедальних стран. В короткий срок он разорил русскую деревню, обрек миллионы крестьян на нищету и голодовки, на одичание и вымирание. Имя ему — господин капитал.

На глазах Толстого все старые устои жизни патриархальной русской деревни, устои, как говорит Ленин, «действительно державшиеся в течение веков», стали разрушаться и распадаться с поразительной быстротой. Наблюдая это, Толстой проникся ужасом и страхом, охватившим в те годы патриархального крестьянина, и с огромной силой выразил эти чувства народа в своих произведениях.

Наступление капитализма породило в среде патриархального крестьянства и бурный протест и жесточайшее отчаяние. И крестьян, протестовавших, поднимавшихся на борьбу за свое освобождение, было в годы первой русской революции во много раз меньше, чем крестьян отчаявшихся. «В нашей революции,— говорит В. И. Ленин,— меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Бо́льшая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей»,— совсем в духе Льва Николаевича Толстого!»

Эта бо́льшая часть крестьянства в самые решающие моменты революции проявила, как пишет Ленин, «толстовское воздержание от политики, толстовское отречение от политики, отсутствие интереса к ней и понимания ее...».

Особенно ярко эти черты проявились в солдатских восстаниях, вспыхивавших в частях армии в самые напряженные дни 1905—1907 гг. «Не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы,— пишет Владимир Ильич,— но решительного использования этой власти почти не было; солдаты колебались; через пару дней, иногда через несколько часов, убив какого-нибудь ненавистного начальника, они освобождали из-под ареста остальных, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги, впрягались снова в ярмо — совсем в духе Льва Николаевича Толстого!»

Так поступали солдаты, осмеливавшиеся выступать против начальства с оружием в руках. А что же можно сказать о тех смирных и покорных, которых молодой Толстой увидел в Кавказской действующей армии и которых он показал в своих ранних военных рассказах — «Набег» и «Рубка леса»? А что можно сказать о бывшем крестьянине, солдате Апшерон-

ского полка Платоне Каратаеве, с которым Толстой познакомил нас в четвертом томе «Войны и мира»? Ведь он ведет себя как настоящий непротивленец злу насилием, как своего рода «ранний толстовец», проповедующий незлобие, всепрощение, всеобщую любовь. И не случайно понятия «каратаевщина» и «толстовщина» ставились Горьким в один ряд, когда он выступал с критикой позиций Толстого в годы первой русской революции.

Когда в Ясную Поляну пришли вести о вооруженных восстаниях в Москве и других городах, о баррикадных боях рабочих против жандармерии, полиции и царских войск, Толстой обратился к народу, правительству и революционерам с призывами прекратить кровавую борьбу, найти путь к примирению и согласию на основе учения о «всеобщей любви» и новой религии.

Вот тогда-то Горький и выступил с резкой отповедью Толстому, не испугавшись того, что его обвинят в «неуважении» к гениальному писателю, которого либеральная печать громогласно прославляла в ту пору как «совесть всей России» и «совесть мира». «Не противься злу насилием,— писал Горький о главной заповеди толстовского вероучения.— Я не знаю в истории русской момента более тяжелого, чем этот, и не знаю лозунга более обидного для человека, уже заявившего о своей способности к сопротивлению злу, к *бою за свою цель*».

В. И. Ленин указывал, что толстовская проповедь непротивления злу насилием приносила и приносит «самый непосредственный и самый глубокий вред» делу революции. В этой проповеди Ленин видел «противореволюционную сторону учения Толстого», как он говорит о ней в статье «Толстой и пролетарская борьба». Подводя итог революции 1905 года, Ленин назвал толстовское непротивление злу «серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании».

Сурово осудив реакционные стороны учения писателя, Ленин следующими словами закончил статью «Толстой и пролетарская борьба», написанную в 1910 году: «Только тогда добьется русский народ освобождения, когда поймет, что не у Толстого надо ему учиться добиваться лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой и который единственно способен разрушить ненавистный Толстому старый мир,— у пролетариата».

Одним из важнейших уроков первой русской революции В. И. Ленин считал «смертельный удар, нанесенный прежней рыхлости и дряблости масс». Революционный 1905 год, пишет Владимир Ильич, «принес с собой исторический конец толстовщине, конец всей той эпохе, которая могла и должна была породить учение Толстого — не как индивидуальное нечто... а как идеологию условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени».

Еще раз обратим внимание на ленинскую характеристику «толстовщины» как идеологии, владевшей в определенную эпоху умами «миллио-

нов крестьян». Поэтому-то Ленин и требует от нас так подходить к оценке «кричащих противоречий» Толстого, чтобы в полной мере учитывалась нами историческая почва, на которой они выросли. «И противоречия во взглядах Толстого,— пишет Владимир Ильич,— надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней».

Толстой глубоко проник в психологию крестьян. При этом на него влияли и сильные и слабые стороны крестьянской психологии. «Толстой,— говорит Владимир Ильич,— отражает их настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятия по адресу капитализма и «власти денег».

Из слов Ленина вытекает, что «непротивление злу насилием» есть неотъемлемая черта патриархально-крестьянской идеологии, ставшая основой «толстовщины», порожденной этой идеологией. Но тем опаснее было воздействие проповеди толстовского учения о непротивлении, всеобщей любви, личном самоусовершенствовании, как единственном пути борьбы со злом.

«Учение Толстого,— утверждает Владимир Ильич,— безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова. Но отсюда вовсе не следует ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов».

Ленин, как мы видим, считал Толстого социалистом-утопистом, учение которого содержало в себе и ценные и слабые стороны. К ценным его сторонам относилась бескомпромиссная критика насильнического, эксплуататорского строя жизни. К его слабым сторонам относились выводы, которые делались Толстым из этой критики. Они были не только утопическими, несбыточными, нежизненными, а и реакционными, то есть обращены были не в будущее, а в прошлое.

Некоторые из последователей Толстого никак не могли «принять» ленинскую оценку его учения как реакционного «в самом точном и в самом глубоком значении этого слова». Им казалось, что, говоря так о Толстом, Ленин чуть ли не «уравнивал» писателя с теми действительными реакционерами, против которых Толстой боролся всю жизнь. Но думать так могут лишь люди, плохо понявшие взгляды Ленина на Толстого.

Владимир Ильич объяснил смысл применения им термина «реакционный» к оценке учений социалистов-утопистов. «Этот термин,— указывал он,— употребляется в *историко-философском* смысле, характеризуя толь-

ко *ошибку* теоретиков, берущих в *пережитых* порядках образцы своих построений. Он вовсе не относится ни к личным качествам этих теоретиков, ни к их программам. Всякий знает, что реакционерами в обыденном значении слова ни Сисмонди, ни Прудон * не были. Мы разъясняем сии азбучные истины потому, что гг. народники, как увидим ниже, до сих пор еще не усвоили их себе».

Не может быть сомнений в том, что эти «азбучные истины» относятся к ленинской оценке учения Толстого в той же мере, что и к оценке теорий Сисмонди, Прудона или других социалистов-утопистов. Термин «реакционное» в отношении толстовского учения был употреблен Лениным также в историко-философском, а не в «обыденном» смысле.

Однако было бы неверным думать, что возможна какая бы то ни было реабилитация толстовской теории непротивления злу насилием или других сторон его учения. Против этого нас сурово предостерегает Владимир Ильич, подчеркнувший в одном из писем Горькому, что «Толстому ни «пассивизма», ни анархизма, ни народничества, ни религии спускать нельзя».

Как видим, из историко-философской, строго научной характеристики учения Толстого Владимир Ильич делал прямые практические выводы. Хотя 1905 год нанес «толстовщине», как идеологии старой патриархально-крестьянской России, смертельный удар, ее рецидивы могли еще иметь место, и Ленин требовал решительной борьбы с ними.

Что же главное в наследии Толстого

Ленинские статьи о Толстом проникнуты пафосом защиты наследия великого писателя от казенного, либерально-буржуазного, народнического, меньшевистского и иного его искажения и опошления.

Уже в первой статье о Толстом Владимир Ильич с беспощадным сарказмом разоблачает «грубое лицемерие продажных писак», по указке своих хозяев годами травивших Толстого, и по указке же громогласно «восхвалявших» писателя в дни его юбилея. Ленин в той же статье зло высмеивает «лицемерие либеральное». Известно, говорит он, что «русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует». Он просто-напросто «примазывается к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капиталец». Поэтому-то все громкие и напыщенные фразы либералов о «великом богоискателе» Толстом — «одна сплошная фальшь».

Либерально-буржуазное лицемерие особенно пышно расцвело в те дни, когда все честные люди тяжело переживали весть о смерти Толстого.

В статье «Л. Н. Толстой», явившейся откликом на кончину писателя, Ленин продолжает и развивает критику либералов, обозначая здесь тот главный водораздел, по которому шло размежевание различных классов, партий и групп в их оценке наследия Толстого.

«Либералы,— говорит Ленин,— выдвигают на первый план, что Толстой — «великая совесть». Разве это не пустая фраза, которую повторяют на тысячи ладов и «Новое Время» и все ему подобные? Разве это не обход тех *конкретных* вопросов демократии и социализма, которые Толстым *поставлены*? Разве это не выдвигает на первый план того, что выражает предрассудок Толстого, а не его разум, что принадлежит в нем прошлому, а не будущему, его отрицанию политики и его проповеди нравственного самоусовершенствования, а не его бурному протесту против всякого классового господства?»

Задержимся на этом высказывании Владимира Ильича. Замечая, прежде всего, острую полемическую направленность приведенных слов, мы не сразу схватываем их основополагающее значение. Многие из современников Толстого писали о противоречиях его взглядов и творчества. Но никто до Ленина не объяснил социальную природу противоречивости Толстого, ее исторические корни. Никто до Ленина не раскрыл характер толстовских противоречий, их противоборство, их развитие.

Нужна была ленинская прозорливость для того, чтобы отчетливо показать, как в мировоззрении и творчестве великого писателя сталкиваются и борются его разум и предрассудок, какие стороны его наследия принадлежат прошлому и порождены им, а какие обращены к будущему.

Дав характеристику сильных и слабых сторон наследия писателя, Ленин поставил вопрос о том, что же в наследии Толстого является главным? Надо ли говорить, что от того или иного ответа на этот вопрос зависит очень многое. Здесь уместно вспомнить крылатые слова Владимира Ильича: «Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством...» Настоящие наследники должны подвергнуть его тщательному разбору и оценке, должны отделить все ценное от того, что утратило свою ценность или и не было ценным.

Какими же критериями * должны пользоваться наследники, оценивая полученное ими богатство? Чему в этом отношении может нас научить ленинский подход к оценке наследия Толстого?

Владимир Ильич уже в самой первой статье о Толстом подходит к анализу, характеристике и оценке взглядов и творчества писателя «с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее». Здесь же он говорит о том, с какой из движущих сил первой русской революции связана деятельность Толстого как мыслителя и художника.

Характеризуя деятельность крестьянства в русской революции, Ленин всегда подчеркивал решающее значение ее сильных сторон. Это было важно для дальнейшего их развития в предвидении нового подъема революционного движения в стране.

В статьях о Толстом и в работах о революции 1905—1907 гг. Ленин подробно выясняет, чего добивалось русское крестьянство, участвуя в революции. «Стремление смести до основания и казенную церковь, и поме-

щиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на месте полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян,— это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции...»

А как к этому стремлению крестьян относился Толстой? Вот что отвечает на наш вопрос Ленин: «И несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному «христианскому анархизму», как оценивают иногда «систему» его взглядов».

Этот в высшей степени важный вывод завершает ленинскую характеристику «кричащих противоречий» Толстого. В отличие от многих других исследователей мировоззрения и творчества писателя, Владимир Ильич не ограничил свою задачу тем, что открыл толстовские противоречия, а и установил, откуда они возникли, в каком направлении шло их развитие и что в них было главным.

При этом Ленин шел не путем отвлеченного представления о «запутанности» мысли Толстого, а выдвинул и обосновал положение о том, что в творчестве великого художника-реалиста отразились действительные и существенные стороны народной революции.

Одной из самых существенных сторон этой революции Ленин считал рост революционности крестьянских масс. Основой этого роста были «глубокие источники революционного крестьянского движения, глубокие корни революционности крестьянства, как массы».

В статье «К оценке русской революции» Ленин пишет, что одна из ярких ее особенностей — «крайняя революционность мужика, доведенного вековым гнетом крепостников до самого отчаянного положения и до требования конфискации помещичьих земель...».

Названная статья появилась в свет менее чем за полгода до написания Владимиром Ильичем его первой работы о Толстом. Мысль о «крайней революционности мужика» проходит через все ленинские статьи о Толстом.

Говоря о революционных устремлениях крестьянства, Владимир Ильич неизменно указывал на двойственность его положения и его роли в общественной борьбе, на неизбежность его колебаний между буржуазией и пролетариатом, на борьбу «хозяйских и пролетарских тенденций» внутри крестьянства как класса. Однако при всех этих колебаниях решающую роль играли революционные устремления той части крестьян, которая, как отмечал Ленин, «живет вечно на границе пролетарского состояния».

Эти особенности психологии крестьянства и его участия в революции нашли свое преломление во взглядах, творчестве и общественной деятельности Толстого.

Став «зеркалом русской революции», Толстой, говорит нам Ленин, «поразительно рельефно воплотил в своих произведениях <...> ее силу и

Студенческая демонстрация в Петербурге по поводу кончины Л. Н. Толстого. Фотография 1910 года.

ее слабость». Поскольку по своим целям и задачам она была крестьянско-буржуазной революцией, «в произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения».

Сила и слабость, мощь и ограниченность... Эти слова обозначают полярно противоположные, взаимоисключающие понятия. И тем не менее они поставлены Лениным в один ряд.

Ленин говорит далее: «Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого». «Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого».

Здесь снова поставлены в один ряд прямо противоположные понятия: протест и отчаяние, все слабости и все сильные стороны... Но означает ли это, что Ленин «уравнивал» по значению сильные и слабые стороны Толстого? Ни в коей мере! Каждый, кто хоть сколько-нибудь внимательно прочитает ленинские статьи о Толстом, увидит и поймет, что сильные и слабые стороны взглядов и творчества писателя оцениваются в них по-разному и что критерий их оценки здесь не только не скрыт, а выдвинут на первый план. Задачи дальнейшего подъема революции, ее интересы — таков главный «критерий истины», которым руководствовался Ленин, определяя сильные и слабые стороны наследия Толстого, требуя различать в нем «разум» и «предрассудки».

Представители буржуазных партий и групп тоже старались определить главное в наследии писателя. Но как они это делали?

Их менее всего интересовала связь писателя с реальной русской действительностью, многие из них утверждали, что все идейные искания Толстого были исканиями истинной веры в бога. Вопросы, которые его волновали больше всего, были якобы религиозные вопросы. И созданная им система социально-нравственных воззрений может быть охарактеризована как система христианского социализма, или христианского анархизма, или христианского эвдемонизма * и т. д. В любом из этих определений на первом месте стоит одно и то же слово: христианский.

Против такого сведения взглядов Толстого к религиозной основе и выступил Ленин. Он показал, что идейное содержание произведений писателя в гораздо большей мере соответствует не его религиозным исканиям, а революционным устремлениям народных масс, что значение его наследия определяют не поиски новой, бесцерковной веры, а «*конкретные* вопросы демократии и социализма, которые Толстым *поставлены*» и которые были и остаются действительно «великими вопросами».

В статье «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» Ленин называет Толстого мыслителем, «который с громадной силой, уверенностью, искренностью *поставил* целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства».

1010 О недост. сл. № 62. 7/XI
п. м. Заводова

Телеграфъ

Въ

Телеграмма.

Астапово

Черткову

Изъ Петерздума № 169362

Принята 7 191

отъ № 28

Принялъ

Разр. | Счетъ словъ 42 сл. | Подана 7 ч. 6 м. 33

Служебныя отмѣтки:

Социалъ демократическая фракция Государственной думы выражая чувства Российскаго и всего международнаго пролетариата. Глубоко скорбитъ объ утратѣ гениальнаго художника непримиримаго непобѣжденнаго борца съ официальной церковностью врага произвола и порабощения громко возвысившаго свой голосъ противъ смертной казни друга гонимыхъ

Тип. А. ... Ф. № 2

Телеграмма социал-демократической фракции Государственной думы по поводу кончины Л. Н Толстого.

Многие истолкователи Толстого обходили эти основные вопросы, выдвинутые великим протестантом, страстным обличителем и критиком буржуазно-помещичьего строя, сводили взгляды писателя к религии, старались превратить его в правоверного «толстовца». В 90-е, 900-е и первые послеоктябрьские десятилетия появилось много таких книг и статей о Толстом, в которых на первое место выдвигался не Толстой-художник, или философ, или страстный публицист, или педагог, или теоретик искусства, или общественный деятель, а Толстой-проповедник, вероучитель, создатель «новой» религии.

В свое время это неправильное, тенденциозное отношение к наследию писателя решительно осудила Надежда Константиновна Крупская. «Л. Толстого,— писала она,— больше знают как «толстовца», непротивленца существующему злу, но мало знают Л. Толстого как страстного ненавистника буржуазного строя, его лицемерия, как человека, глубоко возмущавшегося классовым засильем помещиков и капиталистов. Разве мы не должны подрастающему поколению дать этого Л. Толстого?» И, заключая свою мысль, Надежда Константиновна подчеркивала: «Мы еще Л. Толстого толком не знаем».

Так она ставила вопрос об изучении Толстого школьниками в статье «К вопросу о преподавании литературы во II-й ступени». В других ее статьях, написанных в те же годы («О преподавании литературы», «Наши классики как орудие изучения действительности», «Какая книжка нужна нашим детям», «Счет подрастающих поколений»), Надежда Константиновна снова и снова указывала на значение творчества Толстого не только для эстетического, но и гражданского воспитания подрастающих поколений, напоминала о ленинской его оценке, о том, как Владимир Ильич учил нас брать в наследии гениального писателя все, что составляет его силу и величие.

Суждения Н. К. Крупской о самых различных вопросах воспитания и образования опирались на ее громадный жизненный опыт. Так было и с ее суждениями о Толстом.

К 100-летию со дня рождения писателя в журнале «На путях к новой школе» была опубликована статья Крупской «О Льве Толстом». В ней Надежда Константиновна рассказывала о большой роли, которую Толстой сыграл в формировании ее взглядов на жизнь. «Ни одной минуты я не была непротивленкой, «толстовкой» в настоящем смысле слова,— пишет Крупская,— но я глубоко благодарна Л. Толстому за то, что он помог мне научиться бесстрашно глядеть жизни в глаза. Я думаю, многим, очень многим помог Л. Толстой стать революционерами».

Значение этого признания состоит не только в том, что оно сделано ближайшим спутником и соратником Ленина, а в том, прежде всего, что оно учит ленинскому отношению к мировоззрению и творчеству Толстого. В свои юные годы, да и поздние, Крупская училась у Толстого не «тол-

стовщине», а умению «бесстрашно глядеть жизни в глаза», постигать ее сложные противоречия, видеть, в каком направлении развивается жизнь народа, и служить делу его освобождения.

Многие из современников Толстого говорили о революционизирующем воздействии его деятельности и самой личности писателя.

Художник И. Е. Репин, три десятилетия находившийся в дружеском общении с Толстым, так определил свое главное впечатление от встречи с ним: «Чувство огромного влияния на Россию своими произведениями подняло его активность и вселило веру в возможность перевернуть жизнь к лучшему. Борец».

Французский писатель Анатоль Франс, не знавший Толстого лично, по его произведениям, дневникам и письмам верно почувствовал наступательный характер натуры писателя. «Когда,— говорит о нем Франс,— он убеждает нас верить, страдать, терпеть, его героическое самоотречение принимает форму такой пылкой борьбы, принимает такой решительный, я бы сказал, даже сокрушительный характер, что он заставляет нас мыслить, сомневаться, силы наши возрастают».

Бывшие секретари Толстого, Н. Н. Гусев и В. Ф. Булгаков, домашний врач писателя Д. П. Маковицкий, рассказывая о последних годах жизни великого писателя, приводят много примеров, свидетельствующих, что он до конца дней сохранил свой «кипящий» характер, страстный интерес ко всему, что происходило в мире. Он никогда не был человеком успокоившимся, затихшим, умиротворенным, отрешенным от действительности.

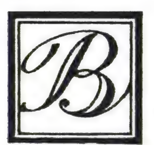
Больше того, дневники и письма Толстого, относящиеся к последним десятилетиям его жизни, убеждают в том, что он не только не «смирился», а с каждым годом стремился сделать как можно больше для того, чтобы, как он говорил, «поторопить наступление нового века».

Человек, прекрасно знавший настроения Толстого, его жена, пишет в своем дневнике 1909 года: «как ни прикрывайся христианством» Лев Николаевич, она-то видит, что он «несомненно сочувствует» революции. Так один из самых близких Толстому людей подтвердил, что его сокровенные устремления были направлены не к христианскому социализму, а к революционному преобразованию мира.

Не раз встречавшийся с Толстым писатель Н. И. Тимковский решительно возражал тем, кто изображал автора романа «Воскресение» смиренным «старцем». «Все в нем,— пишет Тимковский,— глаза, манеры, способ выражения — говорило о том, что принцип, заложенный в нем глубоко самой природой,— отнюдь не смирение и покорность, а борьба, страстная борьба до конца».

Одну из фотографий «позднего» Толстого его друзья назвали «Лев». Смотришь на нее и убеждаешься в том, что «страстная борьба до конца» была действительно девизом всей его жизни.

Мировое значение Толстого

В ленинских работах о Толстом дана характеристика и оценка не только национального, но и мирового значения творчества великого русского писателя. Эта связь национального и всемирного его значения настойчиво подчеркивается Лениным в ряде суждений о Толстом.

Напомним, что Толстой охарактеризован Лениным как гениальный художник, который создал «не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы». Ленин говорит о том, что, превосходно зная быт «старой России», Толстой «дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы».

Можно привести и еще целый ряд суждений Ленина, в которых в обоснование мирового значения Толстого также положена оценка его могучей «художественной силы». Для Ленина Толстой всегда был одним из «великих писателей всего мира».

Ленин указывает и на другие основы мирового значения Толстого. Он пишет: «Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции».

Здесь неразрывно объединены Лениным оценка всемирного значения первой народной революции в России и отразившего ее творчества гениального художника. Сама история дала основу для такого объединения.

В «эпоху Толстого» Россия стала одним из главных центров революционно-освободительного движения. Еще в начале 80-х годов в предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» Маркс и Энгельс заявили, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе».

Наша отечественная литература играла огромную роль во все периоды русского освободительного движения — дворянский, разночинско-демократический и пролетарский. Характеристику каждого из них Ленин дал в статьях «Памяти Герцена», «Роль сословий и классов в освободительном движении», «Из прошлого рабочей печати в России». Подчеркивая их преемственность, Владимир Ильич указывал, что литературе принадлежит большая заслуга в распространении освободительных идей в народных массах России.

В знаменитой работе «Что делать?», напечатанной в 1902 году, Ленин писал: *«Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.* А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что́ это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...»

При многих различиях во взглядах и творчестве крупнейших русских писателей, выступавших на разных этапах освободительного движения, всех их объединяла замечательная способность, тонко отмеченная Горьким. Наша отечественная литература, говорил он, особенно поучительна и ценна своей широтой: «Нет вопроса, который она не ставила бы и не пыталась разрешить. Это по преимуществу литература вопросов:

Что делать?

Где лучше?

Кто виноват? — спрашивает она».

Толстой продолжил и развил эту традицию русской литературы. Ленин высоко ценил «безбоязненную, открытую, беспощадно-резкую *постановку* Толстым самых больных, самых проклятых вопросов» своего времени и подвергал суровому обличению буржуазных либералов за «обход тех *конкретных* вопросов демократии и социализма, которые Толстым *поставлены*».

Ленин указывал, что смелая постановка Толстым вопросов русской жизни имела не только национальное, но и международное значение: «Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе».

Современные Толстому демократические читатели стран Запада и Востока видели в русском писателе художника, который не ограничивался сочувствием к угнетенным и обездоленным, а выступал их страстным защитником, борцом против социальной несправедливости.

«Анна Каренина», «Воскресение» и другие произведения Толстого о русской предреволюционной жизни воспринимались зарубежными читателями и как произведения об их жизни. Это и позволило писателю Людмилу Стоянову, переведшему «Воскресение» на болгарский язык, заявить:

«Как художник и истолкователь своей эпохи Толстой занял одно из первых мест в историческом развитии не только России, но и всего человечества... Его значение как обличителя и художественного истолкователя жизни не уменьшается и остается таким же живым и действенным, каким было и при жизни».

Современный немецкий писатель Вольфганг Кёппен назвал Толстого «человеком, чувствующим ответственность за весь мир».

Да, Толстой был именно таким человеком. Это становится особенно ясным, когда знакомишься с тем, что он писал и говорил о судьбах русского народа и всего человечества, об угрожавших им опасностях.

Толстой не делал секрета из того, что обличения, которые он обрушивал на головы правителей самодержавной России, самым прямым образом относились и к правящим классам буржуазного Запада.

Бичуя угнетателей русского трудового народа, писатель указывал, что положение трудящихся в капиталистических и колониально-феодальных странах ничуть не легче. «И так,— писал он,— живут большинство людей во всем мире, не в одной России, а и во Франции, и в Германии, и в Англии, и в Китае, и в Индии, и в Африке — везде».

Уже из этих его суждений можно увидеть, что «безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая постановка Толстым самых больных, самых проклятых вопросов», оцененная Лениным как большая заслуга писателя, имела не только русский, но и международный характер.

Смысл и основы международного значения деятельности Толстого — не сразу открылись его современникам. Так юный Ромен Роллан в одном из своих первых писем к Толстому спрашивал: для одного ли только русского народа он пишет? В книге «Жизнь Толстого», изданной в 1911 году, Роллан дал ответ на этот вопрос, назвав Толстого братом трудящихся всего мира. «Толстой,— пишет здесь Роллан,— никогда не обращался к привилегированным мыслителям, он говорил для простых людей... Он — наша совесть. Он говорит именно то, что мы, обыкновенные люди, думаем и в чем боимся признаться самим себе. Он для нас не преисполненный спеси учитель жизни, один из тех надменных гениев, которые, замкнувшись в кругу своего искусства и мысли, вознесли себя над бренным человечеством. Он, как он сам любил называть себя в своих письмах, наш «брат».

Первый и девяностый тома Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого (1928—1958)

Роллан указал здесь на едва ли не самые важные основы всемирного авторитета Толстого — народность его творчества, подлинный демократизм общественной и литературной позиции, гуманизм.

В начале своей книги Роллан отмечает, что для него, как и для всех его соотечественников, прочитавших Толстого («а таких много во Франции»), «он был больше, чем любимым художником... он был другом, лучшим, а то и единственным, настоящим другом среди всех мастеров европейского искусства...».

Прославленный художник, подлинный друг всех тружеников, Толстой был непримиримым и страстным противником угнетателей и поработителей, деспотов и насильников. Безбоязненная критика несправедливого общественного строя, стремление до конца исследовать причины социальных зол снискали Толстому огромное уважение со стороны всех, кто стоял на стороне трудящихся.

Борьба Толстого против самодержавия и помещичьего землевладения, против капитализма со всеми его порождениями приобрела в последние десятилетия жизни писателя поистине титанический и героический характер. Она в огромной степени способствовала росту его всемирного авторитета.

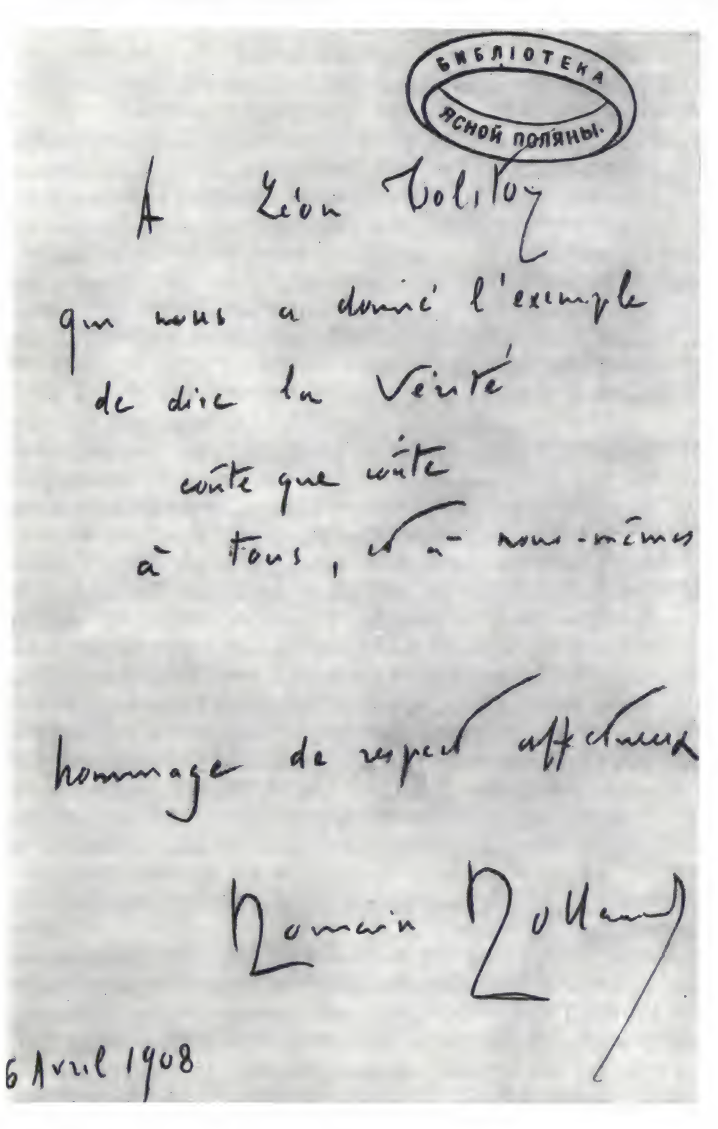
«В Толстом,— писал в 1908 году голландец Лод ван Миероп,— я вижу прежде всего «героя» — человека-великана, созданного жизнью <...>. Во всем, что он говорит, во всем, что он делает, я всегда вижу в нем великого, героического человека». Развивая эту характеристику, Миероп продолжал: «Он предпринял борьбу, восстановил разум и совесть против всепринижающей власти предания, денег, церкви и государства. Он был великан и боролся как великан».

Восхищаясь мужеством великого русского собрата, английский драматург Бернард Шоу писал в 1911 году о том, что Толстой, вступив в борьбу за счастье народа, был готов обрушивать «громовые удары на двери самых страшных тюрем» и класть голову «под самые острые топоры, а тюрьмы не смеют его поглотить и топоры не смеют на него опуститься».

Шоу, как и Роллан, полностью разделял толстовскую критику «общества и искусства привилегированных». В рецензии на трактат Толстого «Что такое искусство?», написанной в 1898 году, Шоу заявил: «Все высказанные им обвинения по адресу современного общества полностью обоснованы».

Всех честных людей, живших в эпоху Толстого, восхищала его стойкость, моральная высота и чистота его побуждений. Они видели в нем неподкупного, бескомпромиссного борца против социальных зол, против общественной лжи и фальши. Нравственная чистота произведений Толстого также принадлежит к важнейшим основам его всемирного авторитета.

Мировая известность и слава Толстого ведут свое начало со времени первых переводов его романа «Война и мир» на французский, английский,

A Léon Tolstoy

qui nous a donné l'exemple
de dire la Vérité
coûte que coûte
à tous, et à nous-mêmes

hommage de respect affectueux

Romain Rolland

6 Avril 1908

Дарственная надпись Ромена Роллана на книге «Жан-Кристоф в Париже», присланной Л. Н. Толстому.

немецкий и другие европейские языки. Вслед за «Войной и миром» европейские читатели жадно знакомились с переводами романа «Анна Каренина» и других художественных произведений Толстого, с его публицистическими трактатами и статьями, посвященными самым острым и больным вопросам современной жизни.

Успех на Западе книг Толстого, а также книг Тургенева, Достоевского и других русских писателей второй половины XIX века был так велик, что Ромен Роллан сопоставлял его с ударом молнии, «разодравшей небо Европы», и признавался, что своей любовью к России он обязан прежде всего книгам этих писателей, и «главным образом Толстому».

Известный немецкий романист-антифашист Генрих Манн позднее писал об этом успехе: «Русская литература — как сама Революция, запечатленная в слове,— с конца прошлого столетия с неумирающей силой ворвалась в интеллектуальный мир Запада».

Это «вторжение» Толстого и других русских писателей в страны Запада, а затем и Востока страшно обеспокоило охранителей старого порядка. Страх перед Толстым-обличителем был так велик, что в Западной Европе, как и в России, возникла специальная антитолстовская литература, цель которой состояла в том, чтобы противодействовать влиянию его социальной проповеди на народные массы.

Добровольный адвокат немецких помещиков Фридрих Дукмайер выпустил в 1891 году брошюру «Толстой, пророк или пугало», в которой во всеуслышание и нисколько не смущаясь заявил, что произведения великого классика русской и мировой литературы «отравляют нравственную атмосферу мира». А издатель этого пасквиля в приложении добавил от себя, что он хотел с помощью Дукмайера помешать «тлетворному» влиянию Толстого на некоторые стороны немецкого народного характера.

Обеспокоенных охранителей старого порядка «утешали» состоявшие у них на службе литературные деятели. Так немецкий критик Гуго Ганц утверждал, что в последние годы своей жизни Толстой предстал перед миром в «ненадлежащем освещении» и что многие получили о нем «ложное представление». Что же произошло с Толстым? Ганц поясняет: «Апостол покаянной проповеди, «обновитель жизни», коммунист, почти отодвинул на задний план художника Толстого...»

Однако скоро, обещал своим читателям Ганц, все изменится: «Политико-этические причуды филантропа, как бы глубоко они ни срослись с его существованием, будут забыты, но создания его фантазии займут место рядом с возвышенными образами Гомера, Шекспира и Гете...»

В сущности то же самое предсказывал и венгерский публицист А. Шепфлин в своем отклике на кончину писателя. «Толстой — религиозный философ,— писал он,— был лишь одной из тех многочисленных странностей, которые возникли на русской почве. И он исчез со смертью Толстого». Никогда не умрет лишь Толстой-художник. «Именно этот Тол-

стой,— утверждал Шепфлин,— будет влиять на развитие человеческой мысли».

Другие «оракулы», напротив того, предсказывали забвение Толстому-художнику. Например, румынская либеральная газета «Vitorul» в некрологе о Толстом высказала следующее предположение: «Толстой велик, в первую очередь, как апостол или основоположник новой веры», а его книги «полежат еще некоторое время на прилавках магазинов, наследники заработают еще немного денег <...>, а затем все кончится». Газета обещала своим читателям «закрыть» Толстого-художника и увековечить Толстого-проповедника.

Французские, английские и немецкие «толстоисты», которых во всем наследии писателя интересовало лишь религиозное учение, старались приспособить его к требованиям буржуазного «здравого смысла». Их деятельность, основанная на противопоставлении Толстого-проповедника Толстому-художнику, в конечном итоге служила одной из форм неприятия его обличительства и его демократизма.

Ни у буржуазных зарубежных критиков и литературоведов, ни у «толстоистов» мы не найдем верного ответа на вопрос о том, чем увлек Толстой миллионы простых людей России и всего мира? Вот, например, что писал французский журналист и ученый А. Леруа-Болье, считавшийся в свое время знатоком России: «Громадную, всеобщую славу Толстому создал Толстой-мечтатель, теоретик, отважный реформатор, давно уже явившийся и постепенно убивший в нем могучего романиста прошлых времен». На смену великому художнику явился «пророк нового времени, апостол будущего града господня». Он возвестил народам о близящемся обновлении земли, о конце всех бедствий, которое наступит в евангельском царстве любви. «Вот какой Толстой вызывал глубокое поклонение и был предметом культа у современных народных масс»,— заключал Леруа-Болье.

Нужно сказать, что и весьма видные писатели Запада были близки к такой же точке зрения, когда искали причины феноменальной популярности Толстого в народной среде.

И лишь немногим из писателей Запада удалось преодолеть этот глубоко ошибочный подход к Толстому. Одним из них был Ромен Роллан, испытавший на своем сложном творческом пути плодотворное воздействие ленинской трактовки взглядов и творчества Толстого.

В ранних работах Роллана о Толстом много и хорошо сказано о противоречивой сложности взглядов и творчества великого русского писателя.

Но Роллану долго не удавалось постичь национальные, исторические и социальные корни, питавшие «оркестровую» сложность Толстого. Так, например, он писал в статье «Толстой — свободный мыслитель» (1917): «В гении Толстого заключен гений нескольких человек: в нем живет ве-

ликий художник, великий христианин и вместе с ними уживается существо необузданных страстей и инстинктов. Но по мере того как движется жизнь и расширяются границы ее царства, начинаешь яснее видеть то, что управляет ею,— это свободный разум. Свободному разуму хочу я воздать здесь хвалу».

Поставив знак равенства между понятиями «свободный разум» и «свободная совесть», Роллан провозгласил Толстого ее «самым ярким примером».

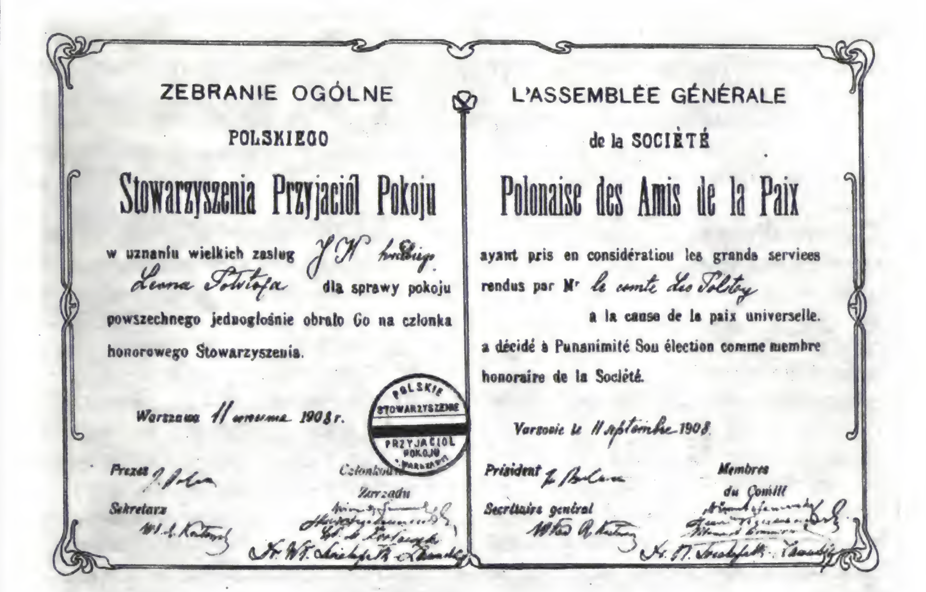
Итак, великий художник, великий христианин, человек необузданных страстей и, наконец, свободная совесть — вот слагаемые, из которых в ту пору Роллан лепил образ Толстого. Нельзя отказать этому образу ни в красочности, ни во впечатляющей силе. Но нельзя не увидеть и его условности, его полной оторванности от национальных, исторических и социальных корней, создавших Толстого — художника и мыслителя.

Увидеть эти корни помогли Роллану ленинские статьи о Толстом. «Для историка литературы,— писал Роллан в своей работе «Ленин.— Искусство и действие» (1934),— интересно было бы точно понять, что́ именно в таких людях, как Руссо, Дидро, Вольтер, во всех великих художниках-предтечах опережает их самих, что́ в них принадлежит (хотя они сами об этом и не подозревают) грядущему, от которого, если бы они могли его предвидеть, они бы отреклись. Именно эту работу с присущей ему стремительной и ясной прямотой начал Ленин в отношении писателя, которого он особенно любил: он показал, как Лев Толстой с гениальной силой обличал ложь и преступления современного ему общественного порядка, причем критика его уже сама по себе была призывом к революции; и вместе с тем перед лицом революционного действия, необходимо вытекавшего из этой же критики, писатель со страхом и гневом шарахается в сторону и кричит «нет!», находя прибежище в мистицизме «восточной неподвижности», пытающемся остановить солнце, отрицая его движение».

Приведя в своей работе о Ленине пространные выдержки из статьи «Лев Толстой, как зеркало русской революции» и признав мудрой и справедливой ленинскую мысль о том, что люди, подобные Толстому, служат «зеркалом своего века», Роллан замечает: «Это суждение Ленина относится к одному великому художнику и к определенной эпохе, но оно может быть проверено на примере других великих творцов и на других эпохах — особенно на предреволюционных эпохах, таких, как XVIII век у нас во Франции».

Роллан далее называет один авторитетный труд по истории французской общественной мысли, в котором, по его словам, показано, что «Монтескье, Вольтер, Руссо, Дидро и прочие энциклопедисты *, равно как и Толстой, живший в России, не очень-то ясно видели, какой строй должен наступить, и тем не менее явились его провозвестниками».

Так, подчеркнув глубоко-новаторский характер ленинского подхода

ZEBRANIE OGÓLNE

POLSKIEGO

Stowarzyszenia Przyjaciół Pokoju

w uznaniu wielkich zasług J. W. hrabiego Leona Tołstoja dla sprawy pokoju powszechnego jednogłośnie obrało Go na członka honorowego Stowarzyszenia.

Warszawa 11 września 1908 r.

Prezes J. Bloch

Sekretarz Wł. A. Kostecki

Członkowie Zarządu

L'ASSEMBLÉE GÉNÉRALE

de la SOCIÉTÉ

Polonaise des Amis de la Paix

ayant pris en considération les grands services rendus par Mr le comte Léo Tolstoy à la cause de la paix universelle. a décidé à l'unanimité Son élection comme membre honoraire de la Société.

Varsovie le 11 septembre 1908.

Président J. Bloch

Secrétaire général Wł. A. Kostecki

Membres du Comité

Диплом почетного члена Польского общества друзей мира, присланный Л. Н. Толстому в 1908 году.

к изучению мировоззрения и творчества Толстого, Роллан стремился применить его к оценке наследия великих мыслителей Франции.

Ромен Роллан, так много почерпнувший из статей Ленина о Толстом, был рад тому, что они были переведены не только на французский язык, а и на английский, немецкий, итальянский, голландский, шведский и другие языки народов Западной Европы и иных стран мира.

В 20-е годы ленинские статьи о Толстом были переведены на чешский язык и вышли отдельным изданием с предисловием, написанным автором, имя которого вскоре стало легендарным. Мы говорим о чешском коммунисте Юлиусе Фучике. Ему было в ту пору всего 25 лет.

«Сколько путаницы, сколько головокружительных измышлений, сколько мистических гаданий читали мы уже о Толстом! — писал Фучик.— Сколько бесплодных и утомительных изысканий проделали историки литературы, тщетно пытаясь постичь такое сложное явление, как Толстой, в его единстве, тщетно пытаясь найти ту основу, на которой выросло, с одной стороны, мощное, глубоко прогрессивное осуждение зол капиталистического общества и казенной церкви, а с другой — реакционное производство «утонченного яда» новой, «светской» религии! Ленин в *своем* анализе Толстого постиг это единство, нашел эту основу. Он увидел в Толстом не бесформенную массу причудливых заблуждений, а явление, имеющее глубокие корни в общественном развитии».

Вдумываясь в строки ленинских статей о Толстом, Юлиус Фучик поражен был тем, «как глубоко и основательно Ленин знал художественную литературу и как ясно и точно он умел оценить ее с точки зрения рабочего класса».

Известно, что Юлиус Фучик увлекался произведениями Толстого, изучал их, стремясь проникнуть в «секреты» его писательского мастерства. Он считал, что, «опираясь на ленинский анализ мировоззрения Толстого», литературоведы и критики могут основательно «проследить развитие языка произведений Толстого, ход его работы над образами, выбор типов,— и во всем этом найти закономерности...».

Юлиус Фучик, написав предисловие к брошюре «Ленин о Толстом», положил начало пристальному изучению ленинских статей о Толстом за рубежом. Вслед за переводом на чешский язык они были переведены на болгарский, польский, албанский, словацкий, сербскохорватский и другие языки народов стран Восточной Европы, а также на греческий, венгерский и румынский языки.

К перечню языков, на которые переведены работы Ленина о Толстом, нужно добавить языки народов Азии — вьетнамский, корейский, китайский и другие.

У нас пока нет полной библиографии переводов ленинских работ о Толстом на иностранные языки. Но и те данные, которые мы привели выше, показывают, что ныне десятки и сотни народов, живущих в разных угол-

ках земного шара, получили возможность прочитать статьи В. И. Ленина о великом русском писателе, который твердо удерживает и в наши дни пальму первенства среди писателей всех стран и народов по числу переводов его книг на иностранные языки.

И очень важно, что этим миллионам новых читателей Толстого, говорящим на разных языках, Ленин поможет правильно понять смысл и значение творчества великого русского писателя.

Подобно Ромену Роллану, многие из прогрессивных зарубежных писателей, преклоняющихся перед гением Толстого-художника, черпают в ленинских работах новое представление о жизненных источниках его творчества, о его связях с освободительным движением, о том, что явилось основой его мирового значения.

Влияние Толстого на литературы всех стран мира ничуть не ослабло со времени его кончины и до наших дней. Приведем здесь несколько свидетельств, относящихся к разным годам.

Знаменитый французский романист Анатоль Франс говорил: «Как эпический писатель Толстой — наш общий учитель...» (1911). Известная немецкая писательница-антифашистка Анна Зегерс, приезжавшая в 1954 году в Советский Союз изучать рукописи «Войны и мира», утверждает: «Мы можем научиться у Толстого больше, чем у большинства других эпических писателей».

Китайский писатель Лао Шэ говорил о Толстом: «Он оказал влияние на всех представителей новой литературы... Все хотят овладеть его ширью и глубиной».

Индийский литературовед Шивдан Сингх Чаухан в своей речи о Толстом, произнесенной в 1960 году, подчеркнул: «Реалистическая традиция Толстого... несомненно составляет основное течение мировой литературы сегодняшнего дня». Тогда же французский писатель-академик Андре Моруа заявил, что в наше время «более чем когда-либо нам нужен Толстой». И его мнение разделяют прогрессивные писатели других стран.

Классика нашей отечественной литературы высоко ценят все выдающиеся советские писатели. «Толстой — гениальнейший из гениальнейших...— говорил автор «Железного потока» А. С. Серафимович.— Я думаю, бессознательно у него учатся все, даже те, кто совершенно иначе пишет».

Выдающийся советский романист А. Н. Толстой сказал лаконично: «Лев Толстой —это академия для *каждого* писателя».

Автор романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина» — М. А. Шолохов считает творчество Толстого тем высочайшим образцом, к достижению которого должен стремиться каждый художник слова. «Лев Толстой,— говорит он,— навсегда останется в русской и мировой литературе величавой, недосягаемой вершиной».

Как бы подводя итог высказываниям многих писателей о значении творческого наследия автора «Войны и мира», К. А. Федин говорит:

«Лев Толстой — мировая школа литературного искусства. Это русская литературная школа, вызвавшая небывало широкое течение художественной мысли на земном шаре. Это школа, в которой наша советская литература черпает познание искусства и вдохновение к своим новым трудам о новом человеке».

Влияние Толстого на мировую литературу многогранно. Оно не сводится к усвоению писателями приемов его удивительного художественного мастерства. «Толстой,— заявил Анатоль Франс,— это великий урок». Объясняя свою мысль, Франс говорил и о творчестве писателя, и о его общественной позиции и деятельности, о нравственной силе его личности, о его правдивости и мужестве, о беззаветном служении писателя народу своей страны и трудящимся людям всего мира.

Развивая эту мысль Франса, его соотечественник известный критик Ж. Эрнест Шарль, откликаясь на кончину великого русского писателя, утверждал: «Творчество Толстого одновременно национально и общечеловечно; вот почему оно царит над всеми умами во всем мире» *.

Заслуга объяснения основ национального и общечеловеческого значения наследия Толстого, причин громадного роста его авторитета и влияния в мире принадлежит Владимиру Ильичу Ленину.

Кому принадлежит наследие Толстого

С ростом мирового значения Толстого-художника и мировой известности Толстого — мыслителя и проповедника рос его могучий авторитет, расширялись и крепли его всемирные связи.

Ясная Поляна, где жил и работал великий писатель, стала своего рода центром притяжения чувств и мыслей, надежд и симпатий множества людей, живших от нее за тысячи и тысячи километров.

В один из весенних дней 1910 года, просматривая обширную почту, каждодневно доставлявшуюся в Ясную Поляну, писатель сделал такое признание: «Мне совестно говорить это, но я радуюсь авторитету Толстого. Благодаря ему у меня сношения, как радиусы, с самыми далекими странами: Дальним Востоком, Индией, Америкой, Австралией».

Всемирно известный писатель, обладавший поистине беспримерным авторитетом, он до конца своих дней испытывал горячую заинтересованность во всех «делах века», стремился узнать обо всем, что происходило в мире. «Был рад возможности вступить с вами в общение» — так отвечал Толстой многим из своих корреспондентов, писавших ему о том, что их более всего волновало и заботило.

Чем же Толстой привлекал к себе умы и сердца людей? Что влечет к нему наших современников? Почему мировая слава, которая пришла

Дом Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

Дом Л. Н. Толстого в Москве.

к нему еще при жизни, не затухает с годами, а, наоборот, разгорается все ярче? Вот вопросы, на которые невозможно ответить правильно, не разобравшись в существе споров о том, кому принадлежит наследие Толстого, споров, начавшихся еще при жизни писателя и продолжающихся в наши дни.

По решению Всемирного Совета Мира на всех материках земного шара широко и торжественно было отмечено 50-летие со дня кончины Толстого. Памятная дата снова поставила Толстого в центр общественного внимания. На страницы газет и журналов хлынул бурный поток откликов, выступлений, речей, статей, интервью, ответов на анкеты, сообщений о научных конференциях, сессиях, съездах, посвященных Толстому, о новых изданиях его произведений, постановках его пьес, инсценировках и экранизациях его романов и повестей и т. д. и т. д.

Год 1960-й, подобно 1910 году, когда весть о кончине великого писателя всколыхнула и потрясла человечество, вошел в историю мировой культуры, как Толстовский год. Юбилейная дата вновь явилась поводом не только для того, чтобы оценить современное значение наследия Толстого, но и чтобы вернуться к старым спорам о том, кому оно должно принадлежать.

Как и в дни прощания с Толстым в 1910 году, в юбилейные дни 1960 года состоялся поистине всемирный разговор о писателе, имеющий глубоко поучительное значение. Его можно назвать своего рода международным референдумом о Толстом.

Чрезвычайно интересно сопоставить то, что писалось и говорилось о Толстом более полувека назад представителями разных общественных кругов, классов, групп и партий, с тем, что было написано и сказано о нем в дни последнего — всемирно отмечавшегося — юбилея. Полвека — и каких полвека!—протекших со дня смерти писателя до Толстовских дней 1960 года — достаточный срок для того, чтобы проверить справедливость любых оценок и характеристик его наследия.

Но кому по силам собрать и подвергнуть анализу колоссальный материал, вызванный к жизни Толстовскими днями 1960 года? Эту задачу выполнил большой коллектив советских и зарубежных исследователей жизни и творчества Л. Н. Толстого. Собранный и проанализированный ими материал составил обширный том «Литературного наследства», озаглавленный «Толстой и зарубежный мир», выпущенный в свет издательством «Наука».

В двух книгах этого тома более 1200 страниц. Сюда вошли материалы, охватывающие более столетия — с 1856 года до наших дней. Здесь звучат голоса читателей и почитателей Толстого из более чем шестидесяти стран мира. Нет другой подобной книги, на страницах которой было бы собрано такое число представителей мировой литературы, как бы встретившихся для того, чтобы «по душам» поговорить о Толстом.

Дом на станции «Лев Толстой» (б. Астапово).

ДЕКРЕТ
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ „ДОМА ЛЬВА ТОЛСТОГО" В МОСКВЕ

В целях сохранения дома, где жил и работал Л.Н.Толстой Совет Народных Комиссаров

ПОСТАНОВИЛ:

"Дом Льва Толстого", №21 по Хамовническому пер. в Москве, с прилегающим участком земли, постройками, и всем инвентарем, объявить государственною собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и передать в ведение Народного Комиссариата по Просвещению.

Председатель
Совета Народных Комиссаров: В. Ульянов (Ленин)

Управляющий Делами
Совета Народных Комиссаров: Влад. Бонч-Бруевич

Москва. Кремль. 6го апреля 1920 г.

Текст декрета Совета Народных Комиссаров о доме Льва Толстого в Москве.

Из постановления Президиума ВЦИК о Ясной Поляне

1. Усадьба Ясная Поляна, расположенная в Тульской губ., Крапивинского уезда, с домом его и обстановкой, парком, фруктовым садом, лесом, посадками, пахотной, луговой, огородной и неудобной землей, и надворными постройками является национальной собственностью РСФСР.

4. Хранитель Ясной Поляны обязан как Дом Музей, со всей его обстановкой, так и могилу Л.Н.Толстого, лес его окружающий, и другие посадки, парк, сад, экономические постройки на усадьбе и, вообще, весь внешний вид последней, поддерживать и сохранять в их историческом и неприкосновенном виде, восстановляя то, что пришло в ветхость или было почему-либо разрушено после смерти Толстого.

10 июня 1921 г. Председатель ВЦИК М. Калинин

Из постановления Президиума ВЦИКа о Ясной Поляне.

Исключительно интересен и раздел, озаглавленный «Иностранная почта Толстого». Письма к великому писателю распределены здесь по темам и по острейшим вопросам эпохи. Переписка Толстого с зарубежными корреспондентами касалась расовой и национальной дискриминации, милитаризма и колониализма, эксплуатации трудящихся, разорения крестьянства и роста крупной земельной собственности, разрушения семейных связей и падения нравственного уровня общества.

Авторами писем, наряду с известными общественными деятелями, писателями, деятелями театра, школьными учителями и т. д., выступают рядовые люди из самых разных стран мира. Письма эти свидетельствуют не только о всемирной известности писателя, но и о его могучем влиянии на современников, о всемирном авторитете Толстого.

В наше время, по сведениям ЮНЕСКО (учреждение при Организации Объединенных Наций, ведающее делами культуры и просвещения.— *К. Л.*), Толстой занимает одно из первых мест среди писателей всех стран и народов по числу переводов его произведений на иностранные языки и по количеству языков, на которые они переведены *. Бесстрастная статистика, таким образом, подтвердила языком цифр, что и в наше время авторитет Толстого необычайно велик.

Но статистика не объясняет, да и не может объяснить, главного: на чем основан колоссальный авторитет Толстого в современном мире и в чем его сила.

Вероятно, ни в одном другом труде о Толстом мы не найдем такого множества самых разнообразных попыток ответить на эти вопросы, как в книге «Толстой и зарубежный мир». Многоголосый хор звучит на ее страницах. В нем легко различить самые несхожие чувства — от любви и преклонения до ненависти и отрицания.

Шесть десятилетий отделяют нас от того дня, когда Толстой сказал и написал свои последние слова. Но не сгладилась, а стала еще более острой идейная борьба вокруг его наследия. Объясняется это двумя причинами: тем, что Толстой занимает громадное место в духовной жизни наших современников, и тем, что мы живем в мире, расколотом на два противоборствующих лагеря. Давний спор о том, кому принадлежит наследие Толстого — миру прошлого или миру будущего, продолжается. И если внимательно прочитать материалы книги «Толстой и зарубежный мир», то нельзя не увидеть, что этот давний спор — то явно, то скрыто — проходит через многие ее страницы. Он — главная, ведущая тема того всемирного разговора о Толстом, который состоялся в юбилейные дни 1960 года, и того нескончаемого международного референдума о нем, который начался с тех пор, как у Толстого появились зарубежные читатели.

Книгу «Толстой и зарубежный мир» можно было бы озаглавить «Толстой вчера и сегодня», ибо она дает представление о живом, непосредственном восприятии личности и творчества великого писателя на

Митинг у дома Л. Н. Толстого после изгнания гитлеровцев из Ясной Поляны. Май 1942 года.

протяжении более чем столетия. Уже в первом ее разделе «Статьи и речи» мы находим суждения о Толстом его современников — А. Франса, Р. Роллана, Б. Шоу, Г. Уэллса — и высказывания о нем многих и ныне здравствующих писателей. Сопоставляя статьи, речи и высказывания о Толстом его и наших современников, мы убеждаемся в том, что влияние Толстого на мировую литературу не только не ослабевает, а усиливается, становясь все более глубоким и многосторонним.

Но влияние Толстого не ограничивается литературой и искусством. Сегодня, как полвека и более назад, его наследие всеми сильными сторонами связано с борьбой передовых людей за гуманизм и прогресс, за мир и демократию, за переустройство общества на самых справедливых началах. К проблемам, волновавшим современников писателя и в значительной мере сохранившим значение до наших дней, прибавилось много других, еще более острых и сложных.

Нельзя забывать о том, что из эпохи Толстого в нашу эпоху перекочевали постоянная опасность войны, эксплуатация трудящихся, колониализм, расизм, национальный гнет и другие явления «рабского» строя жизни, как называл капитализм Толстой. В борьбе с ними великий писатель выступает ныне верным союзником передовых и прогрессивных сил.

Реакционеры вчерашние и сегодняшние с одинаковой яростью ненавидели и ненавидят Толстого — обличителя, протестанта, критика, бунтаря. Как уже было сказано, его родственница А. А. Толстая знала, что в придворных кругах «выбирали» для писателя Сибирь, крепость, изгнание из России, чуть ли даже не виселицу. Некоторые из царских сановников предлагали сделать с ним то же самое, что во времена Николая I было сделано с другом Пушкина, автором «Философического письма», П. Я. Чаадаевым: по приказу царя он был объявлен сумасшедшим. Вспомним, что этот испытанный способ расправы пытались применить и к Лермонтову. Прочитав его знаменитое стихотворение «Смерть Поэта» — гневный отклик на убийство Пушкина,— Николай I повелел старшему медику гвардейского корпуса подвергнуть Лермонтова освидетельствованию и «удостовериться, не помешан ли он». Когда это доказать не удалось, поэт был сослан на Кавказ — под вражеские пули.

Что касается Льва Толстого, то обсуждались разные способы заставить его замолчать. Жена генерала Богдановича в январе 1892 года записала в дневнике: «К Толстому, если он будет выслан очень далеко, пойдет масса народа, на него будут смотреть, как на мученика. За границей тоже поднимутся ужасные газетные толки...» Ниже она пишет: «Предполагают Толстого выслать, но Плеве этому не сочувствует и предлагает другое — посадить в сумасшедший дом...» *

Только страх перед народным гневом и возмездием помешал царским сатрапам учинить расправу над писателем.

Облличений Толстого при его жизни страшились не только русские

Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве.

цари, но и немецкий кайзер Вильгельм, и американский президент Теодор Рузвельт, и другие «владыки мира».

В нашу эпоху в странах, где к власти приходят фашисты или фашиствующие правители, книги Толстого объявляются запрещенными. Их распространение десять лет назад было запрещено правительством Фервурда в Южно-Африканской Республике. Заключенным в греческих тюрьмах запрещено читать «Воскресение».

В годы второй мировой войны книги Толстого запрещались повсюду, где хозяйничали немецко-фашистские оккупанты, а также в Японии и других странах — союзниках гитлеровской Германии.

В Новгородском музее хранится бронзовый бюст Толстого, изрешеченный пулями. Он был поставлен гитлеровцами в летнем саду и превращен ими в мишень для стрельбы *. Сделавшие это знали, что их бесноватый фюрер злобно ненавидел Толстого.

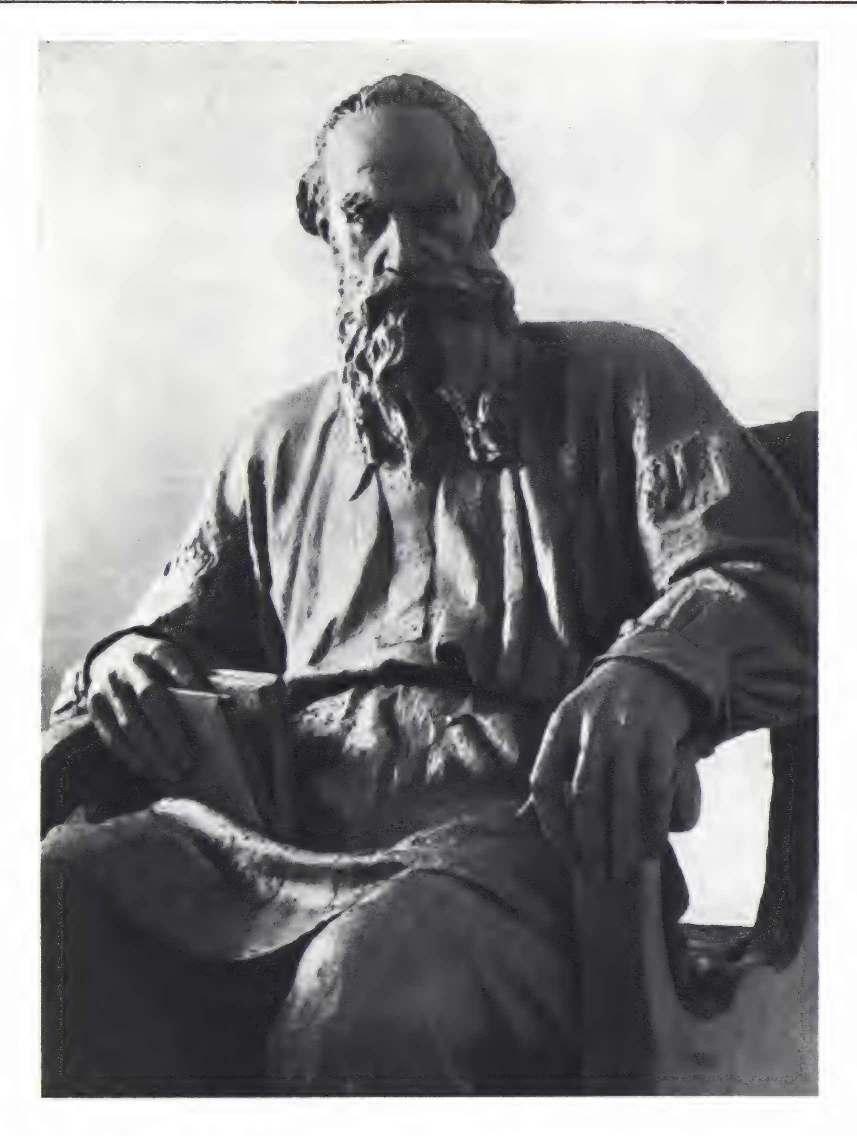
Расстрелянный Толстой! Это звучит чудовищно. Но фашистские изверги сделали то, чего хотели и не осмеливались сделать с живым Толстым его злейшие враги, такие, как обер-прокурор святейшего синода Победоносцев, обсуждавший со своими присными проект заточения писателя в Суздальский монастырь (если не удастся «объявить» его сумасшедшим), как упомянутый выше протоиерей Иоанн Кронштадтский, сочинивший в 1908 году — к 80-летию Толстого — молитву о его скорейшей смерти.

Нынешний южноафриканский президент Фервурд, борясь с Толстым, пошел дальше своего предшественника — президента Соединенных Штатов Америки Теодора Рузвельта. В годы правления Рузвельта в Америке запрещались отдельные произведения великого русского писателя, а в ЮАР запретили «всего Толстого»! Как видим, и реакционеры «прогрессируют»...

В книгах и статьях о Толстом, написанных буржуазными исследователями, нередко встречается более или менее прикрытая фальсификация его взглядов. Она производится разными способами, но цель ее одна: замолчать, ослабить, исказить сильные стороны наследия писателя и выдвинуть в нем на первый план то, что принадлежит не будущему, а прошлому.

Редакция американского журнала «Рашен ревью» («Русское обозрение») за семь месяцев до Толстовских дней 1960 года выпустила специальный юбилейный номер, посвященный Толстому. Авторы напечатанных здесь статей старались доказать, что ленинская оценка и характеристика наследия Толстого якобы «устарели» и — главное! — потеряло свой вес все то, что В. И. Ленин сказал о мировом значении его творчества, о Толстом, как «зеркале русской революции».

К юбилею великого писателя французский профессор Н. Вейсбейн выпустил обширную монографию «Религиозная эволюция Толстого». Весь смысл духовных исканий писателя автор этой книги свел к тому, что Толстой шел к примирению с православной церковью, от которой его якобы не отлучали!

Скульптура Л. Н. Толстого, установленная у здания Союза советских писателей в Москве. 1953 год. Работа Г. Новокрещеновой.

Среди современных зарубежных буржуазных исследователей Толстого очень сильны стремления выдвинуть на первый план не художественное творчество писателя и не публицистику его, посвященную острейшим жизненным проблемам, а статьи и трактаты на религиозно-моральные темы. И в наши дни на Западе «лишают голоса» Толстого — борца, обличителя, протестанта и прославляют Толстого — непротивленца, вероучителя.

В Соединенных Штатах Америки один за другим выпускаются сборники статей Толстого на религиозные и религиозно-моральные темы. В предисловии к одному из них профессор Эрнст Джон Симмонс утверждает, что вожди современного негритянского движения в США используют толстовскую идею пассивного сопротивления, подтверждая ее «жизненность» и в наше бурное время.

Подхватив эту мысль Симмонса, одно американское издательство выпустило сборник со статьями Толстого о пассивном сопротивлении. Газета «Нью-Йорк таймс» в рецензии на этот сборник писала: «От Ганди до Мартина Лютера Кинга все сторонники пассивного сопротивления испытали на себе влияние графа Льва Толстого. С почти пророческой силой Толстой коснулся двух проблем, которые возникли перед нами сегодня: непротивление и гражданское неповиновение вместе с другими видами протеста».

Газета ни слова не говорит о том, что современник Толстого, великий сын Индии Махатма Ганди, переписывался с Толстым и называл его своим учителем, за что подвергался тяжким преследованиям; что наш современник лидер негритянского движения в США Мартин Лютер Кинг в 1968 году был зверски убит расистами.

Газета молчит также о том, что в наши дни американская учащаяся молодежь и рабочий класс, бурно протестуя против «грязной войны», которую США ведут в Индокитае, на своем опыте убеждаясь в бесплодности непротивления, все шире прибегают к активным формам борьбы.

Однако, вопреки этим фактам, другой американский исследователь русской литературы профессор Вильям Эджертон в статье о Толстом «Художник, ставший проповедником» утверждает, что в нашу эпоху толстовство стало мировым движением и заслуживает самого пристального изучения *. Под «толстовством» Эджертон, по его словам, понимает принципы нового верования Толстого, сложившегося после 1880 года, то есть его религиозно-нравственное учение.

Профессор Симмонс утверждает, что еще в конце XIX века Толстой «был единогласно признан совестью всего мира», но мы без особого труда улавливаем полемический подтекст этих слов. Они направлены против знаменитой ленинской статьи «Герои «оговорочки», в которой Владимир Ильич беспощадно разоблачил и высмеял попытки меньшевиков — Базарова, Неведомского и других — представить Толстого воплощением «всеобщей совести», изобразить его творцом «чисто человеческой религии»,

Произведения Л. Н. Толстого для детей, изданные на языках народов Советского Союза.

якобы объединяющей все классы, все партии, всё и вся соединяющей на основе христианской любви.

В статье «Герои «оговорочки» Ленин разбивает все эти попытки оправдать и возвеличить слабые стороны наследия Толстого.

Нынешние американские «специалисты по Толстому», убедившись в том, что в наше время не замолчать ленинские работы о Толстом, выступают против них всё более открыто. По их мнению, мировое значение Толстого определяется вовсе не тем, что он создал гениальные художественные произведения, и не тем, что он поставил великие вопросы демократии и социализма, а тем, что знаменитый художник «превратился» в проповедника и создал религиозно-нравственное учение, «вызвавшее мировое движение».

Однако в Соединенных Штатах Америки раздавались и другие голоса, когда мир отмечал 50-летие со дня кончины Толстого. Старейший американский писатель Эптон Синклер в Толстовские дни 1960 года обратился с волнующими словами к советскому народу и ко всем людям доброй воли. Заключая свое слово о Толстом, Синклер писал: «И сейчас он взывает ко всем людям в Советском Союзе, и в моей стране, и во всех других странах избежать ужасной трагедии ядерной войны, которая низвергнет на нас проклятия всех жертв будущего».

Эти слова убеждают нас в том, что Толстой и теперь рядом с теми, кто борется за мир и справедливость, за равноправие и дружбу народов всех континентов и стран.

Толстой служит вдохновляющим примером для всех писателей-гуманистов нашего времени в их борьбе. «Толстой говорил языком борца за мир не потому, что он был пацифистом и толстовцем, но потому, что он был великим реалистом»,— пишет Анна Зегерс, подчеркивая глубочайшую жизненность и действенность борьбы Толстого против войны.

Наши советские писатели в своих обращениях к американским писателям, к Совету Безопасности, к сторонникам движения за мир рядом с именем Льва Толстого называют имя великого пролетарского гуманиста Максима Горького. Деятели советской литературы заявляют: «Мы считаем себя продолжателями той борьбы за торжество идеалов подлинного гуманизма, какую вели такие всемирно известные русские писатели, как Лев Толстой и Максим Горький».

В наше время одной из самых жгучих проблем, касающихся буквально каждого из живущих на земле людей, является проблема сохранения мира. Ученые подсчитали, что расходы на большие и «малые» (или, как их называют, локальные) войны, затеянные империалистами, и на вызванные ими кризисы составили в течение нашего века колоссальную сумму, превышающую 6 600 000 000 000 долларов. Однако еще труднее представить себе размеры бедствий, какими угрожает человечеству новая мировая война. В борьбе против опасности новой войны должны громко звучать голоса всех великих поборников мира, именами которых гордится человечество.

Индийские студенты в Государственном музее Л. Н. Толстого.
Москва. 1970 год.

Современные американские «толстоведы» умалчивают о том, что свои страстные призывы к сохранению мира Толстой соединял с гневным обличением пороков империализма. И при этом он не боялся вступать в противоречие со своей теорией непротивления злу насилием.

Проповедуя отстранение от политики, Толстой на деле «вмешивался» в нее, откликаясь на все острейшие общественно-политические события времени. Проповедуя непротивление злу насилием как один из главных «рецептов спасения человечества», Толстой сводил на нет значение своей проповеди тем, что призывал трудящихся к самым решительным действиям в защиту мира и свободы.

Приведем пример. В 1895 году Италия напала на Абиссинию, но в результате героического сопротивления абиссинского народа потерпела поражение. Толстой тогда же написал обращение «К итальянцам», в котором не только осудил эту захватническую войну, но и указал на приготовления к новым войнам, которые велись тогда в крупнейших буржуазных странах. Здесь же Толстой высказал свой взгляд на те меры, которые должен предпринять народ, чтобы предотвратить новые войны.

«Что же мы этих людей (зачинщиков войны.— *К. Л.*) оставляем в покое,— писал Толстой,— а не бросаемся на них и не рассаживаем их по смирительным заведениям? Ведь разве не очевидно, что они задумывают и приготовляют самое ужасное злодеяние и что если мы не остановим их теперь, злодеяние совершится не нынче так завтра».

Слова эти написаны много лет назад. Но они и сегодня звучат как суровое и своевременное предупреждение.

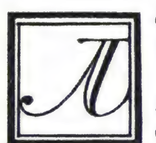
Многообразны и неразрывны связи Толстого с нашей эпохой. Но как неодинаково они оцениваются людьми разных мировоззрений и взглядов! В этом мы могли убедиться на примерах, приведенных выше.

Эти и многие другие примеры убеждают нас в том, что и в наши дни идейная борьба вокруг наследия великого писателя не только не утихает, а становится все более острой и непримиримой. В ней находит свое отражение напряженная идеологическая борьба, которая идет в наше время между двумя мирами — быстро движущимся вперед, все более крепнущим миром социализма и отживающим свой век миром капитализма.

В наши дни, как и при жизни писателя, его имя вызывает приступы злобы и ненависти у всех сторонников и защитников старого, эксплуататорского строя жизни, который, как говорил Толстой, «нужно весь с самого низа перестроить».

Имя Толстого близко и дорого передовым и прогрессивным людям всех стран и континентов. Его знают и чтут все честные люди земли. Для них очень много значат высокая ленинская оценка его наследия, ленинская забота о том, чтобы оно стало «достоянием *всех*».

Послесловие

енинская характеристика и оценка взглядов и творчества Толстого и сегодня полностью сохраняют свое значение.

У Ленина учимся мы ценить в наследии писателя все действительно великое и живое, составляющее его настоящую силу и непреходящую славу. Нам, как и всем прогрессивным и честным людям земли, были и остаются дорогими светлый гений и мудрый разум Толстого, а не его предрассудки и заблуждения. Не отречение от политики, не призывы к всепрощению и непротивлению, не религиозно-морализаторская проповедь Толстого дороги нам, а бурный протест против всякого гнета и классового неравенства, составляющий пафос его творчества.

Путь Толстого в литературе — это путь служения народу. В глубочайшем демократизме его творчества кроется главная причина популярности писателя в народных массах. «Горячо любимы в нашем народе книги Толстого,— читаем мы в редакционной статье «Правды».— И секрет этой любви в том, что во всех произведениях писателя жарким, неугасимым огнем горит любовь самого Толстого к народу, в котором писатель видел главную движущую силу истории».

Только гениальный художник, смотревший на все события жизни глазами того народа, который «делает жизнь», смог сделать предметом искус-

ства то, что Ленин образно определил как «великое народное море, взволновавшееся до самых глубин».

Ленин относил Толстого к тем великим представителям русской и европейской литературы, «кто стоял на стороне трудящихся». Связывая развитие взглядов и творчества Толстого с коренными процессами народной жизни, Ленин видел в этом главную основу народности его реализма.

Ленин чутко улавливал связи толстовского реализма с устным народным творчеством. Познакомившись с книгой известного собирателя фольклора Е. В. Барсова «Причитания Северного края», Владимир Ильич сказал по поводу «Плачей завоенных, рекрутских и солдатских»: «Так и вспоминается «Николай Палкин» Толстого и «Орина, мать солдатская» Некрасова. Наши классики несомненно отсюда, из народного творчества, нередко черпали свое вдохновение».

Написанная в середине 80-х годов статья «Николай Палкин» — одно из сильнейших произведений толстовской публицистики. Она разоблачает ужасы солдатской службы в царской армии при Николае I, прозванном солдатами Николаем Палкиным. Начинается статья описанием встречи Толстого с 95-летним стариком солдатом, служившим при Александре I и Николае I. Бывший солдат рассказал про то, как в его полку «недели не проходило, чтобы не забивали насмерть человека или двух из полка». Он подробно обрисовал весь ритуал ужасного и позорного наказания.

Жуткая сцена истязания солдата изображена Толстым также в рассказе «После бала», написанном в 1903 году. В нем Толстой воссоздал события, происшедшие в пору его студенчества. Воспоминания об этой дикой расправе над солдатом со всеми ее страшными подробностями много лет сохранялись в памяти писателя.

Статья «Николай Палкин» была запрещена по приказанию Александра III. Она печаталась в России нелегально, ходила по рукам в списках. В 1891 году эта статья была издана отдельной брошюрой в Женеве. Владимир Ильич познакомился с этой статьей Толстого по нелегальному или зарубежному изданию.

Статья «Николай Палкин» — не единственное из произведений Толстого, прочитанное Владимиром Ильичем сначала в нелегальном русском или зарубежном издании. Так было, например, со знаменитым «Ответом Синоду», написанным Толстым в ответ на отлучение его от церкви.

Нелегальная социал-демократическая газета «Искра», редактировавшаяся В. И. Лениным, назвала отлучение Толстого от церкви «опереточно-торжественным» актом и выразила резкое осуждение травли писателя церковниками. В одном из номеров газеты сообщалось: «На репетиции закона божьего в женской гимназии священник спрашивает ученицу: «Кто у нас еретик?» Ученица молчит. Священник ругается: «На экзамене должны сказать — Лев Толстой».

Ленинская «Искра» сообщала о многочисленных откликах в России и за

рубежом на отлучение Толстого. «Искра» указывала, что, преследуя великого писателя, царизм и казенная церковь покрыли себя позором и только еще выше подняли авторитет Толстого как могучего обличителя буржуазно-помещичьего строя.

В запрещавшихся цензурой произведениях Толстого с особой силой звучал обличительный пафос, составлявший одну из важнейших особенностей его творчества, чрезвычайно высоко оцененный Лениным. Владимир Ильич дал точное определение толстовской системы обличения, назвав ее «срыванием всех и всяческих масок». Этой формулой Ленин образно и метко определил ее главную особенность.

Развивая ленинскую характеристику обличительного пафоса толстовского реализма, Горький назвал автора романа «Воскресение» одним из великих «разрушителей лжи».

Еще будучи совсем молодым писателем, Толстой заявил, что избрал своим главным героем правду и что этот его герой «всегда был, есть и будет прекрасен» (рассказ «Севастополь в мае»).

Правдивость настоящего искусства писатель считал одним из самых главных его достоинств. Он говорил: «В жизни ложь гадка, но не уничтожает жизнь, она замазывает ее гадостью, но под ней все-таки правда жизни <...>, но в искусстве ложь уничтожает всю связь между явлениями, порошком все рассыпается».

Как только искусство утрачивает свою верность действительности, оно перестает быть значительным делом — «делом жизни», каким, по убеждению Толстого, является настоящее, необходимое людям искусство.

Толстой резко критиковал и отвергал теорию «искусства для искусства». Сторонники этой теории прославляли тех художников, кто превращал искусство в забаву праздных людей. кто создавал произведения, понятные только узкому кругу «избранных» людей. А Толстой был глубоко уверен в том, что «искусство, если оно искусство,— должно быть доступно всем».

Заниматься искусством, утверждал Толстой, «может только тот, кому есть что сказать людям, и сказать нечто самое важное для людей». Ведь тем и дорого настоящее искусство, учил Толстой, что оно «открывает людям нечто новое... учит людей видеть, понимать, чувствовать».

«Писать без цели и надежды на пользу решительно не могу»,— признавался Толстой, делая первые шаги в литературе. То же самое говорил он и завершая свой писательский путь.

Одна из самых главных целей искусства, по мысли Толстого, состоит в том, «чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях».

В пору работы над «Войной и миром» Толстой говорил, что он был бы счастлив, если б ему сказали, что написанное им «будут читать теперешние дети лет через 20 и будут над ним плакать и смеяться и полюблять жизнь...». Толстой тут ошибся только в одном: не 20, а более 100 лет

прошло с тех пор, и над страницами его «великой книги жизни», как назвал «Войну и мир» художник И. Е. Репин, плачут и смеются повзрослевшие дети и учатся любить («полюблять») жизнь.

Суровый, трезвый реализм Толстого, как определял его своеобразие Ленин, был не только критикующим, протестующим и обличающим, но и жизнеутверждающим реализмом. Владимир Ильич любил читать и перечитывать многие страницы «Войны и мира» и «Анны Карениной», захватывающие любовью их творца к «живой жизни». Ему нравилась блистательная повесть молодого Толстого «Казаки», проникнутая поэзией природы, и не менее жизнелюбивая повесть «позднего» Толстого «Хаджи Мурат» *.

Жизнелюбие Толстого-художника покоряет читателей его произведений, заражающих чувством радости бытия, верой в жизнь, в победу ее творческих, созидательных сил. Убежденный в том, что человек создан для счастья, Толстой призывал сделать наш мир «прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем».

Произведения Толстого, как отмечал еще Н. Г. Чернышевский, отличает высокая чистота нравственного чувства. Писатель верил, что все люди должны и могут быть правдивы, искренни, добры, отзывчивы, честны и перед самими собой и перед другими. Ему хотелось, чтобы каждый человек не только стремился быть лучше, но и на деле был лучше.

Положительные герои Толстого особенно привлекательны тем, что они не только сочувствуют добрым делам, но и совершают их. Вспомним Наташу Ростову с ее неумением и нежеланием лгать и притворяться, с ее верным и тонким чутьем к правде, способностью на самопожертвование и готовностью совершить подвиг.

Высокие нравственные качества легко и естественно сочетаются с другими привлекательными чертами, составляющими внутренний облик «волшебницы» Наташи, как зовут ее действующие лица романа. Очень хорошо сказал о ней автор романа «Железный поток» А. С. Серафимович: Наташа пришла к нам со страниц «Войны и мира» «прелестная, обаятельная, с чудесным голосом, живая как ртуть, удивительно цельная, богатая внутренне <...>. Ее, как живую, не вытравишь из памяти, как не вытравишь из памяти живого, близкого человека в семье или близкого друга».

Невозможно забыть и других толстовских положительных героев. Люди иной эпохи — мы любим их и, быть может сами того не замечая, многому учимся у них. Знакомство с ними обогащает и воспитывает культуру чувств, возвышает и облагораживает. Книги Толстого воспитывают чувство прекрасного. Он создал совершенные художественные произведения, доставляющие людям чувство высокого эстетического наслаждения души.

Велик вклад Толстого в разработку и обогащение языка русской художественной литературы. Писатель ввел в него много слов, рожденных новыми десятилетиями русской жизни, и главным образом слов живой народной речи. Он принес в литературный язык много слов и как военный

писатель — автор кавказских рассказов из военного быта, севастопольских рассказов, «Войны и мира», повести «Хаджи Мурат». Толстой ввел в русский литературный словарь большое число слов как исторический романист и повествователь, широко использовав для этого исторические источники — документы, письма, дневники и т. д.

Всю свою жизнь Толстой вел наблюдения над живой народной речью и призывал писателей неустанно ее изучать. «Я,— говорил он на исходе дней,— старался употреблять коренной русский язык». И он имел право сделать такое признание.

«...Язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч»,— писал В. И. Ленин, высоко оценив красоту и силу толстовской речи и вместе с тем подчеркнув, что язык великого писателя развивался в русле общелитературного русского языка.

Толстой вел борьбу за реализм, правдивость и простоту литературного языка, разоблачая изысканность, манерность, вычурность в языке и стиле «модничавших» писателей. «Если бы я был царь,— сердито шутил Толстой,— я бы издал закон, что писатель, который употребит слово, значения которого он не может объяснить, лишается права писать и получает 100 ударов розог».

Страстно любя и прославляя живой, развивающийся, мудрый и образный язык народа, Толстой высмеивал «попугайский» язык буржуазных интеллигентов, на три четверти состоявший из иностранных слов. «Запретите употреблять искусственные слова,— требовал Толстой,— и свои, и греческие, и латинские <...>. А то наберут слов, припишут условно, по общему согласию, значение этим словам и играют на них, точно как в шахматы, условившись, что конь ходит так, а царица так...»

Ленину была близка и дорога эта забота великого художника о защите родного языка от засорения его «искусственными словами», от его калечения и порчи. Вспомним ленинскую записку «Об очистке русского языка», напечатанную в «Правде» в 1924 году. Она имеет характерный подзаголовок: «Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях». Начинается записка горькими наблюдениями: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?» А заканчивается она энергичным призывом: «Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?»

Как и Толстой, Ленин возлагал ответственность за сохранение чистоты языка прежде всего на деятелей литературы — писателей и журналистов. В той же записке он говорил, что если можно простить «употребление иностранных слов без надобности» человеку, недавно приобщенному к культуре, «то литераторам простить этого нельзя».

Ленину принадлежит идея создания словаря русского литературного языка — «от Пушкина до Горького». Такой словарь, по мысли Владимира

Ильича, оказал бы неоценимую помощь новым поколениям в овладении сокровищницей родного языка, в их культурном воспитании.

«Великий и могучий», по ленинской оценке, язык произведений Толстого и других великих художников делает эти произведения источником эстетической радости для людей. А от эмоционального воздействия искусства зависит, как оно осуществит и все другие свои цели и задачи.

Современники рассказали нам о том, как глубоко трогали и волновали Ленина произведения подлинного искусства — музыка Бетховена и Шопена, стихи Пушкина и Тютчева, Лермонтова и Некрасова, романы Толстого, повести Тургенева и рассказы Чехова, сценическое мастерство великой актрисы Ермоловой и корифеев Московского Художественного театра.

Здесь хочется привести слова из статьи Н. К. Крупской «Об отношении Ленина к литературе», написанной в 1939 году. «По натуре, — говорит она,— несмотря на величайшую трезвость мысли, Ильич был очень большой лирик, очень любил стихи пафосные, лирические, только об этом он не писал, конечно». Вслед за этим признанием, вносящим в облик Владимира Ильича еще одну — очень теплую, очень человечную черту,— Надежда Константиновна напоминает, что Ленин нередко «пользовался общеизвестными литературными образами как орудием борьбы». И добавляет к этим словам: «Уменье превращать литературу в орудие борьбы должно воспитывать наше преподавание литературы, и разбор литературных цитат Ленина с этой точки зрения особенно интересен».

Надежда Константиновна заметила, что, говоря о том или ином произведении, Ленин не отделял анализ его содержания от оценки художественной формы: «Эти две вещи он как-то не разделял одну от другой...»

И действительно, читая ленинские статьи о Толстом, мы убеждаемся в полной справедливости этого вывода. Не отделяя Толстого-художника от Толстого-мыслителя, Владимир Ильич осуществляет целостный анализ его взглядов и творчества. Неразрывной связью соединены ленинские формулы о творчестве Толстого как «зеркале русской революции» и как «шаге вперед в художественном развитии всего человечества».

Нерасторжимость социального и эстетического подхода к оценке произведений искусства и литературы — таков важнейший урок, преподанный нам Владимиром Ильичем в его работах о Толстом. Но с этим уроком связаны и другие, не менее важные уроки.

В статьях о Толстом Ленин дал образец применения принципа партийности в науке о литературе. Этот принцип был сформулирован и обоснован им в статье «Партийная организация и партийная литература», написанной в 1905 году. В ней Ленин определил место и роль литературы, открыто и свободно служащей «не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность».

Уже в первой из статей о Толстом Ленин писал о том, что он намерен

оценить взгляды и творчество писателя «с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее», а во второй своей статье подробно обосновал мысль о том, что правильная оценка Толстого «возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата».

Противники марксизма-ленинизма поспешили объявить этот принцип «не научным», «узким», «догматическим» и якобы сковывающим творческую мысль писателя и ученого.

Ленинские работы о Толстом убеждают нас в том, что принцип партийности не только не мешал, но и помог Ленину дать стройную и многогранную, новую в науке о литературе, глубоко оригинальную трактовку Толстого. Она построена на строго научном, объективном анализе наследия писателя с точным учетом социально-исторических и других моментов, сформировавших Толстого — выдающегося мыслителя и гениального художника.

Ленин учит нас оценивать наследие Толстого, а равно и всю культуру, созданную в прошлые эпохи, с позиций наиболее передового класса — революционного пролетариата. Он учит нас оценивать классическое наследство и в его историческом значении и с точки зрения ближайших задач революции, определяемых современными путями ее развития.

«Социализм... основывается на всем материале человеческого знания»,— писал Ленин в 1902 году. Эту мысль он развивал во многих своих статьях и выступлениях и особенно подробно в знаменитой речи на III съезде комсомола, произнесенной в октябре 1920 года. Наша молодежь, говорил тогда Владимир Ильич, «должна учиться коммунизму». Ленин остановился и на том, как должна относиться молодежь к сокровищам культуры: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Огромный арсенал этих богатств заключают в себе художественная литература и искусство в целом. Всем нам памятны ленинские слова: «Искусство принадлежит народу». Но еще Маркс указывал, что «если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком». А чтобы наслаждаться литературой, добавим мы, нужно быть литературно образованным человеком.

Горький главу о Толстом в «Истории русской литературы» закончил так: «Не зная Толстого — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком». К этим прекрасным словам, написанным более 60 лет назад, следует добавить: не зная ленинских работ о Толстом, нельзя считать себя знающим Толстого и верно оценивающим его взгляды и творчество, его жизнь и деятельность.

КОММЕНТАРИИ

*Стр. 10 * ...хранятся многие издания книг Толстого...*

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Музей-квартира В. И. Ленина в Кремле подготовили книгу «Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог». М., 1961 г. Она выпущена в свет издательством Всесоюзной книжной палаты.

Как видно из каталога, в кремлевской библиотеке Владимира Ильича хранятся тома нескольких изданий сочинений Л. Н. Толстого: двадцать томов Полного собрания сочинений, изданного тов-ом И. Д. Сытина в Москве в 1912—1913 гг.; том 11-го издания сочинений Л. Н. Толстого, напечатанного в 1903 г.; шесть томов 12-го издания, вышедшего в 1911 г.; трехтомник «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого», вышедший в 1911—1912 гг. В кремлевской библиотеке В. И. Ленина хранятся также сборник «Педагогических статей», выпущенный издательством «Посредник» в 1911 г., и вышедшее в 1921 г. первое советское издание «Книги для чтения», составленной Толстым для школьников в виде приложения к его знаменитым «Азбуке» и «Новой азбуке». Хранятся здесь и некоторые отдельные издания произведений Толстого: «Ответ Синоду» (выпущенный петербургским издательством «Обновление» в 1906 г.); статья «О Шекспире и о драме» (1907 г.); одно из первых советских изданий романа «Война и мир», вышедшее в 1923 г. в серии «Классики русской литературы».

*** книги о жизни и творчестве писателя.*

В. И. Ленина очень интересовали книги о Толстом, авторами которых были люди, лично знавшие писателя. В кремлевской библиотеке Владимира Ильича мы находим два издания биографии Л. Н. Толстого, составленной его другом и единомышленником П. И. Бирюковым. (Одно из них — заграничное, другое — советское, вышедшее в четырех томах в 1922—1923 гг.) Книга М. Горького «Воспоминания о Л. Н. Толстом», изданная в Петербурге в 1916 г.; двухтомное издание дневника друга писателя, пианиста А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого», вышедшее в 1922—1923 гг.; книга писателя

В. В. Вересаева «Художник жизни. О Толстом». М., 1922 г. Авторами других книг и статей о Толстом, хранящихся в кремлевской библиотеке Владимира Ильича, были политические деятели (Г. В. Плеханов и другие), исследователи литературы (Д. Н. Овсянико-Куликовский и другие), единомышленники писателя (В. Г. Чертков), служители церкви (например, священник Д. И. Ромашков), представители реакционных философских течений (Д. Мережковский, Л. Шестов, Д. Философов) и т. д. Как видим, Владимир Ильич хорошо знал не только то, что писали о Толстом его друзья и почитатели, но и враги.

Владимир Ильич обращался и в другие библиотеки с просьбой прислать ему на короткое время ту или иную новую книжку, посвященную Толстому. Например, он захотел познакомиться с воспоминаниями бывшего «толстовца» Ив. Наживина, эмигрировавшего из России. «...Мне нужны *воспоминания Наживина* о Толстом, вышедшие *по-немецки*...»— писал Ленин 5 декабря 1921 г. (см. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2. М., Госполитиздат, 1957 г., стр. 587).

Видимо, интерес Ленина к новым книгам и статьям, посвященным Толстому, был связан с его намерениями писать «еще и еще о Толстом», о чем сообщил В. Д. Бонч-Бруевич в статье «Что хотел читать Ленин по беллетристике, искусству и культуре в 1919 году» («На литературном посту», 1931 г., № 8, стр. 16).

*Стр. 14 * ...семь статей о Толстом, которые Владимир Ильич написал в 1908—1911 годах.*

Эти статьи следующие:

Лев Толстой, как зеркало русской революции.— Газета «Пролетарий», 24 (11) сентября 1908 г., № 35.

Л. Н. Толстой.— Газета «Социал-демократ», 16 (29) ноября 1910 г., № 18.

Не начало ли поворота? — Там же.

Л. Н. Толстой и современное рабочее движение.— Газета «Наш путь», 28 ноября 1910 г., № 7.

Толстой и пролетарская борьба.— «Рабочая газета», 18 (31) декабря 1910 г., № 2.

Герои «оговорочки».— Журнал «Мысль», 1910 г., № 1.

Л. Н. Толстой и его эпоха.— Газета «Звезда», 22 января 1911 г., № 6.

Названные здесь органы печати были нелегальными («Пролетарий», «Социал-демократ», «Рабочая газета»), полулегальными («Наш путь») и легальными («Звезда», «Мысль») большевистскими изданиями; в руководстве ими В. И. Ленин принимал участие.

*** ...высказывания о Толстом содержатся в других ленинских работах.*

Кроме названных здесь семи специальных статей о Толстом, в тридцати пяти других ленинских материалах (статьи, речи, письма) содержатся суждения о писателе. В четырнадцати работах В. И. Ленина приводятся цитаты из произведений Л. Н. Толстого.

**** ...о Толстом не раз писала нелегальная газета «Искра», когда ее редактором был В. И. Ленин.*

Когда Л. Н. Толстой находился в Крыму на лечении (сентябрь 1901 г.— июнь 1902 г.), один из крымских социал-демократов писал в редакцию «Искры» за границу: «...посылайте «Искру» Толстому». Ему отвечала Н. К. Крупская, работавшая секретарем редакции «Искры»: «Письма Ваши получены. Сообщите адрес Толстого для посылки «Искры», у нас нет...» (См.: В. И. Ленин о Л. Н. Толстом. М., изд-во «Художественная литература», 1969 г., стр. 100.)

Видимо, это намерение осуществить не удалось, и Толстой не смог познакомиться с ленинской газетой «Искра».

*Стр. 15 * «...нужен социалистический переворот».*

Здесь и дальше ленинские цитаты приводятся по Полному собранию сочинений В. И. Ленина (5-е издание), подготовленному Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и выпущенному в свет в 1958—1965 гг.

*Стр. 23 * «Настоящий человек из народа».*

Здесь и дальше цитаты из дневников, писем, художественных и публицистических произведений писателя приводятся по Полному собранию сочинений Л. Н. Толстого в девяноста томах, подготовленному издательством «Художественная литература» по указанию В. И. Ленина и выпущенному в свет в 1928—1958 гг.

*** ...создавая свою концепцию Толстого...*

«К о н ц е п ц и я — определенный способ понимания, трактовки какого-либо предмета; основная точка зрения на предмет; руководящая идея для его систематического освещения» («Философская энциклопедия», т. 3. М., 1964 г., стр. 58).

*Стр. 44 * «...на поток и разграбление капиталу и фиску».*

Ф и с к (устар.) — государственная казна; ф и с к а л — чиновник, действовавший гл. обр. в области финансовой и судебной (См. «Словарь русского языка». М., 1952 г., стр. 790).

*Стр. 46 * «...самоновейших приемов грабежа, выработанных господином Купоном...»*

Высоко ценимый Лениным писатель Глеб Успенский первым ввел в литературу образ «господина Купона», символически обозначив им власть капитала, хищную природу капиталиста. Этот образ получил широкое распространение в русской печати 80-х и 90-х годов прошлого века.

*Стр. 60 * «...может остаться рабом Пуришкевичей».*

Имеется в виду П у р и ш к е в и ч В. М. — богатый помещик, монархист-черносотенец. После Октября — яростный враг Советской власти.

*Стр. 61 * «...«Новое Время» и все ему подобные».*

«Н о в о е В р е м я» — газета, выходившая в Петербурге с 1868 по 1917 г. В годы первой русской революции и позднее была органом черносотенцев. В 1912 г. В. И. Ленин дал ей такую оценку: «Эта газета стала в России образцом продажных газет. «Нововременство» — стало выражением, однозначащим понятиям: отступничество, ренегатство, подхалимство».

*Стр. 68 * ...народ воздаст им и за этот «подвиг».*

Постановление об «отпадении» Толстого от церкви было принято святейшим синодом 20—22 февраля (5—7 марта) 1901 г. и через два дня опубликовано в печати. В это время в Москве происходили волнения среди студентов и рабочих; весть о решении синода послужила их усилению.

В день, когда газеты напечатали постановление синода, Толстой спокойно отправился на обычную прогулку по московским улицам. В центре города, на Лубянской площади (ныне площадь Дзержинского), писатель встретился с огромной, возбужденной толпой, «в несколько тысяч человек», как записала в своем дневнике С. А. Толстая. Узнав «отлученного» писателя, студенты и рабочие кричали: «Ура Льву Николаевичу! Привет великому человеку!» И несколько дней подряд к дому Толстого в Хамовниках приходили многочисленные депутации, вручали сочувственные адреса, дарили цветы. Почтальоны приносили сотни телеграмм и писем. С. А. Толстая записала в дневнике 6 марта 1901 г.: «Несколько дней продолжается у нас в доме какое-то праздничное настроение; посетителей с утра до вечера — целые толпы».

Увидев, что решение синода об «отлучении» Толстого от церкви вызвало гнев и возмущение народа, высшие церковные сановники сделали попытку «примириться» с писателем. В середине февраля 1902 г. петербургский и ладожский митрополит «смиренный Антоний» направил Софье Андреевне письмо с просьбой убедить ее мужа примириться с церковью и вернуться к ней. «О примирении речи быть не может»,— решительно ответил Толстой.

*Стр. 74 * «...на войну в Кубе и в Филиппинах, на отнятие и удержание богатств Трансвааля и тому подобное».*

Толстой говорит здесь об испано-американской войне 1898 г., начатой американцами под предлогом помощи Кубе, боровшейся за независимость. Испания вынуждена была тогда уступить Соединенным Штатам Америки свои колонизаторские «права» на

Филиппинские острова, захваченные ею в XVI веке. Война в Южно-Африканской Республике Трансвааль между ее жителями бурами и английскими колонизаторами началась в октябре 1899 г. Толстой сочувствовал бурам, героически ведшим неравную борьбу. С 1 сентября 1900 г. Трансвааль, богатый месторождениями золота и алмазов, подпал под английское владычество.

*Стр. 76 * «...таких философов, как Ницше, таких ученых, как Мальтус и Вейсман».*

Ницше Фридрих (1844—1900) — реакционный немецкий философ и поэт. Многие его «идеи» были позднее приняты на вооружение фашизмом. Толстой не раз говорил, что читал «с великим отвращением» книги Ницше и что их автор «полусумасшедший, до безумия самоуверенный, неосновательный, ограниченный, но бойкий на язык» (Письмо к В. В. Стасову от 31 июля 1902 г.).

Мальтус Томас Роберт (1766—1834) — английский священник и буржуазный экономист. Его книга «Опыт о законе народонаселения» (1798 г.) вызвала у Толстого резкое осуждение.

Вейсман Август (1834—1914) — немецкий естествоиспытатель, создавший реакционное учение о наследственности как единственной основе развития живых организмов.

*Стр. 77 * «...бездомной жизни среди городских «хитровцев» и т. д.».*

«Хитровцы» — обитатели Хитрова рынка, который в старой Москве был, как писал Толстой, «центром городской нищеты». Он находился недалеко от речки Яузы, между улицей Солянкой и Покровским бульваром. Во второй главе трактата «Так что же нам делать?» Толстой рассказывает, как он ходил к Хитрову рынку и посетил там Ляпинский ночлежный дом. Писатель испытал настоящее потрясение, увидев «голодных, холодных и униженных жителей Ляпинского дома».

*Стр. 100 * «...«Сказку об Иване-дураке...»*

Ее полное заглавие — «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах». Толстой написал «Сказку...» в 1885 г., а в следующем году она была выпущена в свет издательством «Посредник». По словам Толстого, записанным его биографом, излюбленные образы народных сказок о трех братьях он наполнил своим содержанием. Старший брат Семен-воин — это, по мысли Толстого, милитарист вроде Николая I; средний брат Тарас-брюхан (сначала писатель назвал его кулаком) — это капиталист. А с образом младшего брата Иванушки-дурака Толстой связывал свою мечту об идеальном крестьянском царстве, где все равны, все трудятся и всем хорошо.

*** В статье «Герои «оговорочки» Ленин сурово критикует эти базаровские рассуждения...*

Статья В. Базарова «Толстой и русская интеллигенция», подвергнутая Лениным суровой критике, была напечатана в меньшевистском журнале «Наша заря», № 10, 1910 г., стр. 43—52. Редакция журнала сопроводила ее следующим примечанием: «Печатая интересную статью В. Базарова, своеобразно освещающего учение Л. Н. Толстого, редакция считает нужным оговориться, что отдельные положения статьи она оставляет на ответственности автора». В. И. Ленин справедливо расценил это «примечание» как насквозь фальшивое. Выразив несогласие с «отдельными положениями» статьи, редакция не указала, какие именно положения она имела в виду. «Так ведь много удобнее для прикрытия путаницы!» — замечает Ленин. Лицемерных редакторов «Нашей зари» он назвал героями «оговорочки». Отсюда и заглавие шестой ленинской статьи о Толстом.

*Стр. 105 * «...ни Сисмонди, ни Прудон не были».*

Сисмонди (1773—1842) — швейцарский экономист и историк, взгляды которого В. И. Ленин критикует в статье «К характеристике экономического романтизма».

Прудон (1809—1865) — французский экономист и социолог, один из родоначальников анархизма. Об утопичности его взглядов Ленин говорит в той же работе.

*Стр. 107 * Какими же критериями должны пользоваться наследники...*

Критерий — отличительный признак, «пробный камень, мерило...» — (из «Словаря иностранных слов»).

*Стр. 110 * ...или христианского эвдемонизма...*

Эвдемонизм — философское учение, сторонники которого признают источником всех действий человека его стремление к счастью.

*Стр. 122 * «...и прочие энциклопедисты...»*

Энциклопедисты — группа передовых французских ученых, философов и писателей, издававшая во второй половине XVIII века «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел».

*Стр. 126 * «...оно царит над всеми умами во всем мире».*

Высказывания иностранных писателей о Толстом приводятся нами по книгам: «Литературное наследство», т. 75. «Толстой и зарубежный мир». М., изд-во «Наука», 1965 г., кн. 1 и 2; «Л. Н. Толстой. Сборник статей». М., Учпедгиз, 1955 г.

*Стр. 134 * ...и по количеству языков, на которые они переведены.*

Эти данные приведены в журнале «Курьер ЮНЕСКО» в февральском номере за 1957 г. (стр. 13) и в сентябрьском номере за 1965 г. (стр. 34). Интересные сведения на эту тему сообщила также «Комсомольская правда» в статье «Что читает мир» (см. номер газеты от 6 сентября 1968 г.).

*Стр. 136 * «...но Плеве этому не сочувствует...»*

Плеве В. К. (1846—1904) — министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов.

*Стр. 138 * ...и превращен ими в мишень для стрельбы.*

В газете «Литература и искусство» от 18 марта 1944 г., № 12, помещена фотография этого бюста Толстого и статья о нем М. Долгополова «Чудовищные злодеяния гитлеровских вандалов в Новгороде».

*Стр. 140 * ...и заслуживает самого пристального изучения.*

Цитируемая работа В. Эджертона напечатана в книге «Американские статьи к 6-му международному конгрессу славистов». Прага, 1968 г., август (на английском языке).

*Стр. 148 * ...повесть «позднего» Толстого «Хаджи Мурат».*

Одному из мемуаристов запомнилось, как Горький говорил, что Владимир Ильич Ленин любил у Толстого «Севастопольские рассказы», «Войну и мир» и в особенности «Казаки». См.: Владимир Познер. Воспоминания о Горьком. «Москва», 1958 г. № 3, стр. 196.

Другой автор приводит со слов Горького глубоко положительный отзыв В. И. Ленина о повести Толстого «Хаджи Мурат». См.: Д. Соколов. Друг. Харьковское книжное изд-во, 1946 г., стр. 8.

СОДЕРЖАНИЕ

Иллюстративный материал подобран

А. М. Дрибинским

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Константин Николаевич Ломунов

ЛЕНИН ЧИТАЕТ ТОЛСТОГО

Ответственный редактор
К. А. Черненко
Художественный редактор
С. И. Нижняя
Технические редакторы
В. К. Егорова и Л. В. Гришина
Корректоры Е. Б. Кайрукштис
и К. И. Каревская.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 19/X 1973 г. Формат 70×90[1]/16. Бум. тифдр. № 1. Печ. л. 10. Усл. печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 10,89. Тираж 100 000 экз. А09366. Заказ № 1534. Цена 75 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

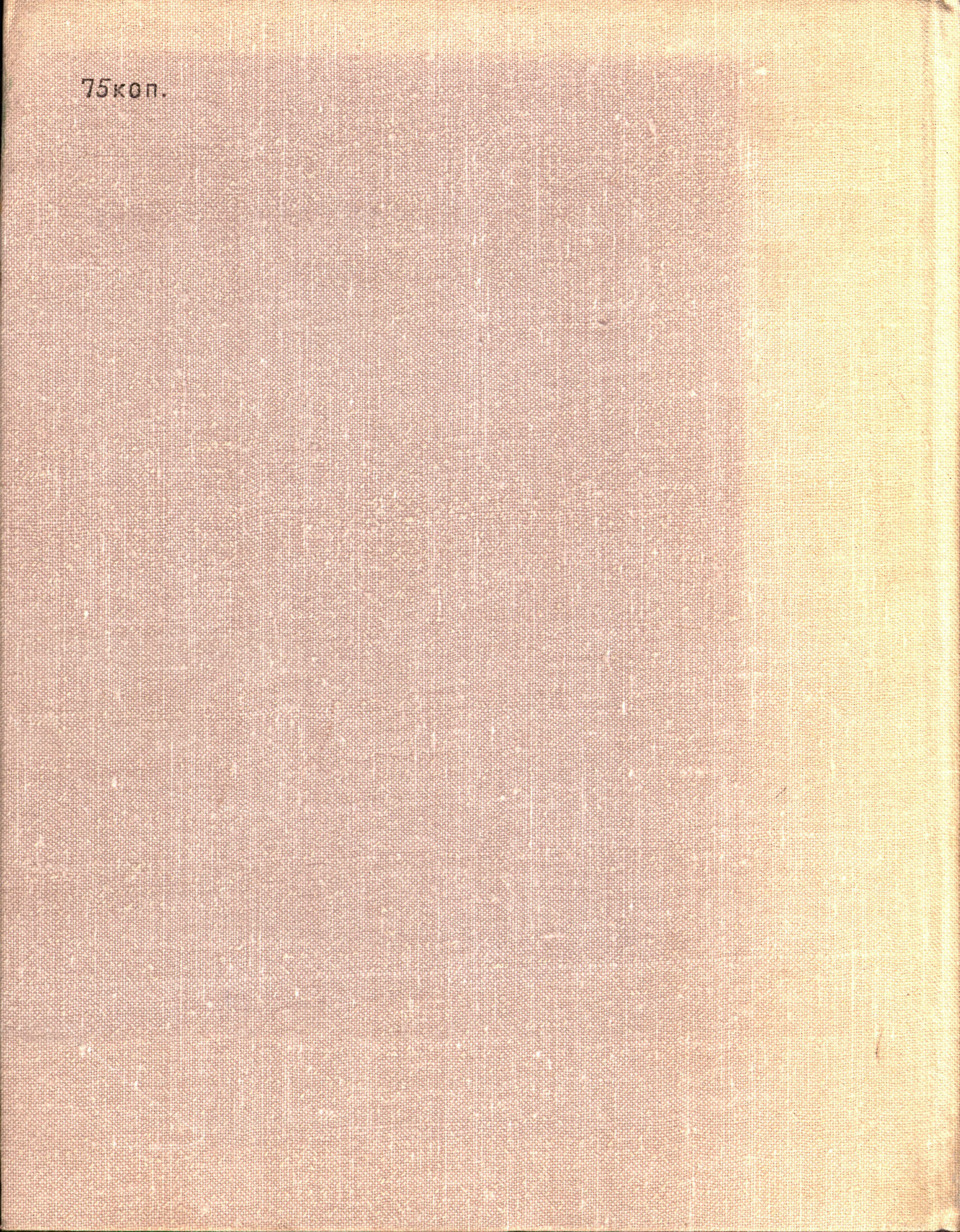
К. Н. Ломунов

Л75 Ленин читает Толстого. Художественно-публицистический очерк. Изд. 2-е. Оформл. Е. Ганнушкина. М., «Дет. лит.», 1974.

159 с. с фотоил.

Книга знакомит с циклом статей В. И. Ленина, написанных им в 1908—1911 годах и посвященных анализу творчества Льва Толстого — великого художника, мыслителя, страстного протестанта. Эти статьи, подчеркивает автор книги, «представляют собой неоценимую сокровищницу идей. Они во многом определили пути развития всей нашей науки о литературе и искусстве».

7

75коп.

ЛЕНИН ЧИТАЕТ ТОЛСТОГО